

**Актуальные проблемы уголовного права
на современном этапе**

(вопросы дифференциации ответственности
и законодательной техники)

Научный журнал

Выпуск 6

Ярославль
ЯрГУ
2017

**Актуальные проблемы уголовного права
на современном этапе**
(вопросы дифференциации ответственности
и законодательной техники)

2017. Выпуск 6

Научный журнал

Издается с 2012 года.

Учредитель: Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

Редакционная коллегия:
Л. Л. Кругликов (главный редактор)
А. А. Князьков, О. Ю. Комарова

Адрес редакции:
150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14.
e-mail: kruglikov@uniyar.ac.ru

Л. Л. Кругликов

(Ярославский госуниверситет)

E-mail: kruglikov@uniyar.ac.ru

Отягчающие обстоятельства как ограничительное средство в российском уголовном праве*

В статье анализируется исчерпывающий характер перечня отягчающих обстоятельств, определяются критерии отбора данных, «претендующих» на включение в данный перечень, а также выявляются проблемы, связанные с применением судами такого обстоятельства, как «совершение преступления в состоянии опьянения», который содержится в самостоятельной части ст. 63 УК РФ.

Ключевые слова: уголовное наказание; отягчающее обстоятельство; состояние опьянения; обстоятельство буферной группы.

L. L. Kruglikov

(Yaroslavl State University)

Aggravating circumstances as the limiting means in the Russian criminal law

The article analyzes the exhaustive nature of the list of aggravating circumstances that define data selection criteria, "applying" for inclusion in this list and also identifies the problems associated with the use by courts of such circumstance as "committing a crime while intoxicated", which is contained in a separate part of Art. 63 of the Criminal Code of Russia.

Keywords: criminal penalties; aggravating circumstance; intoxication; fact of a buffer group.

Согласно части 3 статьи 60 УК РФ, на вид и размер наказания, определяемых преступнику судом, влияние оказывают тяжесть содеянного (характер и степень общественной опасности преступления) и личность виновного, в том числе обстоятельства,

---

* Статья выполнена в рамках проекта РГНФ № 17-03-00682.

Статья написана при финансовой поддержке ЯрГУ, проект ВИП-002.

© Кругликов Л. Л., 2017

смягчающие и отягчающие наказание. При этом суд не вправе ограничиться воспроизведением этой стандартной законодательной формулировки, – ибо она едина для всех уголовных дел и мало что проясняет в конкретном деле; он обязан посредством приведения конкретных данных мотивировать в приговоре выводы по вопросам, связанным с назначением подсудимому вида и размера наказания. «В приговоре следует указывать, – подчеркивал Пленум Верховного суда РФ еще в п. 1 постановления № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» от 11 января 2007 г., – какие обстоятельства являются смягчающими и отягчающими наказание, сведения, характеризующие личность подсудимого, мотивы принятых решений по всем вопросам, относящимся к назначению уголовного наказания, освобождению от него или его отбыванию» [1, с. 7]. В действующем постановлении Пленума № 58 по тому же вопросу также обращено внимание на то, что установление обстоятельств, отягчающих наказание, имеет важное значение при определении лицу, совершившему преступление, как основного, так и дополнительного наказания. В связи с этим в приговоре следует указывать, какие обстоятельства суд признает смягчающими и отягчающими наказание [2, с. 18].

Из цитируемого видно, что мало привести в приговоре сами данные по делу, они должны убедительно обосновывать применяемое к виновному лицу наказание. Но возможно ли это в действительности? Существует точка зрения, что «... логически обосновать назначение конкретного наказания за конкретное преступление вообще невозможно» [3, с. 61], что судья назначает наказание в сущности не с разумной, а с эмоциональной позиции [4, с. 63]. Если с ней согласиться, сама постановка означенного вопроса становится никчемной.

Упомянутые в заголовке ст. 63 УК РФ обстоятельства наделены функцией влияния на а) *наказание* б) *отягчающим* образом. В этой связи надо отметить, что, во-первых, данные обстоятельства влияют не только на наказание, но и на ответственность в целом, поэтому используемое обозначение их в УК как данных, влияющих на «наказание», не выглядит идеальным; во-вторых, функцией отягчения (как и смягчения) наделены и *иные* обстоятельства (например, характеризующие форму вины, степень осуществления

преступного намерения, роль в соучастии и т. д.). Отличительное свойство обстоятельств, именуемых в законе отягчающими (равно и смягчающими), – их способность значительно (существенно) влиять на назначаемое судом наказание и на ответственность в целом.

Отсюда отягчающие обстоятельства могут быть определены как **данные, которые: 1) относятся к преступлению и (или) к личности виновного, 2) значительно усиливают ответственность, наказание ввиду их существенного влияния на степень общественной опасности преступления и личности (либо только личности).**

Как о производных от содержания преступления и от личности виновного данных следует вести речь об учете отягчающих обстоятельств при назначении наказания «в том числе» (как об этом и говорится ныне в ч. 3 ст. 60 УК РФ).

Заметные подвижки, можно сказать прорыв, налицо в реализации в УК РФ идеи законодательно определить влияние отдельных отягчающих данных на избираемое судом наказание. Это обстоятельства так называемой «буферной» (промежуточной) группы. У них есть нечто общее и с квалифицирующими обстоятельствами, поскольку они изменяют пределы назначения наказания непосредственно в законе, и с обычными отягчающими обстоятельствами, так как о них говорится в Общей части Уголовного кодекса и они, не изменяя квалификации содеянного, влияют на избираемое судом наказание в сторону его усиления. Конкретизации (формализации) подверглись ныне обстоятельства, характеризующие стадии неоконченного преступления и рецидив преступлений, совокупность преступлений и приговоров, несовершеннолетие виновного и т. д.

Привлекательна сама по себе идея о необходимости в разумных пределах формализовать значение конкретных данных по делу, определить их влияние на избираемое судом наказание. Свою нишу в обеспечении справедливости назначаемого за преступление наказания занимают отягчающие обстоятельства.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 62 УК РФ при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» и (или) «к» ч. 1 ст. 61 (деятельного раскаяния), **если отсутствуют отягчающие** обстоятельства, срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого

вида наказания, предусмотренного санкцией соответствующей статьи Особенной части. Равно с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности суд вправе при наличии смягчающих обстоятельств и **«при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств»** изменить категорию преступления на менее тяжкую (ч. 6 ст.15 УК РФ).

В недавнем прошлом ст. 68 УК устанавливала градируемое усиление наказания в зависимости от вида рецидива. Да и ныне предусмотрено (ч. 2 ст. 68) усиление наказания при рецидиве: срок наказания при любом виде рецидива преступлений не может быть менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания по санкции. Таким образом, рецидив преступлений влечет более строгое наказание в пределах, предусмотренных для таких случаев Уголовным кодексом (ч. 5 ст. 18 УК РФ). В силу положений ст. 58 УК, вид колонии для отбывания лишения свободы дифференцирован в зависимости от отсутствия/наличия у лица рецидива, а также вида рецидива (простой, опасный или особо опасный).

Разумеется, к категории главных (особых) обстоятельств могут быть отнесены не только обстоятельства из числа включенных в перечни, но и иные. Эту позицию разделил ныне и закон. Так, конкретизация коснулась, в частности, совокупности преступлений и приговоров. Другое дело, что, поскольку законодатель не признает такого рода данные даже обычными отягчающими обстоятельствами, относить их к кругу «особых» следует с большой осторожностью.

Тем не менее мы по-прежнему считаем необходимым отнесение к разряду главных и некоторых других обстоятельств, оставшихся вне поля зрения законодателя, в частности группового характера преступления, неоднократности и продолжаемого характера деяния, а равно хулиганских побуждений. Симптоматично, в частности, указание в ч. 7 ст. 35 УК РФ на то, что совершение группового преступления влечет более строгое наказание на основании и в пределах, предусмотренных Уголовным кодексом. Следовало бы это законоположение довести до логического завершения посредством установления силы (меры) влияния на наказание факта совершения группового преступления как отягчающего обстоятельства (сейчас оно признается ординарным отягчающим – см. п. «а» ч. 1 ст. 63 УК).

Подчас законодатель прибегает к юридической фикции: при фактическом наличии в деле отягчающих обстоятельств предписывается суду *не учитывать* их, как бы не замечать их наличия. В частности, при вердикте присяжных, если виновный признается заслуживающим снисхождения в части назначаемого наказания, «обстоятельства, отягчающие наказание, не учитываются» (ч. 4 ст. 65 УК). Равно, если отягчающее обстоятельство предусмотрено в уголовном законе в качестве одного из признаков преступления, оно не может повторно учитываться при назначении наказания со ссылкой на ст. 63 УК РФ.

Возникает естественный вопрос: какую роль – дифференцирующего либо индивидуализирующего средства – выполняют в приведенных случаях отягчающие обстоятельства?

Думается, однозначного ответа здесь быть не может. С одной стороны, дифференциация, градация ответственности – «епархия» законодателя. Именно последний (законодатель) определяет роль и силу влияния на наказание отдельных обстоятельств. Отталкиваясь от этой позиции, есть определенные основания утверждать, что во всех трех упомянутых случаях, а тем более при закреплении в законе силы влияния (конкретизации) отдельных отягчающих обстоятельств, речь надо вести о дифференциации ответственности и наказания с помощью отягчающих обстоятельств.

Фактически о дифференцирующих средствах речь идет и в ч. 3 ст. 20 УК РФ, когда законодатель предусматривает пониженный возраст уголовной ответственности за совершенные «при отягчающих обстоятельствах» умышленные уничтожение или повреждение имущества (ч. 2 ст. 167) и хулиганство (ч. 2 и 3 ст. 213) УК. Это, кстати, пример сбоя в законодательной технике, неточности языкового обозначения. Надо говорить: «при квалифицирующих», а не отягчающих обстоятельствах.

С другой стороны, дифференциация – необходимая и неизбежная ступень последующей индивидуализации наказания, при этом данная ступень находит отражение, закрепление в уголовном законодательстве. Так что далеко не всё, что фигурирует в законе, можно именовать дифференциацией.

Сказанное имеет отношение и к вышеприведенным ситуациям. Бесспорно, что формализация силы влияния отдельных обстоя-

тельств в Общей части УК (например, касательно нижнего порога наказания при рецидиве) суть проявление процесса дифференциации. То же можно утверждать относительно обязательного наличия /отсутствия отягчающих обстоятельств как неперемennого условия применения/неприменения соответствующего законоположения (возможность замены категории преступления, назначения наказания в виде лишения свободы – ч. 6 ст. 15, ч. 1 ст. 56 УК РФ и т. д.).

Иной вывод напрашивается при фиксации в законе общего направления влияния на наказание отягчающих обстоятельств. Поскольку речь идет о предпосылке процесса индивидуализации наказания, о создании посредством определения основных направлений уголовной политики надлежащих условий выбора меры уголовно-правового воздействия судом по его усмотрению, логично говорить не о дифференциации, а об индивидуализации наказания.

Особого разговора заслуживает вопрос о роли состояния опьянения в индивидуализации и дифференциации наказания.

В прежнем Уголовном кодексе 1960 г. состояние опьянения признавалось общеотягчающим обстоятельством (п. 10 ст. 39 УК РСФСР). В УК 1996 г. в перечне отягчающих (ст. 63 УК РФ) оно перестало фигурировать как не обладающее свойствами обязательности и строго определенной направленности влияния на наказание.

Известно, какую сумятицу внесло это в «головы» судей. Верховным судом практике было заявлено, что 1) совершение лицом преступления в состоянии опьянения законом не отнесено к обстоятельствам, отягчающим наказание; но 2) «в силу части третьей статьи 60 УК РФ эти сведения, при наличии к тому оснований, могут учитываться при оценке данных, характеризующих личность» [5, с. 3–4].

В последующем постановлении Пленум занял скорректированную позицию: «Совершение лицом преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных или других одурманивающих веществ, законом не отнесено к обстоятельствам, отягчающим наказание» [6, с. 9]. И всё. Уже нет никаких рекомендаций, как быть суду в случае выявления факта опьянения преступника, может ли оно повлиять на избираемое наказание.

Наконец, в постановлении 2009 г. [7, с. 7] вопрос о роли состояния опьянения обойден полным молчанием.

И вдруг – как снег на голову. Во-первых, в ст. 264 УК РФ осуществлена подробная дифференциация наказуемости на базе признака «совершение преступления в состоянии опьянения»: при его наличии в преступлении санкция в виде лишения свободы увеличена с двух лет соответственно до четырех (ч. 2), семи (ч. 4) и девяти (ч. 6) лет [8], в то время как во всех других статьях о транспортных преступлениях упомянутому признаку уголовно-правового значения не придано. Или, может, другим статьям, кроме ст. 264 УК, этот признак не присущ?

Во-вторых, ФЗ РФ от 21 октября 2013 г. № 270-ФЗ перечень отягчающих обстоятельств дополнен ч.1¹ ст. 63 УК, согласно которой «судья (суд), назначающий наказание, в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного может признать отягчающим обстоятельством совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ» [9].

Что должны думать по этому поводу судьи? Чем объясняется «ползучая» интерпретация Пленумом роли опьянения: от «да» (можно учитывать при назначении наказания) до полного замалчивания важного для практики вопроса? И далее: верно ли, умалчивая о роли состояния опьянения при назначении наказания, «как снег на голову» принимать решение о придании этому обстоятельству значения квалифицирующего, особо квалифицирующего? И притом только в одном виде преступления.

По нашему мнению, поскольку отягчающие и смягчающие обстоятельства учитываются судами в обвинительном приговоре при назначении наказания «в том числе» (ч. 3 ст. 60 УК РФ), действительно следовало прийти к выводу о возможности учёта состояния опьянения в числе иных обстоятельств – на основании двух основных критериев избрания наказания: характера и степени опасности преступления и личности виновного. Важно, однако, установить, что такое состояние в конкретном деле сказалось на степени опасности содеянного, состоит с ним в причинно-следственной связи, отрицательно характеризует виновного как личность.

В то же время нельзя не заметить допущенной законодателем полисемии: в п. 10 ст. 39 УК 1960 г. говорилось, что состояние

опьянения «признается» отягчающим, но в определенных случаях суд «вправе... не признать это обстоятельство отягчающим ответственность». В ст. 63 действующего УК прописано, что определенные обстоятельства «признаются отягчающими». Наконец, в новой ч.1¹ ст. 63 зафиксировано, что судья (суд) «может признать» состояние опьянения отягчающим.

Возникает вопрос: если в одном случае суду предоставлено право признать или не признать состояние опьянения отягчающим, то кем оно признается таковым в других случаях?

Судя по терминологии ч.1 ст. 61 и 63 УК, перечни определяются волею законодателя; один из них касается отягчающих обстоятельств (ст. 63 УК) – он носит «закрытый», полный, исчерпывающий характер и расширительному толкованию не подлежит.

В УК РФ опьянение не включено в перечень, что, на наш взгляд, обоснованно. Ему не место в основном перечне ст. 63 ввиду несоответствия его ряду требований: а) отсутствует строго определенная направленность влияния (состояние опьянения относится к обстоятельствам «переменного характера», поскольку способно в одних случаях сыграть нейтральную роль [10, с. 24–25], в других – свидетельствовать о повышенной степени общественной опасности преступления и личности, в третьих – наоборот, о пониженной опасности; б) отрицательное влияние его на личность, равно как и на степень общественной опасности содеянного, а отсюда и на наказание необязательно: оно может быть, а может и не быть.

Войти в *перечень* отягчающих данных оно потому не может. Но когда это обстоятельство характеризует повышенную опасность личности виновного и преступления, есть все основания для учета факта совершения деяния в состоянии опьянения в качестве и отрицательной характеристики личности виновного, и свидетельства повышенной общественной опасности преступления.

Состояние опьянения нередко сопутствует совершению преступления и, по нашим выборочным данным, в период действия прежнего Кодекса 1960 года пятую часть от всех учтенных судами отягчающих обстоятельств составляло обстоятельство «совершение преступления в состоянии опьянения». Да и сейчас этот вопрос не потерял актуальности. Поэтому странно, что в редакции п. 10 постановления 2007 года была дана характеристика рассматри-

ваемого обстоятельства только с одной стороны: оно не отнесено к обстоятельствам, отягчающим наказание. Что же отсюда следует – не указано. В итоге суды были оставлены без надлежащей помощи, не зная, как им поступать в конкретном случае.

Мы полагаем, что такая позиция способна была нанести только вред, приводя к неустойчивости судебно-следственной практики. Между тем редакция закона (ч. 3 ст. 60 УК РФ) позволяла однозначно поддержать толкование, данное в отмененном ныне постановлении 1999 года. В частности, не только по делам о дорожно-транспортных, но и иных транспортных преступлениях опьянение виновного при управлении источниками повышенной опасности свидетельствует о повышенной общественной опасности личности и совершенного ею преступления, а потому вполне может «претендовать» на роль квалифицирующего (особо квалифицирующего) обстоятельства.

Но как тогда понимать слова закона (ч. 1¹ ст. 63 УК) о том, что суд «может» признать состояние опьянения отягчающим обстоятельством? Ведь признание или непризнание обстоятельства отягчающим – это прерогатива законодателя. Проведем параллель с терминологией ч. 10 ст. 39 УК 1960 г.: «обстоятельство признается...», «суд вправе не признать». Определенное противоречие налицо. С одной стороны, «признание» – это исключительное право законодателя, а с другой – законодатель делегирует в порядке исключения свое право суду. Думается, это не лучший вариант комплектования перечня, но при наличии соответствующей оговорки, свидетельствующей о распоряжении законодателем своим правом, допустимым.

Резюмируя сказанное, следует констатировать, что 1) в условиях признания законодателем перечня общеотягчающих обстоятельств исчерпывающим не включение обстоятельства «совершение преступления в состоянии опьянения» в перечень и обособление его в самостоятельной части ст. 63 УК РФ представляется вполне объяснимым, тем более что указанное обстоятельство не соответствует вышеупомянутым критериям отбора данных, «претендующих» на их включение в перечень; 2) в то же время есть необходимость подумать либо о расширении круга составов с упомянутым усиливающим наказуемость признаком как квалифицирующим, либо отнести его к обстоятельствам «буферной» группы.

Ссылки

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.01.2007 № 2 «О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного суда РФ. 2007. № 4. С. 3–7.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2. С. 18–30.

3. Ной И. С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве. Саратов, 1973. 190 с.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.1999 № 40 «О практике назначения судами уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 8. С. 2–7.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.01.2007 № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 4. С. 2–8.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.10.2009 № 21 «О внесении изменений и дополнений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 1. С. 2.

7. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 9 дек.

8. Федеральный закон от 21.10.2013 № 270-ФЗ «О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2013. 23 окт.

9. Постановление Президиума ВС РСФСР от 02.03.1977 № 1372-п по делу Ионушиса // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1977. № 5. С. 24–25.

А. В. Иванчин

(Ярославский госуниверситет)

E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru

Формальные, материальные и формально-материальные составы преступлений (спорные вопросы трактовки)*

В статье анализируются проблемы трактовки формальных, материальных и формально-материальных составов преступлений. Автором исследуются доктринальные подходы к определению количества и вида таких составов в УК РФ. В итоге делаются собственные выводы, приводятся результаты анкетирования ученых и практиков.

Ключевые слова: состав преступления; законодательная конструкция; формальный состав; материальный состав; формально-материальный состав; последствия преступления; УК РФ.

A. V. Ivanchin

(Yaroslavl State University)

Formal, material and formal-material corpuses delicti (disputes questions of the interpretation)

In the article the author analyzes problems of interpretation of formal, material and formal-material corpuses delicti. The author investigates doctrinal approaches to definition of quantity and type of such corpuses in the Criminal Code of Russian Federation. As a result the author draws own conclusions, and also gives results of polling of scientists and practitioners.

Keywords: corpus delicti; legislative design; formal corpus; material corpus; formal-material corpus; crime consequences; Criminal Code of Russian Federation.

В доктрине уголовного права одним из наиболее значимых делений составов преступлений является их подразделение на *формальные* (ч. 1 ст. 126 УК РФ и т. п.), *материальные* (ч. 1

---

* Статья выполнена в рамках проекта РГНФ № 17-03-00682.

Статья написана при финансовой поддержке ЯрГУ, проект ВИП-002.

© Иванчин А. В., 2017

и ч. 2 ст. 105 и др.) и *формально-материальные* (например, ч. 1–4 ст. 159 УК). Критерием данного деления выступает функциональная роль последствий в составе. Для формальных составов они имеют нейтральное значение, ибо не включены в их конструкцию (таковы, например, составы налоговых преступлений в ст. 198–199.2). В материальных составах предусмотрено наступление общественно опасных последствий. В частности, в составе преднамеренного банкротства (ст. 196) – причинение крупного ущерба. Своеобразием отличаются формально-материальные составы, которые объединяют в своей конструкции разновидности преступления, для одной из которых последствия обязательны, а для другой – нет. Таковы, в частности, составы незаконного предпринимательства (ст. 171), незаконной банковской деятельности (ст. 172), незаконного использования товарного знака (ст. 180). Например, незаконное предпринимательство, согласно диспозиции ч. 1 ст. 171 УК, признается оконченным преступлением либо при условии извлечения субъектом дохода в крупном размере (формальная разновидность, ибо в законе указывается «масштаб» деяния, а не последствия), либо при условии причинения крупного ущерба (материальная разновидность). Ввиду того что последствия включаются в материальный состав преступления (а согласно нашей позиции, и в материальную разновидность формально-материального состава преступления), наблюдается редкое единодушие в науке. Но вот применение данного критерия для определения природы того или иного состава на деле оказывается весьма непростым.

Так, по данным С. П. Новосельцева, «анализ стилистического изложения статей Особенной части УК 1996 года позволяет отнести к группе формальных составов преступлений 66 % (169 из 255) всех преступлений» [1, с. 5]. Однако результаты его подсчетов обусловлены, среди прочего, авторским пониманием состава и его рамок в Особенной части УК. С. П. Новосельцев число составов приравнял к числу статей в Кодексе, т. е. определил рамки состава в Особенной части границами статьи, что представляется неверным. Состав преступления характеризует содеянное не просто как преступное, а как предусмотренное в качестве определенного преступления частью статьи (ч. 1 ст. 105, ч. 2 ст. 105 и т. д.) или неде-

лимой статьей Особенной части УК (ст. 110, 125 и т. п.) [2, с. 58–61]. Если в части статьи выделены пункты, то они, как представляется, закрепляют альтернативные признаки одного и того же состава преступления. Например, убийство в составе преступной группы (п. «ж») и из корыстных побуждений (п. «з») – альтернативные признаки одного (квалифицированного) состава убийства.

В пользу такого понимания рамок состава преступления в Особенной части УК говорит, в частности, тот факт, что именно данные структурные единицы УК (неделимые статьи или части статей Кодекса) содержат самостоятельную санкцию. Санкция же строится (или должна строиться) в зависимости от того, запрет совершения какого именно преступления она подкрепляет. Кроме того, наказуемость как признак преступления находит свое предметное выражение прежде всего в санкции статьи Особенной части. В пользу данного вывода свидетельствует и общепризнанное в доктрине деление составов на основные, квалифицированные и привилегированные.

К группе же материальных составов С. П. Новосельцевым отнесены следующие «способы законодательного изложения преступного посягательства»: 1) «раздельное употребление законодателем в диспозиции статьи признаков деяния и признаков, свидетельствующих о наступлении преступного последствия» (включая как материальные, так и нематериальные последствия); 2) «употребление законодателем таких слов, как «убийство», «нанесение», «повреждение», «уничтожение», «причинение», «заражение»; 3) «отдельные виды имущественных преступлений, традиционно считающихся материальными составами: «хищение», «грабеж», «мошенничество», «присвоение», «растрата»» [2, с. 48]. На наш взгляд, критерий, названный в п. 3, неоспорен. Вряд ли логично составы трактовать как материальные лишь на том основании, что они традиционно считаются таковыми. Так, упомянутые составы имущественных хищений являются материальными в силу примечания 1 к ст. 158 УК, в котором указан ущерб как последствие их совершения. Но это примечание не распространяется, в частности, на сферу общественной безопасности. По этой причине, например, основной и квалифицированные составы хищения оружия (ч. 1–4 ст. 226 УК) мы расцениваем

как формальные, хотя нередко их трактуют как материальные, ориентируясь исключительно на дефиницию имущественного хищения [3, с. 57].

Вместе с тем Пленум Верховного суда РФ указал, что «по смыслу закона под оконченным хищением оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств следует понимать противоправное завладение ими любым способом с намерением лица присвоить похищенное либо передать его другому лицу, а равно распорядиться им по своему усмотрению иным образом» [4, с. 6]. При такой трактовке, как видим, уже сам факт завладения оружием образует состав. Соответствующим образом складывается и следственно-судебная практика. Вот характерная цитата из определения Московского городского суда от 13.07.2011 г. по делу № 22-9085/11: «Хищение комплектующих деталей к оружию и боеприпасов может быть выражено в действиях, характерных хищению в любой форме, то есть под хищением указанных предметов следует понимать противоправное завладение с намерением присвоить похищенное либо передать его другому лицу, а равно распорядиться им по своему усмотрению иным образом» [5].

Нельзя в полной мере согласиться также с Н. Н. Баймаковой, которая полагает, что «материальными являются составы преступлений, последствия которых непосредственно указаны в диспозиции уголовно-правовой нормы (например, ст. 109 УК РФ), а также составы, последствия которых законодатель непосредственно не указывает, но подразумевает их наступление для признания преступления оконченным (например, ст. 158 УК РФ)» [6, с. 13]. Последствия подразумеваются во многих формальных составах преступлений – побоев, незаконного лишения свободы, дачи и получения взятки и т. д., что не дает еще повода расценивать их в качестве материальных. Очевидна, по нашему мнению, и неудачность приведенного автором примера, поскольку составы хищений не подразумевают наступление вредных последствий в виде имущественного ущерба, а он, как уже отмечалось, прямо назван в уголовном законе (в примечании 1 к ст. 158 УК).

Формальными составами, по мнению С. П. Новосельцева, являются: 1) «преступления, в диспозициях которых описаны только

характерные признаки преступного поведения без учета внешних изменений, которые наступили после преступного воздействия»; 2) преступления, составы которых в ч. 1 статьи УК сформулированы как формальные и соответствуют требованиям п. 1 (последствия же, указанные в последующих частях статьи УК, являются квалифицирующим признаком, обуславливающим назначение более строгого наказания); 3) «преступления, составы которых в теории уголовного права считаются усеченными» (при создании таких составов законодатель исходит из того, что «приготовительные действия или покушение уже представляют серьезную угрозу для общества» – бандитизм и т. п.); 4) «преступления, в которых законодатель предусматривает возможность наступления общественно опасных последствий» («деликты создания опасности»); 5) «преступления, диспозиция которых в изложении объединяет признаки формального и материального составов преступлений» (ст. 110, 171 УК и т. п.) [1, с. 49–50].

В данном утверждении автора относительно критериев выделения формальных составов небесспорными представляются п. 2, 4 и 5. Так, квалифицированные составы с последствиями нелогично, на наш взгляд, рассматривать как формальные на том лишь основании, что основной состав данного вида преступления сконструирован формально. Дело в том, что это различные составы, фиксирующие разный уровень опасности, хотя и одного вида преступления [7, с. 78–80]. Составы создания опасности, обладающие несомненным своеобразием с позиции момента их окончания, *в рамках исследуемой классификации* представляется необходимым отнести к материальному виду. В их описании названы последствия (пусть и возможные в будущем), установление опасности наступления которых как «промежуточного последствия» также обязательно. Наконец, автор отнес к формальным и формально-материальным составы, законодательная конструкция и особенности применения которых дают все основания расценивать их в качестве самостоятельного вида составов.

Д. В. Решетникова по рассматриваемому вопросу пришла к следующему выводу: «Материальный состав преступления – это конструкция *corpus delicti*, где момент окончания преступле-

ния напрямую связан с наступлением не любых, а только материальных общественно опасных последствий (в виде причинения жертве физического или имущественного вреда), предусмотренных в уголовном законе в качестве обязательного признака объективной стороны данной разновидности преступлений» [8, с. 89]. Думается, однако, что сведение материальных составов к составам только лишь с материальным вредом весьма спорно. Во-первых, критерий выделения материальных составов – это наличие в составе последствий, независимо от их вида. Во-вторых, при таком подходе многие составы, традиционно и по праву рассматриваемые в качестве материальных, будут зачислены в разряд формальных. Так, последствия преступлений в ст. 285 и 286 УК не «только материальные», а значит, их составы, следуя логике автора, являются формальными. Но очевидно, что это не так.

Разумеется, в материальных составах преступлений чаще всего фиксируются материальные последствия преступлений (как основные, так дополнительные и факультативные), но делается это не всегда. По мнению В. В. Мальцева, нематериальные последствия включаются в состав, превращая его в материальный, лишь при наличии двух условий в совокупности: 1) нематериальные последствия обозначаются в диспозиции выражающими вред терминами (иначе такие последствия «останутся незаметными, невидимыми, как бы «растворятся» в деянии, окажутся не более чем свойством последнего»); 2) «в этих терминах, так как нематериальные последствия не имеют «вещной оболочки», обозначаются их качественные черты, без которых нельзя уяснить смысл термина, а следовательно, и применить закон» [9, с. 84–85]. При этом нематериальные последствия, по мнению названного ученого, чаще всего в законе выражаются в понятиях, включающих материальный ущерб (например, существенный вред в составах злоупотребления властью или служебным положением, превышения власти или служебных полномочий, халатности). Ясно, что, исходя из специфики объекта должностных преступлений, основные последствия их совершения носят нематериальный характер (умалывается авторитет публичной службы и т. д.). Эти последствия «иногда сопровождаются причинением и материального вреда (имущественного, физического, экологического)» [9, с. 85].

Обосновывая свой взгляд на рассматриваемую проблему, упомянем, что первоначально, в момент своего появления, состав преступления обозначал материальные *следы* преступления. «В XVI–XVII веках, – писал Н. С. Таганцев, – под ним понимали все те следы, которые оставляет преступное деяние во внешнем мире, как, например, труп убитого, орудие убийства, следы крови и т. п.» [10, с. 141]. То есть состав имелся тогда, когда последствия носили материальный характер и, более того, они были осязаемыми. Думается, что это историческое прошлое в трактовке состава наложило отпечаток на его понимание в дальнейшем и не может игнорироваться даже сегодня. В частности, если в состав входит деяние, которое включает как свое неотъемлемое свойство нематериальные последствия в узком смысле, то имеются основания расценивать его в качестве формального (ч. 1 ст. 127 УК и т. п.). Но и в материальных последствиях нельзя не видеть принципиальных различий между теми, которые оставляют следы во внешнем мире и которые не оставляют таковых. Например, уничтожение или повреждение имущества либо официального документа (ст. 325 УК) влечет материальное последствие, которое является «овеществленным». Хищение же также влечет материальное последствие в виде имущественного ущерба, но не осязаемое. У него другая природа, отнюдь не физическая.

С учетом этой важной посылки мы полагаем, что материальный состав или материальная разновидность как часть формально-материального наличествует в случаях, если: 1) указаны материальные или нематериальные последствия *отдельно от деяния* (включая варианты составов, в которых деяния влекут иные деяния); 2) описаны деяния, которые включают в себя обязательные *осязаемые материальные последствия* (составы убийств, причинения вреда здоровью, уничтожения или повреждения чужого имущества, уничтожения или повреждения официальных документов и др.). Соответственно, иные варианты свидетельствуют, по нашему мнению, о формальном виде состава или формальной разновидности в едином формально-материальном составе. Поэтому, например, деяния, включающие обязательные нематериальные последствия, неотделимые от деяния, являются, на наш взгляд, преступлениями с формальным составом. В частности, похищение

человека (ст. 126 УК) своим нематериальным последствием имеет ограничение свободы передвижения человека, нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК) – нарушение сохранности личной или семейной тайны и т. д. Заметим, что в большинстве формальных составов преступлений описанные в них деяния воплощают собой и наступление определенных нематериальных последствий.

Изложенное показывает, что определение природы того или иного состава во многом обусловлено авторской трактовкой как понятия состава, так и его видов. Например, если обратиться к гл. 26 УК РФ, то, *по нашим подсчетам*, в ней содержится: материальных составов – 27, формальных – 6, формально-материальных – 8. В своих расчетах мы исходим, во-первых, из того, что границы состава преступления в Особенной части УК определяются неделимой на части статьей либо частью делимой статьи. Отсюда в 18 статьях гл. 26 УК (246–262) обнаруживается 41 состав. Во-вторых, в процессе подсчетов необходимо тщательно изучить природу и законодательное описание каждого преступления. Но даже при этом условии возможны разные оценки того или иного состава. Так, в доктрине отмечается, что в гл. 26 УК «формальность» некоторых составов абсолютно формальна, поскольку часто само деяние является собой последствие, и на этом основании к формальным причислены, например, составы уничтожения или повреждения лесных насаждений [11, с. 57].

В ходе же нашего анализа последние законодательные конструкции мы вслед за Э. Н. Жевлаковым [12, с. 484] расценили как материальные, поскольку они включают последствия в виде уничтожения или повреждения насаждений [13, с. 23]. В качестве материальных мы склонны рассматривать и составы, закрепленные в ст. 260 УК (рубка лесных насаждений в значительном, крупном и особо крупном размере), которые многие специалисты относят к формальным [14, с. 41; 15, с. 585]. Сама по себе рубка, действительно, является описанием деяния, а указание на размер – определением его масштаба. Но примечание к ст. 260, по сути дела, трансформировало формальные конструкции в материальные, поскольку виды *размеров* раскрыты через понятие *ущерба*, причиненного лесной растительности.

В то же время в одном из авторитетных источников в гл. 26 УК выявлено 45 составов: 26 материальных и 19 формальных [11, с. 57]¹. К формальным составам отнесены, в частности, формальные разновидности преступлений, описанных, наряду с материальными, в частях вторых ст. 247, 256 и 258 УК. Согласно же отстаиваемой в настоящей статье позиции, в этих частях закреплены единые составы с формально-материальной конструкцией. После этого понятно, что возможны и иные подходы к определению количества и вида составов в УК РФ, обусловленные авторским пониманием состава и его рамок в Особенной части.

Показательны в этом плане и результаты анкетирования, в рамках которого перед учеными и практиками нами был поставлен вопрос: «Какой, по Вашему мнению, состав преступления закреплен в ч. 1 ст. 325 УК («похищение, уничтожение, повреждение или сокрытие документов, печатей...»)»? Ответы ученых и практиков распределились соответственно таким образом: «формальный» – 29 и 23 %; «материальный» – 25 и 35 %; «формально-материальный» – 45 и 41 %; «другой вариант» – 1 и 1 % [16, с. 259]. При этом следует иметь в виду, что выделение формально-материальных составов не является общепризнанным в науке, а среди опрошенных практиков его признают лишь 57 %. Что же касается нашей позиции по составу в ч. 1 ст. 325 УК, то с учетом изложенного ранее мы относим его к формально-материальным. Похищение и сокрытие – это формальные разновидности указанного преступления, а уничтожение и повреждение – материальные.

Ссылки

1. Новосельцев С. П. Преступления с формальным составом в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 1998. 190 с.

2. Иванчин А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика : монография / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М, 2014. 352 с.

---

¹ После выхода в свет монографии Н. А. Лопашенко гл. 26 УК пополнилась еще одной статьей с основным и двумя квалифицированными составами. Речь идет о состоящей из трех частей ст. 258¹ (Незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами РФ), введенной Федеральным законом от 02.07.2013 г. № 150-ФЗ.

3. Кравцов А. И. Новые подходы к совершенствованию редакции статьи 226 УК РФ «Хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств» // Юридический мир. 2007. № 4. С. 52–58.

4. Пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 (в ред. от 03 декабря 2013 г.) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 5. С. 4–10.

5. Статья 226 «Хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» УК РФ (Подборка судебных решений за 2011 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Баймакова Н. Н. Момент окончания преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 21 с.

7. Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. 336 с.

8. Решетникова Д. В. Конструирование составов преступлений по моменту окончания: вопросы законодательной техники и судебной практики: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012. 223 с.

9. Мальцев В. В. Проблема уголовно-правовой оценки общественно опасных последствий. Саратов, 1989. 173 с.

10. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Лекции. Часть общая: в 2 т. М., 1994. Т. 1. 380 с.

11. Лопашенко Н. А. Экологические преступления: уголовно-правовой анализ : монография. М., 2009. 853 с.

12. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. И. Э. Звечаровского. М., 2010. 643 с.

13. Симонов А. Г. Уголовно-правовая охрана лесной и иной растительности от уничтожения или повреждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 28 с.

14. Жевлаков Э. Н. Экологические правонарушения и ответственность. М., 1997. 132 с.

15. Уголовное право России. Часть Особенная: учебник для вузов / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М., 2014. 816 с.

16. Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Ярославль, 2014. 452 с.

В. Ф. Лапшин

(Академия права и управления ФСИН России)

E-mail: kapitan-44@yandex.ru

Специальные условия освобождения от ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности

В работе раскрываются вопросы целесообразности включения в уголовное законодательство России специальных оснований освобождения от ответственности за совершение некоторых экономических преступлений. Обосновывается мнение о недопустимости освобождения от уголовной ответственности в случае возмещения виновным ущерба, причинённого в результате совершения преступления, а равно осуществления различных платежей компенсационного характера.

Ключевые слова: дифференциация уголовной ответственности, преступления в сфере экономической деятельности, специальные виды освобождения от уголовной ответственности, возмещение ущерба, предупреждение экономической преступности, общественное правосознание.

V. F. Lapshin

(Academy of Law and Management

of the Federal Penitentiary Service of Russia)

Special conditions for exemption from responsibility for crimes in sphere of economic activity

The article analyzed the expediency of inclusion in the Russian criminal law the special grounds for exemption from responsibility for the commission of certain economic crimes. The opinion about the inadmissibility of exemption from criminal responsibility in case of reimbursement of guilty damage caused by the offense, as well as the implementation of various payments of compensatory character.

Keywords: differentiation of criminal responsibility, crimes in the sphere of economic activities, special types of exemption from criminal responsibility, damages, prevention of economic crime, public sense of justice.

К настоящему времени в уголовно-правовой теории не сложилось единого мнения по вопросу об общественной опасности

экономических преступлений: одни авторы полагают, что данные посягательства содержат достаточно высокий потенциал вредоносности для общества и государства, другие же, наоборот, не видят необходимости применять к представителям «беловоротничковой» преступности традиционные меры уголовно-правового принуждения.

Казалось бы, определённость в решении данной проблемы должна наличествовать в действующем законодательстве, особенно с учётом того, что ещё в 80-х годах прошлого столетия государство официально объявило о формировании свободной рыночной экономики с максимально возможным присутствием в ней частного сектора. Однако анализ действующих нормативных актов свидетельствует об обратном. В Концепциях национальной безопасности России 1997, 2000 и 2015 гг. экономическая преступность рассматривалась не иначе как составная часть общей угрозы национальной безопасности наряду с терроризмом и коррупцией. Данное обстоятельство позволяет прогнозировать увеличение степени строгости реагирования на совершение экономических правонарушений, в том числе и уголовно-правовыми средствами. Но уголовное законодательство определяет подавляющее большинство посягательств, совершаемых в сфере экономической деятельности, в качестве преступлений небольшой или средней тяжести, а также содержит ряд поощрительных норм, устанавливающих специальные основания для освобождения от уголовной ответственности за совершение многих преступлений, предусмотренных гл. 22 УК. Исходя из этого можно констатировать, что современная российская уголовная политика противодействия экономической преступности должным образом не сформирована, а следовательно, отсутствует и системный подход реагирования государственных органов власти на совершение преступлений в сфере экономической деятельности.

Мы не будем далее подробно останавливаться на вопросе обоснования высокой общественной опасности экономических преступлений, поскольку, *во-первых*, этому посвящено значительное количество научных трудов авторов, которые на сегодняшний день признаны научным сообществом авторитетами в области теории экономического преступления: Л. Л. Кругликов, Б. В. Волженкин,

Н. А. Лопашенко, В. И. Тюнин, И. В. Шишко и др. *Во-вторых*, опасность экономических преступлений и необходимость активного противодействия экономической преступности, в том числе и уголовно-правовыми средствами, многократно подтверждена практикой правоохранительной деятельности многих зарубежных государств с развитой рыночной экономикой [1, с. 24–181].

Данная работа представляет собой анализ специальных оснований (видов) освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности, а также их социально-правовую обоснованность. Так, современное учение о дифференциации уголовной ответственности предполагает, что последняя может быть реализована не только путём реального применения к преступнику уголовного наказания, но и в том числе путём освобождения от ответственности по нереабилитирующим основаниям [2, с. 306; 3, с. 130] (гл. 11 УК и др.).

Определение оснований для освобождения от уголовной ответственности традиционно осуществляется следующим образом: общие основания распространяют своё действие на преступления, не представляющие значительной общественной опасности и относимые законодателем к категориям небольшой или средней тяжести. В этом случае лицо может быть освобождено от уголовной ответственности при выполнении ряда действий, совокупность которых характеризуется как позитивное постпреступное поведение [3, с. 16–18].

Специальные основания для освобождения от уголовной ответственности устанавливаются в особых случаях. Речь идёт о тяжких или особо тяжких преступлениях, представляющих серьёзную угрозу для безопасности многих людей, посягающих на значимые интересы общества и (или) государства. Освобождение виновного от уголовной ответственности в таких случаях преследует цель устранить угрозу причинения вреда от совершения преступления либо иным образом минимизировать негативные последствия его совершения. Это достигается путём стимулирования виновного на прекращение преступной деятельности или на совершение действий, направленных на устранение возникшей опасности, взамен на гарантированное освобождение от уголовной ответственности (примечания к ст. 126, 205, 206, 275 УК и др.).

С декабря 2011 года УК дополнен нормой-новеллой, предусматривающей специальный вид освобождения от ответственности за совершение некоторых преступлений в сфере экономической деятельности (ст. 76¹). Данная статья включена в гл. 11 УК, нормы которой предусматривают общие виды освобождения от уголовной ответственности за совершённое преступление. Сопоставление положений ст. 75, 76, 77 (в настоящее время утратила силу), 78 УК, с одной стороны, и ст. 76¹ УК – с другой, позволяет сделать вывод о невозможности включения последней в общую систему норм об освобождении от уголовной ответственности по причине их разнородности. *Во-первых*, каждый из видов освобождения предусматривает наличие какого-либо юридически значимого факта, возникшего после совершения преступления: деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим, изменение обстановки, истечение сроков давности. В названии ст. 76¹ УК указание на такой юридически значимый факт отсутствует. Законодатель ограничился лишь указанием на специфику уголовного дела, хотя использование уголовно-процессуальных категорий в данном случае является выходом за пределы предмета уголовно-правового регулирования.

Судя по содержанию указанной нормы, фактически единственным основанием для освобождения за ряд преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности, является полное возмещение ущерба, причиненного потерпевшему в результате совершения преступления, и компенсационно-штрафные выплаты в пользу федерального бюджета. При этом на стороне потерпевшего может выступать и отдельно взятый гражданин, и общество, и государство (например, бюджетная система РФ при совершении налогового преступления).

Во-вторых, наличие большинства перечисленных в ст. 75, 76 и 78 УК обстоятельств свидетельствует о существенном уменьшении общественной опасности в первую очередь личности виновного. Возмещение ущерба, причиненного в результате совершения преступления, является только лишь одним из совокупности ряда условий, требуемых для положительного решения вопроса об освобождении от уголовной ответственности. Совершение лицом активных социально полезных действий после преступления подтверждает отсутствие необходимости применения уголовно-правовых мер

принуждения. В ст. 76¹ УК, по сути, единственным условием для положительного решения об освобождении от ответственности признаётся полное возмещение ущерба, причинённого в результате совершения преступления.

Формально предусматривается ещё одно условие – совершение перечисленных преступлений впервые. Однако практика толкования и применения данного юридически значимого признака для освобождения от уголовной ответственности «свела на нет» его правовую значимость. По общему представлению человек, совершивший в первый раз такое преступление, не представляет существенной угрозы, а потому может претендовать на освобождение от уголовной ответственности. Если он после освобождения от уголовной ответственности совершает преступление вторично, достоверно зная обо всех возможных правовых последствиях своего деяния, то освобождать его от уголовной ответственности уже нецелесообразно в связи с отсутствием факта существенного уменьшения общественной опасности личности виновного. Тем не менее сложившаяся в настоящее время практика применения поощрительных уголовно-правовых норм признаёт лицом, впервые совершившим преступление, любого человека, у которого отсутствует судимость на момент совершения преступления. Таким образом, категория «лицо, впервые совершившее преступление» является юридической фикцией, а не объективным фактом.

Наконец, *в-третьих*, даже наличие совокупности всех юридически значимых условий для освобождения от уголовной ответственности не рассматривается в качестве правового основания, порождающего обязанность суда принять решение об освобождении от уголовной ответственности соответствующее лицо. Это правильно, поскольку лицо обязано понести уголовную ответственность, подвергаясь различным лишениям и правоограничениям в зависимости от избранного вида наказания за совершённое преступление. Освобождение же от уголовной ответственности является не более чем исключением из указанного общего правила. Именно поэтому нельзя предусматривать в нормах УК обязанность суда принимать решение об освобождении лица от уголовной ответственности при наличии совокупности правовых условий. В противном случае

уголовно-правовые нормы в этой части рискуют вступить в противоречие с общеуголовными принципами равенства граждан перед законом и справедливости (ст. 4, 6 УК).

К сожалению, именно такое противоречие наблюдается при анализе положений ч. 1, 2 ст. 76¹ УК. Здесь освобождение лица от уголовной ответственности является безальтернативной обязанностью суда. При этом освобождение от ответственности за налоговое преступление (ст. 198-199¹ УК) допускается в случае возмещения в полном объёме ущерба, причинённого бюджетной системе России. Он определяется суммой преступно не уплаченных налогов и (или) сборов, пени и штрафов, начисленных в соответствии с действующим налоговым законодательством.

Несколько иной подход предусмотрен в отношении лиц, совершивших иные преступления в сфере экономической деятельности. На момент введения данной нормы в уголовное законодательство – декабрь 2011 года – освобождение от уголовной ответственности за совершение преступлений, перечисленных в ч. 2 ст. 76¹ УК, было обязательным, если виновный в полном объёме компенсирует потерпевшему причинённый материальный вред, а также перечислит в федеральный бюджет сумму, в пять раз превышающую размер причинённого ущерба или дохода, полученного в результате совершения преступления.

Значительные размеры суммы денежных средств, которую необходимо было перечислить в бюджет для гарантированного освобождения от уголовной ответственности за совершение экономического преступления, позволило отдельным авторам утверждать о бесперспективности практической реализации поощрительных положений ст. 76¹ УК: необходимость пятикратного возмещения причинённого ущерба за освобождение от уголовной ответственности представляет собой «закабаление преступника под прикрытием освобождения от уголовной ответственности», ... которая «не слишком страшная» по сравнению с теми суммами, которые необходимо перечислить в пользу государства для её избегания [4, с. 322, 324].

На первый взгляд прагматичность приведённой аргументации, особенно на тот период времени, была бесспорна: сумма возможного наказания в виде штрафа будет в разы меньше суммы, которую

будет необходимо перечислить в государственную казну для гарантированности применения ст. 76¹ УК. Однако следует помнить, что, в отличие от гражданско-правовой ответственности, уголовная ответственность является самой суровой разновидностью юридической ответственности, негативные последствия которой могут иметь место в отношении не только самого преступника, но и членов его семьи (например, фактическое отсутствие возможности претендовать на должности в правоохранительных и судебных органах власти и др.). Уголовное наказание в виде штрафа, о котором писали авторы, скептически воспринимая положения ст. 76¹ УК, не является единственным за совершение экономических преступлений: у суда имеется реальная возможность назначения и более строгого наказания в пределах санкции соответствующей нормы гл. 22 УК. Поэтому нельзя сводить данную проблему исключительно к сопоставлению сумм денежных средств, определяемых или в рамках реализации уголовного наказания, или в процессе положительного решения об освобождении от уголовной ответственности (ст. 76¹ УК).

Нами же ранее обращалось внимание ещё на один негативный момент включения в уголовное законодательство основания для безальтернативного освобождения от уголовной ответственности, построенного на известном положении: «заплатил – не привлекут» [5, с. 136]. Рассматриваемая норма уже в декабре 2011 года создала предпосылки для корректирования общественного правосознания: в случае совершения преступления в сфере экономической деятельности от уголовной ответственности за его совершение можно откупиться, не выходя за пределы правового поля. Имеющее место противоречие с общим принципом наказуемости деяния, запрещённого уголовным законом (ч. 1 ст. 14 УК), до сих пор сглаживается значительными размерами сумм, которые лицо обязано заплатить государству за своё освобождение (кроме случаев освобождения от ответственности за совершение налоговых преступлений). Однако, как только общественное правосознание избавится от негативной реакции на существование в УК подобного основания для освобождения от уголовной ответственности, сумма выплат за освобождение будет уменьшена до «разумных пределов». Именно этот процесс мы можем наблюдать в настоящее время:

Федеральным законом от 3.07.2016 г. № 325-ФЗ пятикратный размер «отступных» выплат, предусмотренный ч. 2 ст. 76¹ УК, уменьшен до двукратного размера и, думается, что это не последняя корректировка суммы, которую необходимо заплатить за освобождение от уголовной ответственности.

Оценивая принципиальную возможность и целесообразность включения подобных оснований для освобождения от уголовной ответственности, можно спрогнозировать реальное наступление негативных последствий как для практики противодействия экономической преступности (равно как и преступности в целом), так и для общественного правосознания, развращаемого подобными возможностями. Конечно, государство получает прямую материальную выгоду, гарантированно освобождая виновного в совершении преступления от уголовной ответственности. Но в конечном счёте бюджет будет нести гораздо большие потери, поскольку представители хозяйствующих субъектов быстро осознают выгоду от совершения экономического преступления, раскрытие которого объективно представляет значительные сложности. В случае же признания судом виновности лица в совершении экономического преступления (что на сегодняшний день большая редкость), у подсудимого всегда будет иметься возможность «законно откупиться» от грозящей уголовной ответственности.

Таким образом, справедливость формулируемого вывода о нецелесообразности включения в УК ст. 76¹, закрепляющей специальные основания для освобождения от уголовной ответственности за совершение ряда преступлений в сфере экономической деятельности, под сомнение не ставится. Введение подобного основания вообще оспаривает действительную общественную опасность соответствующих деяний гл. 22 УК. Дополнение уголовного закона статьёй 76¹, по сути, приравнивает перечисленные в ней преступления к разновидности гражданско-правового деликта, поскольку последствия совершения последнего сводятся, в основном, к возмещению причинённого ущерба и исполнению предусмотренных законом и (или) договором штрафных санкций. Данное решение не учитывает ни общественную опасность деяния, признанного преступным, ни достижения науки о его предупреждении уголовно-правовыми средствами.

Ссылки

1. Лапшин В. Ф. Теоретические основы установления и дифференциации ответственности за финансовые преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2016. 544 с.

2. Кругликов Л. Л. Понятие, основания и виды дифференциации ответственности за преступления и иные правонарушения // LEX RUSSICA. 2014. № 3. С. 305–313.

3. Рогова Е. В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 596 с.

4. Терновая Ю. Е. Освобождение от уголовной ответственности как форма поощрения за позитивное постпреступное поведение: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. 180 с.

5. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ: монография: в 2 ч. М., 2015. Ч. I. 326 с.

6. Лапшин В. Ф. Правовой анализ освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2012 г.). М., 2012. С. 130–140.

Е. В. Благов

(Ярославский госуниверситет)

E-mail: blagov@uniyar.ac.ru

Об освобождении от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности*

В статье характеризуются предусмотренные уголовным законом предписания об освобождении от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности, а также практика их понимания и применения, обращается внимание на несовершенство некоторых из них, а также на недостатки уголовно-процессуальной формы их применения.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, день совершения преступления, вступление приговора в законную силу, сроки давности, течение сроков давности, приостановление сроков давности, возобновление сроков давности.

E. V. Blagov

(Yaroslavl State University)

About the exemption from criminal responsibility in connection with the expiration of the limitation period

In the article the criminal law provisions about the exemption from criminal responsibility in connection with lapse of time are characterized as well as practice their understanding and application, imperfection of some of them and the shortcomings of criminal procedure for their enforcement.

Keywords: exemption from criminal responsibility, the date of the offence, the sentence comes into force, the periods of limitation for limitation periods, suspension of limitation periods, resumption of limitation period.

В ст. 78 УК РФ установлено, что для освобождения от уголовной ответственности необходимо истечение соответствующего срока со дня совершения преступления. Последнее высвечивает излишнюю широту названия ст. 78. Оно безлико, ибо не содержит

---

* Статья написана при финансовой поддержке ЯрГУ, проект ВИП-002.

информации, об истечении сроков давности чего идет речь в статье. Причем об истечении таких сроков сказано и в ст. 83, но ее наименование информативно – «Освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда». Тем самым в заголовке ст. 78 должна идти речь об освобождении от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности совершения преступления.

Продолжительность сроков давности зависит только от категории совершенного преступления. Они исчисляются со дня совершения преступления и до момента вступления приговора суда в законную силу.

Начало течения сроков давности – день совершения преступления. Однако, вопреки прямому указанию закона, иногда считается, что сроки давности надлежит исчислять «с нуля часов суток, следующих за днем совершения преступления» [1, с. 59].

По-разному определяется сам день совершения преступления. Им признается день и совершения общественно опасных действий (бездействия) независимо от времени наступления общественно опасных последствий [2, с. 223], и наступления общественно опасных последствий, если они предусмотрены составом преступления и оно окончено [3, с. 240].

В п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (ред. от 29.11.2016) [4, с. 5–8; 12, с. 31–35] разъяснено, что «под днем совершения преступления, с которого начинается течение и исчисление сроков давности привлечения к уголовной ответственности, следует понимать день совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий (часть 2 статьи 9 УК РФ)». То, что нормотворец установил применительно к действию уголовного закона во времени, нельзя игнорировать и в других случаях, когда важно время совершения преступления. Да и вряд ли преступление продолжает совершаться после совершения соответствующих действий (бездействия).

Окончание течения сроков давности – момент вступления приговора суда в законную силу. Вместе с тем в литературе высказано мнение, согласно которому якобы «логично предположить,

что законодатель подразумевал не только приговор, но и любой другой процессуальный акт, разрешающий дело по существу» [5, с. 51], а в п. 18 упомянутого постановления отражено, что, «по смыслу части 2 статьи 78 УК РФ, сроки давности исчисляются до момента вступления в законную силу приговора или любого иного итогового судебного решения». При этом буква закона исключает такое его толкование. Неопределенности с понятием приговора суда быть не может, так как «законодатель что имел в виду, то и возвел в закон» [6, с. 67].

В п. 28 ст. 5 УПК РФ прямо установлено, что приговор – это «решение о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции». Если соответствующие положения ч. 2 ст. 78 УК расходятся с жизнью, Пленум Верховного суда РФ должен не подменять нормотворца, а выходить с законодательской инициативой об их изменении. Отсюда следует усомниться в справедливости вывода Конституционного Суда РФ, содержащегося в его Определении от 26.04.2016 № 750-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ермолаева Юрия Андреевича на нарушение его конституционных прав статьями 9, 10 и 78 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьями 338 и 339 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», согласно которому «складывающейся правоприменительной практикой (пункты 17 и 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»)» дается толкование ч. 2 ст. 78 УК, «отражающее ее буквальный смысл» [7].

Момент вступления приговора суда в законную силу определяется уголовно-процессуальным законодательством и различается в зависимости от того, судом какой инстанции постановлен приговор. На основании ст. 390 УПК приговор суда первой инстанции вступает в законную силу по истечении срока его обжалования в апелляционном порядке, если он не был обжалован сторонами (ч. 1), приговор суда апелляционной инстанции вступает в законную силу с момента его провозглашения (ч. 2).

В п. 18 постановления от 27.06.2013 № 19 уточнено, что «сроки давности привлечения к уголовной ответственности оканчи-

ваются по истечении последнего дня последнего года соответствующего периода (например, если преступление небольшой тяжести было совершено 12 августа 2010 года в 18 часов, то срок давности в данном случае начинает течь 12 августа 2010 года, последний день срока давности – 11 августа 2012 года, по истечении которого, т. е. с 00 часов 00 минут 12 августа 2012 года, привлечение к уголовной ответственности недопустимо)). При этом «не имеет значения, приходится ли окончание сроков давности на рабочий, выходной или праздничный день». Когда последний день срока давности совпадает с днем вступления приговора в законную силу, «лицо не подлежит освобождению от уголовной ответственности, поскольку срок давности еще не истек».

Ввиду возможности совершения одним лицом нескольких преступлений в ч. 2 ст. 78 УК установлено, что «в случае совершения лицом нового преступления сроки давности по каждому преступлению исчисляются самостоятельно». Говоря иначе, срок давности за одно преступление ничем не связан со сроком давности за другое преступление.

В то же время новое преступление по определению совершается лишь после предыдущего, т. е. прежде всего при реальной совокупности преступлений. Отсюда имеется неопределенность с исчислением сроков давности при идеальной совокупности преступлений.

Под идеальной совокупностью преступлений понимается «одно действие (бездействие), содержащее признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями настоящего Кодекса» (ч. 2 ст. 17). Очевидно, что при ней преступления могут совершаться одновременно. Следовательно, выделить старое и новое преступление нельзя, а отсюда отсутствует нормативное решение об исчислении сроков давности.

По смыслу закона иного решения в отношении идеальной совокупности преступлений, чем отраженное в ч. 2 ст. 78, быть не должно. И она, и идеальная совокупность – разновидности одного и того же уголовно-правового явления: совокупности преступлений (ст. 17). Хотя, конечно, смыслу закона предпочтительнее его буква и желательно, чтобы в ч. 2 ст. 78 имелось общее предписание, согласно которому «в случае совершения лицом нескольких преступлений сроки давности по каждому из них исчисляются самостоятельно».

Истечение давностных сроков не всегда влечет освобождение от уголовной ответственности. Дело в том, что закон установил несколько препятствий для их течения. Ими являются: а) уклонение от следствия или суда (ч. 3 ст. 78), б) уклонение от уплаты судебного штрафа (ч. 3), в) совершение преступления, наказуемого смертной казнью или пожизненным лишением свободы, если суд не сочтет возможным применить давность (ч. 4), и г) совершение отдельных видов преступлений (ч. 5).

Понятно, что под уклонением от суда имеется в виду то, что происходит в период судебного производства (до вступления приговора в законную силу). По смыслу закона под следствием в ч. 3 ст. 78 имеется в виду предварительное следствие. Значит, речь идет об уклонении в период досудебного производства.

Между тем в досудебное производство включено предварительное расследование, а оно помимо предварительного следствия осуществляется в форме дознания (ст. 150 УПК). Уклонение от последнего вряд ли исключено, но исходя из ч. 3 ст. 78 УК оно никакого влияния на сроки давности оказывать не должно. Вряд ли это правильно, но таков закон, который в отмеченной части желательно скорректировать. Сейчас же заявлять о том, что уклонение может исходить «от органов дознания, предварительного следствия или суда» [8, с. 13], преждевременно.

Следствие и суд ведутся в отношении подозреваемого и обвиняемого, в том числе – подсудимого (ст. 46, 47 УПК). Тем самым они и могут уклоняться от следствия и суда.

Отсюда, с одной стороны, в соответствующей части узко «подразумевать под "лицом, уклоняющимся от следствия или суда" только обвиняемого (подсудимого), который, с целью избежать уголовной ответственности, умышленно скрывает от органов дознания, предварительного следствия или суда место своего нахождения» [8, с. 13]. С другой стороны, понятно, что с добавлением к указанному кругу лица подозреваемого не согласиться нельзя [1, с. 60], но нельзя и согласиться с тем, что сюда нужно еще добавить «лицо, причастность которого к совершенному преступлению достоверно установлена, и предпринимаются меры к его задержанию» [2, с. 229]. Подобного участника уголовного судопроизводства, который может уклоняться от следствия или суда, нигде не предусмотрено.

В абз. 2 п. 19 Постановления от 27.06.2013 № 19 разъяснено, что «под уклонением от следствия и суда следует понимать такие действия подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, которые направлены на то, чтобы избежать задержания и привлечения к уголовной ответственности (например, намеренное изменение места жительства, нарушение подозреваемым, обвиняемым, подсудимым избранной в отношении его меры пресечения, в том числе побег из-под стражи)». При этом «отсутствие явки с повинной лица в случае, когда преступление не выявлено и не раскрыто, не является уклонением от следствия и суда». В такой ситуации для освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности неясна роль отсутствия явки с повинной лица в случае, когда преступление выявлено и раскрыто. Если исходить из того, что уклонение – соответствующие «действия», то само по себе бездействие в виде отсутствия явки с повинной в любом случае не является уклонением от следствия и суда. Самое же главное – задержание не является обязательным уголовно-процессуальным последствием совершения преступления, а уклониться от следствия или суда лицо может и после привлечения к уголовной ответственности.

Скорее всего, соответствующее лицо уклоняется от следствия или суда с ранее отмеченной целью избежать уголовной ответственности и наказания. Подобное в принципе возможно и путем бездействия, т. е. отсутствия явки с повинной, но она не является обязанностью лица, совершившего преступление. Поэтому должны быть совершены соответствующие действия.

Изложенный подход к уклонению от следствия или суда критикуется в связи с тем, что «такая трактовка уклонения лишает смысла институт давности, поскольку в подавляющем большинстве случаев лицо, совершившее преступление, не стремится предстать перед правосудием, обычно скрывает факт совершения преступления и в той или иной мере затрудняет проведение расследования» [9, с. 67–68]. В силу отмеченного выше, если все это совершается бездействием, то никакого отношения к уклонению оно не имеет.

В п. 19 постановления от 27.06.2013 № 19 разъяснено и то, что «с учетом положений части 2 статьи 104.4 УК РФ лицо считается уклоняющимся от уплаты судебного штрафа, назначенного в соответствии со статьей 76.2 УК РФ, если оно не уплатило

такой штраф в установленный судом срок (до истечения указанной в постановлении суда конкретной даты) без уважительных причин». При этом «уважительными причинами неуплаты судебного штрафа могут считаться такие появившиеся после вынесения постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования обстоятельства, вследствие которых лицо лишено возможности выполнить соответствующие действия (например, нахождение на лечении в стационаре, утрата заработка или имущества ввиду обстоятельств, которые не зависели от этого лица)».

При уклонении лица, совершившего преступление, от следствия или суда либо от уплаты судебного штрафа течение сроков давности приостанавливается. Приостановление означает, что данные сроки прекращают исчисляться. Последнее в принципе ограничено лишь пределами уклонения от следствия или суда либо уплаты судебного штрафа.

Уклонение от следствия или суда заканчивается при задержании лица или его явке с повинной. Под задержанием лица имеется в виду его фактическое задержание. По п. 11 ст. 5 УПК «задержание подозреваемого – мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления», а по п. 15 «момент фактического задержания – момент производимого в порядке, установленном настоящим Кодексом, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления».

В п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» разъяснено, что под явкой с повинной «следует понимать добровольное сообщение лица о совершенном им или с его участием преступлении, сделанное в письменном или устном виде» [10, с. 22]. Данное определение не совсем верно. Хотя ст. 142 УПК, на основе которой оно сформулировано, и называется «Явка с повинной», в ч. 1 установлено, что «заявление о явке с повинной – добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении». Тем самым в законе раскрыта не явка с повинной, а заявление о ней, что не одно и то же. Причем в нем в отличие от постановления никак не отражено, что преступление может быть совершено и в соучастии.

В русском языке слова «явиться» и «повинная» означают соответственно «прибыть, прийти куда-н.» и «признание своей вины» [11, с. 944, 951]. Согласно ст. 144 УПК принимать сообщение о преступлении обязаны дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа. Выходит, что явка с повинной – прибытие лица к дознавателю, органу дознания, следователю, руководителю следственного органа и добровольное сообщение о совершенном преступлении.

При задержании лица или явке его с повинной сроки давности возобновляются. Последнее означает, что сроки давности начинают течь снова. Обычно считается, что в них включаются сроки, истекшие до их приостановления [2, с. 233]. Вероятно, при этом исходят из того, что при уклонении от следствия или суда течение сроков давности приостанавливается, а не прекращается.

Правда, в ст. 78 УК о зачете в сроки давности времени, истекшего до начала уклонения от следствия или суда, ничего не говорится. Зато в ч. 2 ст. 83 применительно к освобождению от наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда прямо сказано, что «сроки давности, истекшие к моменту уклонения осужденного от отбывания наказания, подлежат зачету». Тем самым по букве закона в отсутствие особого решения в ст. 78 зачет как будто не должен происходить. Непонятно только почему для освобождения от уголовной ответственности установлены более строгие правила, чем для освобождения от наказания. Говоря иначе, системный смысл закона – за зачет и в ст. 78, хотя опять-таки предпочтительнее было бы единообразное нормативное решение.

Для освобождения от уголовной ответственности при совершении преступления, наказуемого смертной казнью или пожизненным лишением свободы, сами по себе сроки давности роли не играют. Все зависит от решения суда. Он может применить или не применить давность в зависимости от поведения лица после совершения преступления. Чем поведение лучше, тем больше шансов для освобождения. Чем поведение хуже, тем таковых меньше.

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 09.04.2015 № 66-АПУ15-12 сказано, что согласно ч. 4 ст. 78 вопрос о применении сроков давности решается с учетом «всех обстоятельств дела» [12, с. 43]. От всех обстоятельств

дела ставится в зависимость применение или неприменение давности также и в теории [13, с. 105]. Дискуссионность такого подхода заключается в том, что принятие во внимание обстоятельств дела, которые существовали на момент совершения преступления, при неприменении давности должно исключать их учет при назначении наказания. В противном случае окажется, что одни и те же обстоятельства дважды повлияют на уголовно-правовые решения.

Если лицо не будет освобождено от уголовной ответственности за истечением сроков давности, применение смертной казни или пожизненного лишения свободы исключено. В связи с данным предписанием возникает сомнение в справедливости разъяснения, содержащегося в п. 20 постановления от 27.06.2013 № 19, согласно которому «исходя из положений части 4 статьи 78 УК РФ вопрос о применении сроков давности к лицу, совершившему преступление, за которое предусмотрено наказание в виде пожизненного лишения свободы, разрешается... в отношении всех субъектов независимо от того, может ли это наказание быть назначено лицу с учетом правил части 2 статьи 57, частей 2 и 2.1 статьи 59, части 4 статьи 62 и части 4 статьи 66 УК РФ». Напротив, правильно указывается в литературе, что «рассматриваемое правило о применении сроков давности не распространяется на лиц, совершивших преступления, наказуемые смертной казнью или пожизненным лишением свободы в несовершеннолетнем возрасте» [13, с. 104–105].

Если соответствующим субъектам не может быть назначено пожизненное лишение свободы, то в отношении их оговорка ч. 4 ст. 78 о его неназначении при неприменении сроков давности бессмысленна и никакого смягчения наказания в отличие от других субъектов не происходит. Пожизненное лишение свободы и без того соответствующим субъектам определению не подлежит, ибо для них данное наказание в соответствующих санкциях как бы не существует. Видимо, именно поэтому в приведенном пункте постановления Пленума Верховного суда РФ ничего не сказано о смертной казни.

В отношении преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 78 (статьями 205, 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, частями третьей и четвертой статьи 206, частью четвертой статьи 211, статьями 353, 356, 357, 358, 361 настоящего Кодекса, а равно совершившим сопряженные с осуществлением террористической деятельности преступления,

предусмотренные статьями 277, 278, 279 и 360 настоящего Кодекса), закон запрещает освобождение от уголовной ответственности независимо от времени, прошедшего с момента их совершения. Причем наказание в данном случае назначается на общих основаниях.

Интересно, что в санкциях ч. 3 ст. 205, ч. 4 ст. 205.1, ст. 205.3, ч. 1 ст. 205.5, ч. 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211, ст. 277, ст. 357, ч. 1 и 3 ст. 161 присутствует либо пожизненное лишение свободы, либо оно и смертная казнь. Поскольку на такие же случаи рассчитана ч. 4 ст. 78, которая допускает возможность освобождения от уголовной ответственности, она должна иметь приоритет над ч. 5, не допускающей данной возможности. Уголовный закон следует толковать в благоприятном для лица, совершившего соответствующее преступление, направлении.

В заключение следует отметить, что с уголовно-правовыми последствиями истечения сроков давности несколько вольно обращается уголовно-процессуальный закон. В ч. 8 ст. 302 УПК предусмотрено, что если истечение сроков давности уголовного преследования обнаруживается в ходе судебного разбирательства, то суд продолжает рассмотрение уголовного дела в обычном порядке до его разрешения по существу и постановляет обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания.

В уголовном законодательстве отсутствует освобождение от наказания в связи с истечением сроков давности совершения преступления. В нем имеется лишь освобождение от наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора, но оно решает совсем другие вопросы.

Негоже уголовно-процессуальному праву игнорировать установленный уголовным правом вид освобождения от ответственности и создавать вид освобождения от наказания, не предусмотренный уголовным правом. Процессуальная форма не должна противоречить материальному содержанию. Тем более считается, что «в УПК должна быть закреплена норма о том, что в связи с истечением срока давности уголовное дело подлежит прекращению в любой стадии судебного разбирательства. Ведь истечение этого срока является препятствием для любой стадии производства по уголовному делу, в том числе и для вынесения приговора» [6, с. 67].

Несмотря на отмеченное, Конституционный Суд РФ в Определении от 15.01.2008 № 292-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Дьячковой Ольги Геннадьевны на нарушение ее конституционных прав частью восьмой статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» по поводу обнаружения истечения сроков давности уголовного преследования в ходе судебного разбирательства фиксирует следующее: «Если же в результате судебного разбирательства, продолженного по требованию обвиняемого, будет установлена его вина в совершении инкриминируемого ему преступления, вынесение постановления о прекращении уголовного дела ввиду истечения сроков давности становится невозможным и суд постановляет обвинительный приговор с освобождением обвиняемого от назначенного наказания.

Поскольку, таким образом, производство по уголовному делу при обнаружении в ходе судебного разбирательства такого основания прекращения уголовного дела, как истечение сроков давности, может быть продолжено лишь по волеизъявлению обвиняемого, освобождение его в случае вынесения обвинительного приговора не от уголовной ответственности, а от наказания в порядке части восьмой статьи 302 УПК Российской Федерации само по себе не может рассматриваться как нарушение конституционных прав и свобод [14, с. 71]. При этом неясно, почему не может рассматриваться как нарушение конституционных прав и свобод освобождение от наказания, вид которого не установлен уголовным законом. При этом всякому понятно, что при постановлении приговора лицо не может быть освобождено от уголовной ответственности (п. 28 ст. 5 УПК).

Ссылки

1. Аликперов Х. Д. Освобождение от уголовной ответственности. Москва; Воронеж, 2001. 128 с.
2. Егоров В. С. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М., 2002. 279 с.
3. Сверчков В. В. Освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела (преследования), отказ в его возбуждении: проблемы теории и практики. СПб, 2008. 286 с.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8. С. 5–8.

5. Прошляков Л. Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности // Российская юстиция. 2000. № 9. С. 51–52.

6. Куссмауль Р. Момент истечения сроков давности в УК РФ установлен верно // Российская юстиция. 2001. № 9. С. 67.

7. Определение Конституционного Суда РФ от 26.04.2016 № 750-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ермолаева Юрия Андреевича на нарушение его конституционных прав статьями 9, 10 и 78 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьями 338 и 339 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Аликперов Х. Д. Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности // Законность. 1999. № 8. С. 12–13.

9. Дуюнов В. К. Освобождение от уголовной ответственности и от уголовного наказания. Тольятти, 2001. 171 с.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2. С. 18–30.

11. Ожегов С. И., Шведова Н. И. Толковый словарь русского языка. М., 1992. 960 с.

12. Определение Верховного Суда РФ от 09.04.2015 № 66-АПУ15-12 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1. С. 43.

13. Бриллиантов А. В. Освобождение от уголовной ответственности: с учетом обобщения судебной практики. М., 2010. 112 с.

14. Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2008 № 292-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Дьячковой Ольги Геннадьевны на нарушение ее конституционных прав частью восьмой статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2008. № 4. С. 71–74

Д. А. Калмыков

(Ярославский госуниверситет)

E-mail: kalmykov_da@defence-line.ru

**Взаимосвязь реформ
процессуального статуса защитника
в уголовном процессе России и итогов применения
Российского уголовного права: 1864–2014 годы**

В статье исследуется взаимосвязь между процессуальной обеспеченностью защитника-адвоката комплексом полномочий по реализации возложенных на него задач и функций в ретро – и перспективном аспектах и итогами применения уголовного права в контексте статистических данных по количеству оправдательных приговоров за минувшие 150 лет.

Ключевые слова: адвокатура, стадия расследования уголовного дела, уголовное судопроизводство, полномочия защитника, оправдательный приговор.

D. A. Kalmykov

(Yaroslavl State University)

**The relationship of the reform
of the procedural status of advocate
in criminal proceedings of Russia and the outcome
of the application of Russian criminal law: 1864–2014**

The article explores the relationship between procedural security, the defense lawyer complex powers for the implementation of the tasks and functions in the retro – and prospective aspects – and the outcome of the application of criminal law in the context of statistics data on the number of acquittals in the past 150 years.

Keywords: advocacy, stage of a criminal investigation, criminal legal proceedings, the powers of the defense, verdict of not guilty.

В настоящее время, учитывая общеизвестное событие – состоявшийся не так давно 150-летний юбилей справедливо именуемых «Великими» реформ российской государственности 1864 года, –

сложно удержаться от соблазна воспользоваться данным обстоятельством в качестве повода для ретроспективного анализа процессуального статуса защитника в уголовном процессе России с тем, чтобы выявить существующие тенденции, определить возможные перспективы и очертить наиболее актуальные проблемы, сопровождающие профессиональную деятельность защитников-адвокатов, участвующих в осуществлении правосудия по уголовным делам в современной России.

Как известно, рождение российской адвокатуры непосредственно связано с полномасштабной экономической реформой – отменой крепостного права, спланированной и осуществленной Императором Александром II в 1861 году. Фактически существовавшее ранее сословие ходатаев по чужим делам приобрело формальное правовое регулирование в ходе Судебной реформы 1864 года, когда официально было учреждено профессиональное сословие присяжных поверенных.

В утвержденном Императором Александром II 20 ноября 1864 года документе под названием «Учреждение судебных установлений» содержались: детальное определение и регламентация статуса присяжных поверенных, их прав, обязанностей, ответственности, порядок создания и функционирования органов самоуправления – так называвшихся «советов присяжных поверенных». Поскольку к разработке основных положений Судебной реформы 1864 года были привлечены, пожалуй, лучшие российские юристы тех лет – С. И. Зарудный, Д. Л. Ровинский, Н. И. Стояновский, чей проект учреждаемой адвокатуры отражал частично немецко-австрийский тип, суть которого заключалась в соединении в одних руках функций правозаступничества и судебного представительства, – созданная в дореволюционной России адвокатура соответствовала всем основным стандартам европейской буржуазной демократической юстиции.

Революционные события 1917 года привели к установлению абсолютно новой для России государственной власти – диктатуры пролетариата.

После Октябрьской революции 1917 года новое советское правительство приступило к созданию новых судов; преобразования затронули и уголовное судопроизводство.

Первые декреты о суде предусматривали равноправие сторон в процессе, что предполагало состязательные начала. Необходимость в принятии таких декретов была продиктована позицией власти пролетариата, направленной на упразднение судебной системы, существовавшей до Октябрьской революции. В. И. Ленин писал: «...Безусловной обязанностью пролетарской революции было не реформировать судебные учреждения, ... а совершенно уничтожить, смести до основания весь старый суд и его аппарат. Эту необходимую задачу Октябрьская революция выполнила, и выполнила успешно». А. В. Луначарский придерживался аналогичной точки зрения и указывал: «Долой суды-мумии, алтари умершего права, долой судей-банкиров, готовых на свежей могиле безраздельного господства капитала продолжать пить кровь живых. Да здравствует народ, создающий в своих кипящих, бродящих, как молодое вино, судах, право новое – справедливость для всех, право великого братства и равенства трудящихся» [1, с. 1].

В. П. Портнов и М. М. Славин полагали, что для организации уголовного процесса в 1917–1922 годах решающее значение имел принцип состязательности, т. к. законодательство о судопроизводстве пронизывалось положениями о том, что «обвиняемый как субъект уголовного процесса является стороной в процессе, имеющей определенный объем процессуальных правомочий» [2, с. 44–45]. Таким образом, советское уголовно-процессуальное законодательство восприняло значительную часть положений Устава уголовного судопроизводства царской России.

Декрет Совета Народных Комиссаров «О суде» от 24 ноября 1917 года № 1 полностью упразднил всю царскую юстицию Царской России, включая окружные суды, судебные палаты, Правительствующий сенат, институты судебных следователей, прокурорского надзора, присяжную и частную адвокатуру и предусмотрел, что в качестве защитника на предварительном следствии можно допускать всех непорочных граждан обоего пола.

Декрет «О суде» № 2, подтвердив в целом законодательные положения Декрета «О суде» № 1, внес в его текст ряд дополнительных ограничений, которые позволяли следственным комиссиям, осуществлявшим предварительное следствие по уголовным делам, ограничивать участие защиты, если это диктовалось интересами

раскрытия истины. При этом были разрешены к учреждению право-защитные коллегии, члены которых обладали монопольным правом поддерживать обвинение и защиту в судах.

Таким образом, можно утверждать, что в начальной фазе своего становления советский уголовный процесс в ходе его судебной стадии, в соответствии с Декретом «О суде» № 2, содержал в себе как инквизиционные, так и состязательные элементы. При этом судам позволялось пользоваться положениями судебных уставов 1864 года, если они не противоречили декретам ЦИК и правосознанию трудящихся классов. Судебное следствие предполагало участие как защитника, так и обвинителя. Однако в судебный процесс могли вмешиваться административные органы. Как подчеркивал Р. Давид, любое положение или принцип не стоит ничего, если на практике не существует способов для его осуществления [3, с. 301].

Последовавший 13 июля 1918 года Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «О суде» № 3 позволил уголовному процессу сохранить отдельные черты состязательности, поскольку допускал равенство прав стороны обвинения и защиты, сохраняя при этом активную роль суда, допускал участие защитников на предварительном следствии с возможностью ограничения участия последних в случае необходимости и в интересах следствия.

Принятое 12 апреля 1919 года ВЦИКом СССР «Положение о революционных трибуналах» по-прежнему предусматривало некоторые элементы состязательного начала в уголовном процессе, поскольку подсудимому предоставлялись основные права стороны процесса, с помощью которых он мог защищаться от обвинения, однако вопрос о допуске защитника или обвинителя в судебный процесс подлежал разрешению трибуналом.

Положение «О народном суде РСФСР» от 21 октября 1920 года также предусматривало возможность рассмотрения уголовных дел в суде на основе принципа состязательности.

Наконец, 25 мая 1922 года ВЦИК СССР принимает первый советский Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, который уже не предусматривал участия защиты на стадии предварительного расследования. Адвокат по уголовно-процессуальному законодательству СССР 1922 года допускался к защите интересов своего подзащитного только в судебной стадии процесса.

Очевидно, что для 1917–1922 годов была характерна так называемая «смешанная» форма уголовного процесса с явно выраженным обвинительным уклоном.

Последовавшие в 1930-х годах процессы индустриализации и коллективизации сопровождались введением в действие ЦИК СССР нормативных актов, предусматривавших возможность применения явно репрессивных методов. В частности, Постановление ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года «О порядке ведения дел о подготовке и совершении террористических актов», внесло в уголовно-процессуальные кодексы РСФСР и союзных республик ряд изменений, касающихся порядка и процедуры расследования и рассмотрения дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти, согласно которым следствие по этим делам должно было производиться в срок не более десяти дней, обвинительное заключение подлежало вручению обвиняемому за одни сутки до рассмотрения дела в суде, слушание дела в суде происходило без участия сторон, а кассационное обжалование приговоров, равно как и заявление ходатайства о помиловании, не предусматривалось, поскольку, например, приговор к высшей мере наказания подлежал приведению в исполнение немедленно по вынесении приговора.

Подобное состояние уголовно-процессуального законодательства СССР и союзных республик без существенных изменений сохранялось вплоть до 1958 года.

Таким образом, за период с 1864 по 1958 год в сфере уголовно-процессуального законодательства России имели место две противоположно направленные тенденции: первая – период с 1864 по 1917 год – характеризовалась процессом увеличения объема процессуальных прав защитника по уголовным делам; вторая – период с 1917 по 1958 год – представляла собой прямо противоположный процесс.

В 1958–1961 годах уголовно-процессуальное законодательство было существенно обновлено в части признания и расширения прав обвиняемого, его защитника и либерализации уголовного процесса в целом.

25 декабря 1958 года с принятием «Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик» принцип состязательности

в уголовном процессе был существенно усилен. Ряд новых положений, закрепленных в новом нормативном акте, фактически имевших характер принципов, теперь предусматривал при осуществлении производства по уголовным делам: в ст. 6 – неприкосновенность личности, в ст. 7 – осуществление правосудия только судом, в ст. 8 – осуществление правосудия на началах равенства граждан перед законом и судом, ст. 10 – независимость судей и подчинение их только закону, в ст. 12 – гласность судебного разбирательства, в ст. 13 – обеспечение обвиняемому права на защиту, в ст. 14 – всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела.

27 октября 1960 года принимается УПК РСФСР. Целью разработки данного Кодекса была провозглашена гуманизация уголовного судопроизводства. Состязательность распространялась строго на судебные стадии уголовного процесса, функции обвинения, защиты и осуществления правосудия были отделены друг от друга и распределены между прокурором, защитником и судом, однако на досудебных стадиях уголовного процесса функции обвинения и разрешения дела по-прежнему оставались объединенными. Также был значительно увеличен объем полномочий суда, который теперь должен был раскрывать преступление, имел право возбуждать уголовное дело по составам преступлений, выявленных в ходе судебного следствия, а также направлять дело для производства дополнительного расследования.

Кстати говоря, практически нулевая статистика оправдательных приговоров в этот период объяснялась как раз тем обстоятельством, что вместо вынесения таких приговоров суд возвращал уголовные дела в следственные органы для производства дополнительного расследования.

Прекращение существования СССР в 1991 году повлекло лавинообразное увеличение количества законодательных изменений, в том числе в сфере уголовного процесса, максимум которых – с позиции их фундаментальности и значимости – пришелся на период 1992–1993 годов. В ходе судебной реформы постсоветской России существенно выросла роль суда в осуществлении процессуального контроля за соблюдением законов органами предварительного расследования; суд перестал быть активным участником процесса доказывания по уголовным делам, приобретя статус независимого

арбитра, разрешающего спор сторон обвинения и защиты. Принцип состязательности, нормативно закрепленный в статье 123 Конституции РФ, принятой 12.12.1993 года, обозначил вектор дальнейшего развития судебной реформы и совершенствования уголовно-процессуального законодательства современной России. Принятый в итоге многолетних дискуссий новый УПК 2002 года утвердил принцип состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе в качестве фундаментального начала всей деятельности в сфере уголовного судопроизводства.

Таким образом, можно констатировать, что период с 1958 по 2002 год характеризовался очередным этапом увеличения объемов полномочий защитника в уголовном судопроизводстве, поскольку усиление принципа состязательности в уголовном процессе напрямую связано с тем инструментарием, который закон предоставляет, пожалуй, центральной фигуре стороны защиты – адвокату-защитнику. В этом смысле действующий УПК РФ не только юридически наделил защитника правом по осуществлению собственного адвокатского расследования (с определенными, впрочем, ограничениями) [4, с. 21–29], но и существенно расширил право адвоката на вступление в производство по уголовному делу в стадию не только предварительного расследования, но и возбуждения уголовного дела согласно текущей редакции ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ. Казалось бы, чего еще желать?!

Однако приблизительно с 2005 года в российской законодательной и правоприменительной практике стали появляться тревожные симптомы своеобразной ревизии осуществленных ранее реформ. Пиком реформирования российского уголовно-процессуального права в направлении состязательности было Постановление КС РФ от 20.04.1999 № 7–П. Тогда объектом внимания стала ст. 232 УПК: в институте возвращения уголовного дела судом прокурору на доследование Конституционный суд РФ справедливо усмотрел одно из наиболее одиозных проявлений инквизиционности, а вместе с тем и отрицание правового государства. Сейчас же, 14 лет спустя, КС РФ совершил не менее тихую «контрреволюцию».

Этим решением Конституционный Суд РФ завершил эволюцию своей позиции по другим принципиальным вопросам. В по-реформенных решениях Конституционного суда (после 2002 года)

был сформулирован ряд позиций публично-правового толка, которые открыли путь к пересмотру или отмене уголовно-процессуальных положений составительного содержания.

Произошло расширение смысла понятий «судебная ошибка» и «существенное (фундаментальное) нарушение». Относительно их смысла появились уточнения: «искажает саму суть правосудия», «разрушает необходимый баланс конституционно защищаемых ценностей, в том числе прав и законных интересов осужденных и потерпевших»; «неоспоримо свидетельствуют о том, что решение суда не отвечает требованиям справедливости; искажает саму суть правосудия, смысл приговора как акта правосудия»; «влечет причинение вреда гарантируемым Конституцией Российской Федерации правам и свободам человека и гражданина».

Все это оправдывало в глазах КС РФ проявление дискреционных полномочий суда (Постановление КС РФ от 11.05.2005 года № 5–П).

В своих решениях КС РФ при построении доводов стал опираться в качестве общих посылок на понятия с ярко выраженным публичным смысловым зарядом: «принципы справедливости, соразмерности и правовой безопасности», «справедливый баланс между интересами лица и необходимостью гарантировать эффективность системы уголовного правосудия», «баланс конституционно защищаемых ценностей, в том числе прав и законных интересов осужденных, с одной стороны, и прав и законных интересов других лиц, публичных интересов – с другой», «государство обязано обеспечить посредством правосудия защиту значимых для общества ценностей».

Такая направленность рассуждений позволила КС РФ разрешить суду по своей инициативе ставить вопрос об избрании меры пресечения (в виде заключения под стражу) или о продлении срока содержания под стражей; разрешить потерпевшему обжаловать в надзорной инстанции приговор в сторону ухудшения положения осужденного (оправданного) [5, с. 1–2].

Изложенное позволяет сформулировать следующий промежуточный вывод: несмотря на очевидно разнонаправленный характер отношения законодателя в России к статусу и полномочиям защитника по уголовным делам, который образно можно уподобить океанским приливам и отливам, поскольку процессуальная фигура защитника с момента своего появления в результате правовых

реформ 1864 года то наделялась все большим объемом правомочий и процессуальных инструментов, то либо совсем упразднялась, либо существенно ограничивалась в правах по участию в уголовном судопроизводстве, в настоящее время правовое положение данной ключевой фигуры стороны защиты в современном уголовном процессе также не отличается стабильностью и определенностью. Дело в том, что, с одной стороны, на текущий момент УПК РФ предоставляет адвокату-защитнику, пожалуй, максимально разнообразный (во всяком случае, за последние 150 лет) правовой инструментарий для использования в уголовном судопроизводстве в целях реализации возложенных на защитника процессуальных задач – представительство интересов лица, участвующего в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении (стадия возбуждения уголовного дела) и защита (стадия расследования и разрешения уголовного дела). Более того, по состоянию на 31.12.2011 года в региональных реестрах субъектов Российской Федерации содержатся сведения о 66 524 адвокатах с действующим статусом, то есть в сравнении как с 1864 годом, так и с периодом 1917–1991 годов по состоянию на 2014 год количественный состав адвокатуры в России, как минимум, не уменьшился [6].

Кроме того, как известно, после 1991 года в России появился (был восстановлен после полной ликвидации в 1917 году) институт мировых судей, что привело к тому, что по достаточно грубой оценке в настоящий момент на одного судью в Российской Федерации приходится примерно по два адвоката. Другими словами, при таком соотношении логичным было бы предположить, что уровень и качество защиты прав и законных интересов лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, должны также, как минимум, не ухудшиться по сравнению с показателями, существовавшими в советской и тем более царской России.

С другой же стороны, логически ожидаемый и фактический результаты такой внушительной процессуальной оснащенности защитника разительно отличаются друг от друга. Говоря о результате, следует уточнить: вряд ли целесообразно оспаривать тезис о том, что, рассуждая о результативности профессиональной деятельности как конкретного защитника, так и всей адвокатской корпорации в целом в контексте уголовного судопроизводства, основным

критерием всегда выступал и выступает статистический параметр количества оправдательных приговоров, выносящихся судебными инстанциями по уголовным делам, рассмотренным с участием адвокатов-защитников.

Именно этот результат (в предложенном выше его определении) представляет собой в настоящее время своеобразный парадокс. Дело в том, что, согласно официально опубликованной статистике, число оправданных составило в целом по России: в 1994 г. – 4 183 человека, в 1995 г. – 4 493, в 1996 г. – 4 943, в 1997 г. – 4 650, в 1998 г. – 3 735, в 1999 г. – 4 890, в 2001 г. – 5 298, в 2002 г. – 8950, в 2003 г. – 9 800, в 2004 г. – 7700 [7, с. 15], в 2005 г. – 8 200, в 2006 г. – 8 700 [8, с. 25], в 2007 г. – 8 500 [9, с. 59], в 2008 г. – 8 400 человек [10, с. 63] и т. д. Однако приведенные выше данные не позволяют сделать однозначный вывод о качестве правосудия даже в сравнении с общим количеством осужденных: в 1995 г. – 1 036 человек, в 2000 г. – 1 184, в 2001 г. – 1 244, в 2002 г. – 859, в 2003 г. – 767, в 2004 г. – 794, в 2005 г. – 879, в 2006 г. – 910, в 2007 г. – 916, в 2008 г. – 914 человек [11].

По данным опять же официальной судебной статистики, число лиц, оправданных приговорами судов Российской Федерации, от общего числа лиц по оконченным производством делам достигло в 1992 г. 0,4 %; в 1993 г. – 0,3 % [12, с. 25]; в 1994 г. – 0,3 % [13, с. 27]; в 1996 г. – 0,37 % [14, с. 25]; в 1997 г. – 0,42 % [15, с. 11]; в 1998 г. – 0,32 % [16, с. 52]; в 2002 г. – 0,87 %; в 2003 г. – 0,8 %; в 2004 г. – 0,7 % [17, с. 30]; в 2005 г. – 0,67 % [18]; в 2006 г. – 0,66 % [19, с. 25], в 2007 г. – 0,68 % [20, с. 59], в 2008 г. – 0,67 % [21, с. 61], в 2011–2012 гг. – 0,7 % [22].

Для сравнения весьма любопытно сопоставить их с данными, приведенными выше (сведения относительно количества оправдательных приговоров в РСФСР): в 1935 г. народными судами было вынесено 10,2 % оправдательных приговоров (к общему числу привлеченных к ответственности); в 1936 г. – 10,9 %; в 1937 г. – 10,3 %; в 1938 г. – 13,4 %; в 1939 г. – 11,1 %; в 1941 г. – 11,6 %, в 1942 г. – 9,4 % в 1943 г. – 9,5 %; в 1944 г. – 9,7 % и в 1945 г. – 8,9 % [23, с. 306].

Разумеется, при таком сравнении неизбежно возникает вопрос о некоем фактическом «стандарте» или «эталоне» количества оправдательных приговоров, на который можно ответить, скажем, путем указания на статистику оправдательных приговоров, выноси-

мых судами присяжных, – 15 % [24, с. 21] либо – на ссылки на мировую практику, которая дает показатель, равный в среднем 10–20 % [25, с. 277–278].

Однако даже при таком «усредненном» статистическом подходе с неизбежностью приходится признать: ситуация с долей оправдательных приговоров в современной России выглядит, мягко говоря, несколько странно. Напрашивается естественный вопрос: что же такое произошло в системе уголовного судопроизводства в нашей стране, если даже в тяжелейшие годы Великой Отечественной Войны 1941–1945 годов процент оправдательных приговоров не опускался ниже отметки в 8,9 %, не говоря уже о периоде репрессий 1936–1939 годов, когда этот показатель был стабильно выше 10 %?

Вряд ли уместны в данной ситуации попытки объяснить существующий показатель количества оправдательных приговоров высоким качеством предварительного расследования: не нужно быть специалистом, чтобы понимать, что это не так. Скорее, истинная причина анализируемого парадокса заключается в позиции правоприменителя – системы судопроизводства Российской Федерации. И заключается она в том, что сколь бы совершенным ни был набор процессуальных инструментов, предоставленных УПК РФ в распоряжение защитника, любые его – защитника – усилия будут заведомо тщетны в ситуации возвращения к так хорошо известной с давних советских времен «активной» позиции суда по уголовным делам. А учитывая непрекращающиеся попытки руководства Следственного комитета РФ по введению мер в УПК РФ положения о новациях в деятельности субъектов уголовного процесса, в том числе суда по установлению объективной истины, перспектива уголовного судопроизводства в РФ выглядит весьма мрачной.

Ссылки

1. Амастьянц А. Э. История и диалектика развития состязательности в уголовном процессе России после революционных событий 1917 года // История государства и права. 2014. № 24. С. 1–102. СПС «КонсультантПлюс».

2. Портнов В. П., Славин М. М. Становление правосудия Советской России (1917–1922 гг.). М., 1990. 250 с.

3. Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988. 580 с.

4. Мартыничик Е. Г. Правовые основы адвокатского расследования: состояние и перспективы формирования нового института и модели // Адвокатская практика. 2012. № 1. С. 23–32.

5. Александров А., Лопатников М. Вперед в прошлое (сопоставительность в уголовном процессе КС ликвидировал) // ЭЖ «Юрист». 2013. № 30. С. 1–21.

6. Информационная справка о состоянии адвокатуры и адвокатской деятельности в 2011 году. URL: http://www.fparf.ru/advo/number_and_fact.htm.

7. Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2004 г. // Российская юстиция. 2005. № 6. С. 9–21.

8. Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2006 г. // Российская юстиция. 2007. № 5. С. 1–34.

9. Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2007 г. // Российская юстиция. 2008. № 8. С. 25–64.

10. Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2008 г. URL: www.cdep.ru/home.asp?search_frm_auto=1&dept_id=1.

11. Общая характеристика судимости в РФ. URL: www.cdep.ru/uploadedfiles/statistics.

12. Судебная статистика: Итоги работы судов РФ за 1993 г. // Российская юстиция. 1994. № 5. С. 18–71.

13. Судебная статистика. О работе судов РФ в 1994 г. // Российская юстиция. 1995. № 6. С. 9–38.

14. Гагарский А. Обзор статистических сведений о состоянии судимости и работе судов по рассмотрению уголовных дел за 1994–1996 гг. // Российская юстиция. 1997. № 6. С. 12–20.

15. Работа судов РФ в 1997 г. // Российская юстиция. 1998. № 8. С. 1–52.

16. Работа судов РФ в 1998 г. // Российская юстиция. 1999. № 8. С. 38–67.

17. Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2004 г. // Российская юстиция. 2005. № 6. С. 64–78.

18. Судебная статистика. Общая характеристика судимости в РФ за 12 месяцев 2005 г. // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: www.cdep.ru.

19. Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2006 г. // Российская юстиция. 2007. № 5. С. 14–56.

20. Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2007 г. // Российская юстиция. 2008. № 8. С. 34–63.

21. Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2008 г. // Российская юстиция. 2009. № 8. С. 28–64.

22. Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2008, 2011–2012 годах. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=37&text=%F1%F2%E0%F2%E8%F1%F2%E8%EA%E0+%EE%EF%F0%E0%E2%E4%E0%F2%E5%EB%FC%ED%FB%F5+%EF%F0%E8%E3%EE%E2%EE%F0%EE%E2&doSearch=%C-D%E0%E9%F2%E8>.

23. Кожевников М. В. История советского суда (1917–1947). М, 1948.

24. Абрамов А. В. Процессуальные гарантии оправдательного приговора и их реализация // Уголовный процесс. 2005. № 6. С. 17–36.

25. Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. М, 2001. 300 с.

М. Н. Каплин

(Ярославский госуниверситет)

E-mail: kaplin@uniyar.ac.ru

Уголовно-правовой статус имущества, связанного с преступлением

В статье исследуются формы взаимосвязи имущества с совершением преступления и оценивается правомерность применения конфискации к такому имуществу.

Ключевые слова: имущество, преступление, средство совершения преступления, предмет преступления, конфискация имущества.

М. N. Kaplin

(Yaroslavl State University)

Criminal legal status of property, associated with crime

The article examines the forms of property relationship with the commission of a crime and is assessed the validity of the application of forfeiture for such property.

Keywords: property, crime, a means of committing a crime, subject of crime, confiscation of property.

Человек живет в мире вещей, поэтому большинство преступлений тем или иным образом связано с имуществом. Как связанность конкретного человека с преступлением может повлиять на правовой статус данного человека, так и связанность конкретной вещи с преступлением может повлиять на юридическую судьбу данной вещи. Одним из вариантов такой судьбы является обращение имущества в пользу государства.

Указанное юридическое последствие должно иметь четкие уголовно-правовые основания, поскольку речь идет о лишении лица права собственности на вещь. В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конститу-

---

* Статья выполнена в рамках проекта РГНФ № 17-03-00682.

ции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Рассмотрим возможные формы взаимосвязи в системе «вещь – преступление», а также влияние характера этой взаимосвязи на юридическую судьбу вещи.

В обобщенном виде существует четыре формы соотношения имущества с преступлением:

1) вещь является предметом, при помощи которого совершается преступление;

2) вещь является предметом, путем воздействия на который совершается преступление;

3) вещь является предметом, который извлекается в результате совершения преступления (имущество, добытое преступным путем);

4) вещь является местом или обстановкой, в условиях которых совершается преступление.

Первая форма взаимосвязи характеризуется тем, что преступление совершается с использованием какой-либо вещи. При этом вещь может быть как средством исполнения преступления (средство совершения преступления в узком смысле слова), так и средством его подготовки, содействия совершению или сокрытия преступления (средство в широком смысле слова).

В теории уголовного права орудия и средства совершения преступления рассматриваются в первую очередь как факультативные признаки объективной стороны состава преступления (то есть в узком смысле слова), при этом орудия признаются особой разновидностью средств [1, с. 368]. Например, п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ предусматривает умышленное причинение тяжкого вреда здоровью с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия; п. «б» ч. 1 ст. 258 УК РФ предусматривает незаконную охоту с применением механического транспортного средства или воздушного судна, взрывчатых веществ, газов или иных способов массового уничтожения птиц и зверей.

Однако орудия и средства, не являясь закрепленными в законе признаками состава, могут присутствовать в реально совершаемом

преступлении (например, убийство может совершаться с применением огнестрельного оружия, автомобиля, инструментов, веревки, предметов мебели и т. д.). В этом случае их применение может рассматриваться в качестве отягчающего наказание обстоятельства (п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ) или учитываться при назначении наказания в качестве обстоятельства, относящегося к характеру и степени общественной опасности преступления (ч. 3 ст. 60 УК РФ).

Правовым последствием того, что имущество «поучаствовало» в совершении преступления в качестве его средства, является его конфискация. В соответствии с п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ конфискации подлежат орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому.

Такие последствия являются обоснованными с уголовно-правовой точки зрения: виновный карается за непосредственное использование своего имущества в преступной деятельности лишением права собственности на данное имущество; тем самым преследуются цели восстановления социальной справедливости (кара) и предупреждения совершения нового преступления (в том числе и при помощи этого имущества).

Очевидно, что по своей правовой природе такая мера является наказанием и должна занять свое место в ст. 44 УК РФ в качестве его дополнительного вида. Ее «ближайший родственник» в уголовном праве – лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью (ст. 47 УК РФ); в этом случае виновный, незаконно использовавший принадлежащие ему права и полномочия при совершении преступления, лишается данных специфических «средств» по приговору суда. Конфискация орудий преступления (например, орудий лова рыбы, незаконной охоты) предусматривалась санкциями некоторых статей Особенной части УК РСФСР 1960 г. (ст. 163, 164, 166). Конфискация орудия совершения административного правонарушения в настоящее время является одним из видов административного наказания (ст. 3.2, 3.7 КоАП РФ).

Если средство совершения преступления принадлежит лицу, не являющемуся исполнителем или иным соучастником данного преступления (например, было взято у собственника без разрешения или без информирования о цели преступного использования),

то оно подлежит возвращению собственнику, оснований для прекращения права собственности невиновного лица на данные вещи отсутствуют.

Очевидно, что орудия и средства совершения преступления характерны только для умышленных деяний, поскольку при совершении неосторожного преступления виновный не допускает или не предвидит наступления общественно опасных последствий, поэтому не происходит использования предмета для нанесения вреда (например, при нарушении водителем автомобиля Правил дорожного движения РФ, квалифицируемом по ст. 264 УК РФ, автомобиль не является средством совершения преступления).

Сказанное подтверждается судебной практикой. В соответствии с п. 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 г. № 25 (в ред. от 24.05.2016 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» [2, с. 48] в плане применения п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ транспортное средство не может быть признано орудием, оборудованием или иным средством совершения преступления, предусмотренного ст. 264 либо ст. 264.1 УК РФ.

Как говорилось ранее, виновный может использовать вещи не только для непосредственного совершения деяния, составляющего объективную сторону преступления (нанесение телесных повреждений потерпевшему, взлом запоров при краже) как «средство совершения преступления» в собственном смысле слова, но и в связанных с преступлением процессах: подготовке преступления, содействии его непосредственному совершению, сокрытии преступления. Например, руководитель и исполнитель используют сотовые телефоны для координации своих действий, автомобиль доставляет исполнителя к месту убийства или используется для вывоза изъятого имущества. Указанные предметы, связанные с преступлением, несомненно, являются вещественными доказательствами, однако конфискация к ним неприменима, поскольку такая связанность не носит прямого характера.

Как верно указано в одном из решений суда, «по смыслу п. 1 ч. 1 ст. 81 УПК РФ, под орудиями преступления понимаются предметы, непосредственно использованные в процессе совершения

преступления в целях достижения преступного результата, при условии, что их использование имело непосредственное отношение к исполнению действий, образующих объективную сторону состава преступления» [3].

Исключение составляют деньги, ценности и иное имущество, используемые или предназначенные для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), подлежащие конфискации в соответствии с п. «в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Имущество, предназначенное для финансирования иных деяний, конфискации не подлежит.

Вторая форма взаимосвязи характеризуется тем, что имущество выступает в качестве предмета, путем воздействия на который совершается преступление.

Предмет преступления в качестве имущества, подлежащего конфискации, в ст. 104.1 УК РФ указан только применительно к составам контрабанды (ст. 200.1, 200.2, 226.1, 229.1 УК РФ). В то же время предмет иных преступлений, например предмет дачи взятки (если он не стал предметом оконченного получения взятки), по буквальному смыслу закона конфискации не подлежит.

Например, постановлением Президиума Красноярского краевого суда от 22.11.2016 г. № 44У-248/2016 [4] по уголовному делу о покушении на дачу взятки возвращение денег в сумме 580 рублей их владельцу-взятодателю признано незаконным, поскольку эти деньги, якобы являясь орудием, оборудованием или средством совершения преступления, подлежали конфискации на основании п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ и п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Очевидно, что суд в данном случае искусственно признал предмет преступления средством его совершения, чтобы применить конфискацию. Для устранения обозначенного пробела необходимо предусмотреть в УК РФ возможность конфискации не только средства совершения, но и предмета любого преступления, принадлежащего виновному (желательно – в качестве вида наказания, как это предусмотрено ст. 3.2, 3.7 КоАП РФ).

Третья форма взаимосвязи характеризуется тем, что имущество выступает в качестве предмета, который извлекается в результате совершения преступления.

Если речь идет о получении виновным чужого имущества, то оно, несомненно, подлежит возврату собственнику. Например, имущество, полученное в результате совершения преступлений, предусмотренных ст. 158–162 УК РФ, не подлежит конфискации, указанные статьи обоснованно отсутствуют в соответствующем перечне УК РФ.

В соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ конфискации подлежит только имущество, полученное в результате совершения определенного круга преступлений. При этом не может быть конфисковано имущество, полученное в результате поименованных там преступлений, подлежащее возвращению законному владельцу (например, уплаченный родственниками потерпевшего выкуп за освобождение похищенного виновному лицу, осужденному по п. «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ).

Безусловной конфискации подлежит доход, извлеченный виновным из факта совершения преступления (плата за убийство по найму, полученный предмет взятки или подкупа, доход от сбыта запрещенных предметов и т. п.). При этом законодатель, на наш взгляд, чрезмерно сузил круг преступлений, совершение которых может принести доход: например, мыслимо совершение по найму преступлений, предусмотренных ст. 112, 115, 131, 167 УК РФ и многих других. В связи с этим перечень п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ целесообразно сделать открытым.

Четвертая форма взаимосвязи характеризуется тем, что преступление совершается «внутри» имущества, которое выступает местом или обстановкой совершения преступления (осуществляемого, например, в квартире, в автомобиле, на предприятии, на земельном участке).

Уголовный закон (ч. 1 ст. 104.1 УК РФ) не предусматривает возможности конфискации такого имущества, даже если оно намеренно использовалось для совершения преступления (например, потерпевшего заманили в квартиру для совершения в отношении него насильственного или корыстного преступления). Представляется, что такая позиция законодателя является обоснованной.

В то же время в судебной практике встречается иной подход. Верховный суд РФ в апелляционном определении от 24.11.2016 г. по уголовному делу № 65-АПУ16-2СП высказал весьма любопытное

суждение. «Исходя из вердикта присяжных заседателей, суд обоснованно признал доказанным факт использования осужденными Расуловым и Фатуллаевым автомобиля японского производства марки ... с регистрационным знаком ..., принадлежащего осужденному Расулову, при совершении разбойного нападения на Г. и его убийства в качестве средства их передвижения, места причинения потерпевшему телесных повреждений и средства перемещения тела последнего за пределы города. На этом основании в соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ и п. «Г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, указанное вещественное доказательство, а также вещественные доказательства, имеющие отношение к нему, перечисленные в приговоре, обоснованно конфискованы в доход государства» [5].

Нетрудно заметить, что судебная инстанция, признавая автомобиль местом совершения преступления, одобрила его конфискацию в качестве орудий или средств его совершения. Такое решение явно не соответствует учению о составе преступления и уголовному закону. Руководствуясь подобной логикой, конфискации подлежат и объекты недвижимости, принадлежащие виновному и избранные им в качестве места совершения преступления. Передвижение на автомобиле до момента нападения на потерпевшего, в процессе нападения на него с использованием топора, а также вывоз на автомобиле тела потерпевшего не превращают данный автомобиль в средство совершения преступления. Таким средством применительно к рассматриваемому деянию с очевидностью является только топор.

Если же автомобиль, например, использовался для перевозки незаконно произведенных наркотических средств, то его конфискация соответствует требованиям п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ и п. «Г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ [6], поскольку автомобиль в данном случае является не местом, а средством осуществления перевозки.

Полагаем, что применительно к составам неосторожных преступлений «вредоносные вещи» (например, источники повышенной опасности, причинившие вред), не являющиеся средством совершения преступления, также следует рассматривать в качестве места или обстановки его совершения, не подлежащих конфискации. В частности, речь идет о нарушениях специальных правил поведения в определенной сфере. Например, нарушение Правил

дорожного движения РФ при управлении автомобилем является деянием, совершенным в данном транспортном средстве, а не при помощи него.

Аналогичным образом применительно к преступлению, предусмотренному ст. 264.1 УК РФ, автомобиль, не являющийся средством совершения данного преступления, следует рассматривать лишь в качестве места его совершения.

В соответствии с ч. 6 ст. 61 УК Республики Беларусь «независимо от права собственности подлежит специальной конфискации транспортное средство, которым управляло лицо, совершившее преступление, предусмотренное **статьей 317¹** настоящего Кодекса (за исключением транспортных средств, выбывших из законного владения собственника (пользователя) помимо его воли или в результате противоправных действий других лиц)». Данная норма предусматривает наказание за управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством такому лицу либо отказ от прохождения проверки (освидетельствования). В целях усиления борьбы с управлением транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения данный законодательный опыт предлагается использовать и в России.

Отношение к такой инициативе может быть только отрицательным. основополагающим принципом права является справедливость; применительно к уголовному праву это означает, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

С этой точки зрения конфискация транспортного средства выглядит несправедливым, чрезмерным ограничением прав лица, не соответствующим категории преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ (небольшой тяжести). Кроме того, данная мера, в отличие от размера штрафа, не может быть индивидуализирована, а стоимость автомобилей колеблется от нескольких десятков тысяч до нескольких миллионов рублей, в связи с чем за одинаковые нарушения разные лица будут нести существенно различающиеся

негативные имущественные последствия. Конфискация транспортного средства, не принадлежащего виновному лицу, также является несправедливой, поэтому не может вводиться в уголовный закон.

Вышеприведенные суждения, разумеется, актуальны только применительно к оборотоспособному имуществу. Если же речь идет о запрещенных предметах (оружие, наркотики), то они изымаются государством вне зависимости от наличия или отсутствия связи с преступлением, а также характера данной связи.

Ссылки

1. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. Т. 1: Преступление и наказание. СПб., 2008. 1168 с.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 2. С. 4.–10.

3. Постановление Ставропольского краевого суда от 21.12.2016 г. по делу № 44У-321/2016 // СПС «Консультант Плюс».

4. Постановление Президиума Красноярского краевого суда от 22.11.2016 г. № 44У-248/2016 // СПС «Консультант Плюс».

5. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 24.11.2016 г. № 65-АПУ16-2СП // СПС «Консультант Плюс».

6. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 09.12.2016 г. № 56-АПУ16-25 // СПС «Консультант Плюс».

А. А. Князьков

(Ярославский госуниверситет)

E-mail: alknyazkov@mail.ru

Некоторые вопросы регламентации позитивного посткриминального поведения субъектов экономической деятельности на примере уголовного законодательства России и Республики Казахстан

В статье выявляются достоинства и недостатки правового регулирования института освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности по законодательству Республики Казахстан и России, высказываются предложения относительно совершенствования регламентации поощрительных норм уголовного законодательства Казахстана и России для субъектов экономических преступлений.

Ключевые слова: либерализация уголовного законодательства в экономической сфере, освобождение от уголовной ответственности, позитивное посткриминальное поведение, экономические преступления.

A. A. Knyazkov

(Yaroslavl State University)

Some issues of regulation positive post-criminal behavior of subjects of economic activity on the example the criminal legislation of Russia and Kazakhstan

The article identifies the advantages and disadvantages of legal regulation of Institute of exemption from criminal responsibility for crimes in sphere of economic activities according to the legislation of the Republic of Kazakhstan and Russia, proposals on improving regulation of incentive legal rules of the criminal legislation of Kazakhstan and Russia for the subjects of economic crimes.

Keywords: liberalization of the criminal legislation in the economic sphere, exemption from criminal responsibility, positive post-criminal behavior, economic crimes.

Нормы об освобождении от уголовной ответственности известны не только российскому законодательству, но и праву многих зарубежных государств (в том числе республике Казахстан),

---

* Статья выполнена в рамках проекта РГНФ № 17-03-00682.

которые активно применяются на практике достаточно длительный период времени, зарекомендовав себя в качестве эффективных правовых положений, отвечающих современным гуманистическим тенденциям развития уголовного права. Многие важнейшие конституционные принципы реализуются в институте освобождения от уголовной ответственности, например справедливость, равенство, гуманизм. Это свойственно также и правовой палитре Казахстана.

В Концепции проекта УК РК отмечалось, что одной из причин разработки нового уголовного законодательства послужили многочисленные изменения и поправки, внесенные в Уголовный кодекс РК 1997 г. [1]. Проблема перманентного изменения уголовного законодательства присуща и российской правовой системе. Для сравнения приведем следующие цифры. В УК РК с 1997 по 2015 г. было внесено 86 изменений; за аналогичный период в УК РФ внесено 195 поправок. В новый Уголовный кодекс РК, действующий с 1 января 2015 г. уже внесли 9 изменений (такими темпами повторение казахстанским законодателем российских правотворческих «рекордов» в модернизации уголовного законодательства становится вполне достижимым в ближайшее десятилетие).

Одной из наиболее динамично развивающихся сфер общественной жизни является экономическая деятельность, уголовно-правовое регулирование которой должно осуществляться с особой осторожностью, поскольку любые непродуманные нормативные решения порой могут приводить к серьезным негативным последствиям.

Насколько успешно составители нового УК РК решили данную задачу? Попробуем разобраться.

1. В вышеупомянутой Концепции обращается внимание на необходимость существенного снижения репрессивности уголовно-правовых норм в сфере осуществления экономической деятельности, а также расширения оснований освобождения от ответственности [1]. Проведенное нами сравнение с уголовным законодательством России приводит нас к следующим выводам. Несмотря на то что разработчики УК РК прямо заявляют о необходимости либерализации уголовного законодательства, нормы российского уголовного законодательства содержат гораздо боль-

шее количество вариантов разрешения уголовно-правовых конфликтов, возникающих в сфере ведения экономической деятельности. Например, в июне 2016 г. в УК РФ введена ст. 76², позволяющая лицу освободиться от уголовной ответственности с уплатой судебного штрафа (что является усеченным видом деятельного раскаяния), для «экономических» преступников в Общей части предусмотрена специальная норма об освобождении (ст. 76¹); широко применяются специальные виды освобождения (закрепленные в примечаниях к соответствующим статьям Особенной части – ст. 178, 184, 198, 199, 200¹, 200³). Только с 2009 г. в российское уголовное законодательство введено 22 новых вида освобождения от уголовной ответственности, в том числе расширены основания для освобождения субъектов экономической деятельности. Для сравнения – казахстанский законодатель использует специальные виды освобождения всего к 3 составам экономических преступлений: создание финансовой пирамиды (ст. 217), легализация (ст. 218), уклонение от уплаты таможенных платежей (ст. 326).

Что касается первых двух составов, снабженных поощрительными нормами, то особых нареканий, на наш взгляд, они не вызывают, однако в российской практике такие нормы не всегда присутствуют, что представляется пробелом российского законодательства.

Вместе с тем обратим внимание на технико-юридическое оформление специального вида освобождения по ст. 326 УК РК (Уклонение от уплаты таможенных платежей) и проведем аналогию с российским уголовным законодательством. Изначально УК России не предусматривал поощрительных норм для налоговых уклонистов. Позднее, в 1998 г. законодатель дополнил поощрительной нормой гл. 22 УК, распространив специальное освобождение на уклонение от уплаты налогов и таможенных платежей (данные составы закреплены в различных статьях гл. 22 УК РФ). В 2003 г. законодатель отказался от специальных видов освобождения применительно к налоговым составам, но впоследствии снова вернулся к их законодательной регламентации в 2009 г. (очевидно, из соображений пополнения бюджета страны в условиях мирового кризиса), однако не предусмотрел для состава

уклонения от уплаты таможенных платежей специального вида освобождения. Нам представляется, что прежняя редакция закона была более конструктивной, тем более что таможенные платежи в цивилистике, таможенном и финансовом праве рассматривают в качестве *налоговых* платежей, а в некоторых странах (например, ФРГ) уклонение от уплаты таможенных платежей образует *единое* налоговое преступление. Добавим также, что наличие специального вида освобождения за совершение налогового преступления является общемировой практикой (страны ближнего и дальнего зарубежья активно применяют данные поощрительные нормы).

Подводя итог, отметим, что, во-первых, количество специальных стимулирующих норм в главе УК РК 2015 г. о преступлениях в сфере экономической деятельности является недостаточным, вызывает вопросы выбор законодателем вышеупомянутых трех статей: в УК Казахстана предусмотрен 31 специальный вид освобождения, при этом глава о преступлениях в сфере общественной безопасности содержит 9 видов; на втором месте – глава о воинских преступлениях (8), а на сферу экономической деятельности приходится всего лишь три вида.

2. Новеллой УК РК является норма об освобождении от ответственности с установлением поручительства. При ее рассмотрении возникает ряд практических вопросов.

Составы экономических преступлений, снабженные специальными видами освобождения, по своей категории подпадают и под условия применения общих видов освобождения, однако законодатель не дает ответа на вопрос о разрешении конкуренции различных видов освобождения (например, статьи о поручительстве и деятельном раскаянии или соотношение общих и специальных видов освобождения от ответственности).

Заметим, что российская правоприменительная практика ориентируется на специальные разъяснения Пленума Верховного суда РФ 2013 г.; однако в указанном правоприменительном акте Пленумом было изначально предложено половинчатое решение: применительно к экономическим преступлениям приоритет имела статья, специально посвященная экономическим преступлениям (ст. 76¹), – перед иными видами освобождения от ответ-

ственности в части возмещения ущерба либо дохода в трехкратном размере. И лишь в 2016 г. высшая судебная инстанция унифицировала занимаемый подход, который был сформулирован в п. 15¹ постановления 2013 года. Согласно действующей редакции лицо, не выполнившее условий специального освобождения, сохраняет за собой право быть освобожденным на основании общих норм об освобождении от уголовной ответственности (см. также п. 7 Постановления) [2].

В связи с изложенным, возникает практический вопрос: может ли лицо, отказавшееся выполнять условия специального освобождения (например, за совершение легализации), воспользоваться освобождением с установлением поручительства? На данный момент законодательство республики Казахстан не дает ответа на данный вопрос. Соответствующих разъяснений пока не предложено и со стороны Верховного суда Республики Казахстан.

Кроме того, анализируя норму об освобождении в связи с установлением поручительства, нельзя не обратить внимание на одно из условий освобождения – отсутствие *связи деяния с причинением* смерти или тяжкого вреда здоровью. Возможно ли освобождение на основании данной статьи, если в ходе совершения экономического преступления *неосторожно* причиняется тяжкий вред здоровью (например, составы экономической контрабанды или монополизации рынка имеют квалифицирующий признак «с применением насилия»)? Полагаем, что да, поскольку последствие в виде причинения вреда здоровью выступает в качестве дополнительного объекта уголовно-правовой охраны, являясь побочным итогом преступления.

3. Вызывает безусловный интерес конструкция, содержащаяся в ст. 55 УК РК о неназначении лишения свободы за совершение преступления в сфере экономической деятельности, за исключением предусмотренных статьями 218, 248 и 249 настоящего Кодекса, в случае когда лицо добровольно возместило имущественный ущерб, причиненный преступлением.

Справедливости ради отметим, что данная конструкция нова для уголовного законодательства постсоветского пространства; впервые она была внедрена в УК Республики Узбекистан (за ряд экономических преступлений лишение свободы исключает

ется при возмещении трехкратного ущерба). Отмечу, что УК РУ был принят в 1994 г. и, являясь одним из первых кодексов на постсоветском пространстве, уже в первоначальной редакции содержал данную прогрессивную, на наш взгляд, уголовно-правовую конструкцию.

В ходе изучения экспертных оценок проекта УК РК (который, как известно, стал предметом широкого обсуждения и комментирования юридической общественностью не только в Казахстане, но и других странах Содружества, в т. ч. России) эта концепция получала неодобрительные оценки по причине того, что данным решением вызывается противоречие между политико-экономическими элитами и остальным населением, что губительно политически, а также между предпринимателями и потребителями, что губительно уже экономически [3].

Вопреки авторитетным позициям ряда ученых, мы убеждены, что данная конструкция имеет прогрессивное значение и символизирует новый виток развития уголовно-правовой мысли по вопросам уголовно-правового регулирования посткриминального поведения субъектов экономических преступлений. Полагаем, что назрела необходимость обновленным взглядом оценивать современную уголовно-правовую политику в борьбе с экономическими преступлениями. Если мы признаем, что экономические преступления причиняют в основном экономический ущерб, то и условием освобождения либо улучшения положения «экономического» преступника следует признавать возмещение данного ущерба (либо дохода) (желательно, в кратном размере, как это предусмотрено в ст. 76¹ УК РФ).

Вместе с тем в конструкции ст. 55 УК РК видится собой законодательной техники в части определения предмета возмещения, которым указан лишь *ущерб*, причиненный преступлением. Законодатель, по-видимому, забыл, что ущерб выступает одним, но не единственным последствием экономического преступления. Типичный пример – извлекаемый субъектом доход в крупном или особо крупном размере как криминообразующий (квалифицирующий) признак состава преступления (например, незаконное предпринимательство – ст. 214 УК РК. Справедливости ради отметим, что данный вопрос четко решен в российском

уголовном законе, а именно в ст. 76¹ УК РФ: в качестве условия освобождения названо возмещение ущерба или извлеченного дохода. Полагаем, что законодательное решение отечественного законодателя является вполне оправданным.

4. Определенный интерес вызывает также конструкция примечания к ст. 247 УК РК в части частичной декриминализации незаконного вознаграждения в отношении субъектов, не подпадающих под коммерческий подкуп и получение взятки (при соблюдении трех условий: а) стоимостной критерий вознаграждения; б) отсутствие предварительной договоренности; в) законность совершаемых действий). Полагаем, данное законодательное решение заслуживает одобрения, однако в современных условиях российской практики борьбы с коррупцией такое вряд ли возможно, поскольку наше государство максимально репрессирует соответствующий нормативный материал, что отнюдь не означает, что речь идет о действительно эффективной борьбе с коррупцией.

Подводя итог, укажем, что реализация конституционных положений о гуманизме и справедливости в расширении сферы освобождения от уголовной ответственности (в том числе за совершение экономических преступлений) – безусловный плюс законотворческой практики Казахстана. Разумеется, выявленный нами ряд законодательных пробелов свойствен любому законодательству, но все они, полагаем, являются устранимыми.

По нашему глубокому убеждению, гл. 8 УК РК, посвященная уголовным правонарушениям в сфере экономической деятельности, недостаточно, на наш взгляд, насыщена положениями об освобождении от уголовной ответственности, в связи с чем, полагаем, что в ближайшие годы сфера применения данного института будет существенно расширена именно в сфере экономических преступлений (в русле российского правотворческого опыта), особенно в условиях продолжающегося экономического кризиса.

Ссылки

1. Концепция проекта Уголовного кодекса Республики Казахстан. URL: <http://www.lecs-center.org/index.php?atid=34&id=263>:

draft-concept-cc-kazakhstan&lang=ru&option=com_content&view=article (дата обращения: 15.08.2016).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. 2013. 05 июля.

3. Головки Л. В. Анализ Концепции проекта Уголовного кодекса Республики Казахстан. URL: <http://www.respublika-kz.info/files/1801/06-11-12-analiz.pdf> (дата обращения: 15.08.2016).

О. Ю. Комарова

(Ярославский госуниверситет)

E-mail: kolga584@gmail.com

**Проблемы эффективности уголовной политики
в контексте законодательной регламентации основ
профилактики правонарушений
(отдельные аспекты)**

В настоящей статье рассматривается краткая характеристика криминальной ситуации в России, содержится анализ отдельных положений действующего ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ».

Ключевые слова: профилактика правонарушений, причины и условия правонарушений, антиобщественное поведение, субъекты профилактики правонарушений.

O. U. Komarova

(Yaroslavl State University)

**Problems of efficiency of criminal policy
in the context of legislative regulation of the basics
of offenses prevention (some aspects)**

This article deals with a brief description of the criminal situation in Russia, contains an analysis of the individual provisions of the current Law "On the basis of the system of offenses prevention in the Russian Federation".

Keywords: prevention of offenses, the causes and conditions of the offenses, anti-social behavior, the subjects of offenses prevention.

Характеризуя сложившуюся криминальную ситуацию в России конца XX – начала XXI века, специалисты оценивают ее как негативную, весьма противоречивую, не вполне устойчивую к многочисленным изменениям законодательства о борьбе с пре-

ступностью, которая сопровождается развитием латентизации преступлений, колебаниями объема преступности на фоне достаточно высокой степени концентрации преступности на региональном уровне, активизацией организованной преступности, увеличением ущерба от преступлений¹, ростом уличной преступности, рецидива², в том числе увеличением количества преступлений, совершаемых лицами, состоящими на профилактическом учете, и другими негативными тенденциями, свидетельствующими о кризисе реагирования на преступность, включая криминологическое направление современной уголовной политики России [1, с. 138; 2, с. 5; 3, с. 541; 4, с. 2; 5].

Несмотря на предпринятые государством долгожданные шаги в сфере реагирования на преступность в форме законодательного закрепления основ системы профилактики правонарушений [6], эффективность деятельности, направленной на выявление, устранение, нейтрализацию причин и условий противоправного поведения пока, к сожалению, заставляет желать лучшего, поскольку не вполне соответствует реалиям времени, сложившейся криминальной ситуации в стране и не только [7, с. 440].

Сопоставляя содержание действующего ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ» с предшествующим ему с аналогичным названием проектом ФЗ № 421465-6 [8], важно признать, что вступивший в законную силу Федеральный закон имеет ряд недостатков, как унаследованных от него [9, с. 53], так и вновь приобретенных. Имеется в виду: декларативность, неопределенность положений, зачастую противоречащих конституционным нормам и положениям самого вступившего в действие Федерального закона. Специалисты отмечают его так называемый «рамочный» характер [6, 10].

---

¹ По-прежнему речь идет о перечне основных понятий, указанных в ст. 2 вступившего в силу Федерального закона.

² Согласно результатам исследования Института проблем современного общества, уровень рецидивной преступности среди осужденных лиц продолжает расти. Около 45 % всех обвинительных приговоров выносятся в отношении ранее судимых лиц. Существует высокая корреляция между сокращением возможностей досрочного освобождения из мест лишения свободы и уровнем рецидивной преступности.

Прежде всего следует обратить внимание на основные понятия, используемые в действующем Федеральном законе, закрепленные в ст. 2 главы 1 «Общие положения». Речь идет о трактовке профилактики правонарушений как «совокупности мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения» [14]. Очевидно, что сущность профилактики правонарушений выражается как в самом действующем Федеральном законе, так и в указанном законопроекте в двух аспектах: в воздействии 1) на причины и условия противоправных деяний (административных правонарушений, преступлений); 2) на возможных правонарушителей в целях недопущения криминальных, криминогенных и «антиобщественных» проявлений в поведении.

Однако в действующем Федеральном законе содержание трактовки базового понятия профилактики правонарушений подверглось некоторым уточняющим правкам в части указания комплексного характера установленных мер профилактики правонарушений, представляющих собой «совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера». Согласно трактовке Большого толкового словаря современного русского языка, комплекс означает «совокупность, сочетание явлений или свойств, процессов» и т. п. [11]. Очевидно, законодательная регламентация системы профилактики не может основываться на хаотичном множестве мер воздействия. В законопроекте предлагалось ограничиться лишь их простым перечислением, причем в более сжатом варианте, без указания на организационный, информационный характер. Между тем успех в реализации основных направлений профилактики с помощью средств, установленных в ч. 2 ст. 6 действующего закона, подразумевает их осуществление на основе организационного, информационного начала.

Кроме того, в содержание базового понятия профилактики правонарушений (ст. 2 действующего Федерального закона) совершенно оправданно внесено дополнение, не предусмотренное

ранее законопроектом, касающееся формы воздействия указанных мер профилактики на причины и условия правонарушений. Поскольку прежде, чем устранять причины и условия правонарушений, необходимо выявить: «совокупность мер, направленных на *выявление* и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений». В то же время далеко не все причины и условия могут быть устранены, скорее все-таки – нейтрализованы, сведены к минимуму. Согласно теории детерминации, причины правонарушений объективного, глобального характера («формирующие причины»), воплощенные в социально-экономические противоречия, порождающие социальное неравенство, детерминируют совершение правонарушений разного рода и будут наличествовать до тех пор, пока существует общество. Так что выражение, используемое в тексте ст. 2 принятого закона по поводу «устранения причин и условий, способствующих совершению правонарушений», представляется не совсем точным. Более того, имеется принципиальное отличие в форме и механизме воздействия причин и условий на правонарушающее поведение. Не вдаваясь в концептуальные подробности детерминационной теории³ напомним, что причины – это процессы, явления, которые порождают правонарушающее поведение как закономерное следствие, а условия (явления, факты реальной действительности) способствуют или затрудняют, а подчас делают невозможным воздействие причины на свое закономерное следствие – противоправное поведение [12, с. 15–26, 104; 13, с. 603; 14, с. 10]. Поэтому представляется более корректной формулировка профилактики правонарушений как совокупности мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление, устранение, *нейтрализацию и минимизацию причин правонарушений и условий, способствующих их совершению*, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения. Кроме того, на наш взгляд, было бы вполне уместным

---

³ Вообще под детерминизмом понимается определяемость одних явлений другими, связи и зависимости между явлениями.

дать законодательную трактовку содержания причин и условий правонарушений хотя бы применительно к объекту профилактики⁴, установленному ранее в законопроекте⁵.

Далее выскажемся по поводу терминологии в анализируемом определении профилактики правонарушений, а точнее, «антиобщественном поведении»⁶. Содержание его раскрывается следующим образом – «не влекущие за собой административную или уголовную ответственность действия физического лица, нарушающие общепринятые нормы поведения и морали, права и законные интересы других лиц». По законам логики определение не должно быть отрицательным, т. к. не раскрывает содержания определяемого понятия. Такая трактовка скорее напоминает некий ребус, загадку, нежели четкое, логически выверенное определение. Что же имел в виду законодатель, совмещая признаки правонарушения и свойства девиантного поведения, смешивая правовые и нравственные понятия? Если бы речь велась только о действиях физического лица, нарушающих общепринятые нормы поведения и морали, то в таком случае вопросов хотя бы по логической конструкции искомого понятия, вероятно, бы и не возникло. Равно, как и вопросов по поводу его разграничения с другим базовым понятием правонарушения, указанного в этой же статье принятого Федерального закона. Кстати, в версии законопроекта, на наш взгляд, более удачно в плане построения определения раскрывается содержание антиобщественного поведения – «систематическое совершение действий, противоречащих принятым в обществе нравственным нормам» [8]. Хотя и этот 8-й вариант заслуживает серьезной критики. Так все-таки, что следует понимать под «общепринятыми

---

⁴ По-прежнему речь идет о перечне основных понятий, указанных в ст. 2 вступившего в силу Федерального закона.

⁵ Кстати, в прежнем законопроекте вполне обоснованно указывались субъекты профилактики правонарушений в перечне основных понятий, изложенных в ст. 2. Менее удачно сложилось в действующем Федеральном законе. Субъекты профилактики получили закрепление в отдельной ст. 5, разрывая таким образом весь перечень основных понятий, используемых настоящим законом.

⁶ В ст. 2 действующего ФЗ в перечне основных понятий закрепляется отдельная трактовка антиобщественного поведения.

нормами поведения и морали»? Вряд ли существуют четкие, формально определенные критерии понятия «поведения, нарушающего общепринятые нормы поведения». К примеру, супружеская измена нарушает общепринятые нормы поведения и морали в традиционном обществе? Ответ утвердительный: конечно, да. Влечет ли такое поведение административную или уголовную ответственность? Нет. Значит, согласно законодательной трактовке, является антиобщественным поведением, подлежит профилактическому воздействию?

Теперь касательно «действий, нарушающих... права и законные интересы других лиц», применительно к определению антиобщественного поведения. Действия, которые совершаются вопреки нормам права, противоречащие нормам права, имеют природу правонарушающего поведения. Пусть даже речь идет не об административной или уголовной ответственности, как изложено в указанном определении, тем не менее такие действия-проступки влекут за собой вполне определенные правовые последствия. Имеется в виду юридическая ответственность. Например, при нарушении физическим лицом гражданских прав и законных интересов тех или иных лиц в случае неисполнения договорных обязательств, причинения имущественного вреда (гражданско-правовой деликт) предполагается применение мер гражданско-правовой ответственности. Следовательно, «действия, нарушающие... права и законные интересы других лиц», подпадают под категорию правонарушений, являются их разновидностью. Так что искомое понятие антиобщественного поведения явно требует доработки для более четкого разграничения с понятием правонарушения, также закрепленного в ст. 2 действующего Федерального закона. Дефиниция его сформулирована следующим образом: «правонарушение – преступление или административное правонарушение, представляющее собой противоправное деяние (действие, бездействие), влекущее уголовную или административную ответственность». Само понятие правонарушения, изложенное в предполагаемой форме генетического определения, подразумевает необходимость внесения в содержание такого важного законодательно закрепленного признака, как виновность⁷, и не толь-

---

⁷ Речь идет о ч.1 ст. 14 УК РФ и ч. 1 ст.2.1 КоАП РФ в действующей редакции.

ко. Вероятно, соблюдение правил строения подобной логической конструкции [15], когда «определение не должно заключать в себе круга»⁸, позволило бы избежать допущенных логических погрешностей в определении правонарушения.

Хотелось бы сказать также несколько слов по поводу реализации принципов профилактики правонарушений, изложенных в ст. 4 указанного закона, эффективность осуществления которых напрямую зависит от грамотного конструирования норм данного закона, включая, разумеется, и примеры, названные выше.

Многими экспертами вполне правомерно высказываются опасения в отношении соблюдения принципов законности, приоритета прав и законных интересов человека и гражданина, последовательности, достаточности, научной обоснованности принимаемых мер профилактики. Действительно, о каком соблюдении принципов, законных интересов и т. д. можно вести речь, если, по меньшей мере, третья часть норм действующего закона не соответствует одному из самых главных требований права – требованию правовой определенности, что влечет за собой их неоднозначное истолкование и, следовательно, произвольное применение. Значит, ставится под угрозу принцип обеспечения системности, единства подходов при осуществлении профилактики, ослабляются гарантии защиты конституционных прав и свобод, в том числе и охраняемых законных интересов, что, в свою очередь, может привести к нарушению принципов равенства и верховенства закона. Так что сам факт наличия в законе неопределенных норм является нарушением Конституции РФ.

Согласно разъяснению Конституционного суда РФ, этого вполне достаточно, чтобы признать такую норму не соответствующей Конституции РФ [16]. Разумеется, все вышесказанное не исчерпывает перечня недостатков законодательной регламентации и в части оценочного характера норм, закрепляющих основные понятия, и применительно к положениям об основных направлениях профилактики, и в отношении норм, регламентирующих полномочия субъектов профилактики, ее видов и форм и др.

---

⁸ То есть при определении одного понятия нельзя прибегать к другому понятию, определяемому при помощи первого (круг). Разновидностью круга в определении является тавтология.

Главное – принят Федеральный закон, направленный на установление единой системы профилактики правонарушений. Правовая и организационная основы профилактики правонарушений наконец-то получили законодательное закрепление. Установлены субъекты профилактики: федеральные органы исполнительной власти, органы прокуратуры РФ, следственные органы Следственного комитета России, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления. Законом предусматриваются общая и индивидуальные виды профилактики правонарушений и соответствующие им формы профилактического воздействия: правовое просвещение и правовое информирование, профилактическая беседа, объявление официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения, профилактический учет, внесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения, профилактический надзор, социальная адаптация, ресоциализация, социальная реабилитация, помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми. Значит, постепенно будет решаться вопрос о предоставлении помощи лицам, попавшим в трудную жизненную ситуацию. По словам А. Цветкова, председателя комиссии Общественной палаты РФ по безопасности, теперь будет легче взаимодействовать по этим вопросам с местными органами власти, устанавливать взаимоотношения, разрабатывать совместные программы. Как раз сейчас этой комиссией проводится перепись организаций, занимающихся ресоциализацией, чтобы «собраться вместе, изучить позитивный опыт и его мультиплицировать» [17].

Конечно, рассчитывать вскоре на эффективный результат воплощения в жизнь профилактического блока уголовной политики пока не приходится. Но с умелой интеграцией и координацией усилий и действий корпуса ученых, законодателей и правоприменителей появится возможность изменить ситуацию в лучшую сторону.

Ссылки

1. Королева М. В. Оценка современной криминальной ситуации в России // Актуальные проблемы криминологии, юридической психологии и уголовно-исполнительного права: сб. науч. ст. М., 2016. С. 136–145.

2. Долгова А. И. О состоянии преступности в России. Вступительная статья // Преступность, уголовная политика, закон: сб. науч. ст. М., 2016. С. 4–8.

3. Андреев Б. В. Использование специальных коэффициентов для характеристики меры дифференциации преступности // Преступность, уголовная политика, закон: сб. науч. ст. М., 2016. С. 539–545.

4. Практика рассмотрения ходатайств о досрочном освобождении осужденных в российских судах: аналитический отчет / под ред. О. М. Киюциной; ИПСО. СПб., 2016. С. 1–6.

5. Состояние преступности в России. URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/7572658> (дата обращения: 13.04.2016).

6. Федеральный закон от 23.06.2016г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.01.2017).

7. Номоконов В. А. О криминогенности российской политики в сфере борьбы с преступностью // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 3. С. 438–446.

8. Проект федерального закона № 421465-6 «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». URL: <http://www.duma.gov.ru> (дата обращения: 26.09.2012).

9. Комарова О. Ю. Deskриптивный подход к дискуссии законодательной регламентации основ профилактики правонарушений в Российской Федерации (в контексте обсуждения законопроекта) // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники): сб. науч. ст. Ярославль, 2015. Вып. 4. С. 51–58.

10. Проблемы детерминации современной преступности и ее предупреждение: материалы Всероссийской научно-практической конференции Российской криминологической ассоциации (Москва, 2017 г.). URL: <http://crimas.ru/> (дата обращения: 01.02.2017).

11. Большой толковый словарь современного русского языка Д. Н. Ушакова. URL: <http://www.classes.ru> (дата обращения: 01.02.2017).

12. Кудрявцев В. Н. Преступность и нравы переходного общества. М., 2002. С. 15–26, 104.

13. Старков О. В. Криминология. Теория и практика : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014. 670 с.

14. Бахарев Д. М. Пространственный анализ причинного комплекса преступности: история, теория, методы, практика: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2016. 60 с.

15. Гетманов А. Д. Логика для юристов: учеб. пособие. М, 2016. 300 с.

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.06.2015 № 12–П. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180575 (дата обращения: 01.02.2017).

17. Цветков А. Благое дело // Обсуждение с экспертами Федерального закона о системе профилактики правонарушений. URL: <http://www.LENTA.RU> (дата обращения: 30.01.2017).

А. Г. Кулев

(Ярославский госуниверситет)

E-mail: kulev1984@mail.ru

Несообщение о преступлении: вопросы законодательной регламентации

Статья посвящена уголовно-правовым аспектам понимания несообщения о преступлении. Анализу подвергнуты проблемы обоснованности криминализации несообщения о преступлении, соответствия данного состава принципу публичности уголовного процесса, а также технико-юридическое состояние рассматриваемой нормы.

Ключевые слова: прикосновенность, недонесение, несообщение, террористический акт, террористическая деятельность.

A. G. Kulev

(Yaroslavl State University)

Failure to report a crime: issues of legislative regulation

The article is devoted to criminal legal issues of non-reporting of a crime. Are analyzed problems of the validity of criminalizing failure to report a crime, the conformity of the composition of the principle of publicity of the criminal proceedings, as well as technical and legal norms of the state under consideration.

Keywords: privity, non-information, nondisclosure, act of terrorism, terrorist activity

Федеральным законом от 6 июля 2016 года № 375-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК) была введена ст. 205⁶, предусматривающая ответственность за несообщение о преступлении [1]. Традиционно и безоговорочно несообщение (недонесение) о преступлении рассматривалось в качестве одного из видов прикосновенности к преступлению [2, с. 35; 3, с. 339].

Поскольку законодательной дефиниции прикосновенности в отечественных уголовно-правовых актах не содержалось и не закрепляется в настоящее время, ученые предложили свое видение сущности анализируемого явления. При этом следует отметить, что большинство определений имели цель произвести четкую градацию между соучастием в преступлении и прикосновенностью к нему, поскольку последняя находится за рамками соучастия. Так, П. Ф. Тельнов писал, что прикосновенность к преступлению – «это умышленное деяние, связанное с преступным действием другого лица, но не способствующее его совершению» [4, с. 162]. Н. П. Берестовой утверждал, что прикосновенность – «это деятельность лица, связанная с совершением другим лицом преступления, но не содействовавшая его совершению и не состоящая с ним в причинной связи» [5, с. 27].

В. Г. Трифанов полагает, что «с уголовно-правовых позиций прикосновенность к преступлению следует определить как заранее не обещанное, умышленное, общественно опасное, противоправное поведение, создающее препятствия в деятельности по предупреждению, пресечению и раскрытию другого общественно опасного деяния, совершаемого или совершенного другим лицом, возможное только при наличии и по поводу последнего, но причинно и виновно не обуславливающее совершение этого деяния» [6, с. 8]. Именно в отсутствии причинной и виновной связи между деянием лица (прикосновенного) и совершенным преступлением Верховный суд СССР в свое время видел разницу между соучастием и деянием, примыкающим к основному преступлению [7, с. 163].

Всё сказанное склоняет к выводу, что прикосновенность к преступлению не является соучастием, поскольку не обладает объективными и субъективными признаками, характерными для совместной преступной деятельности. Следует, однако, отметить, что в советское время некоторые авторы отстаивали идею о том, что прикосновенность является соучастием в преступлении [8, с. 12]. На сегодняшний день данная позиция практически не находит своих сторонников.

Большинство современных авторов к видам прикосновенности относят: 1) недонесение о преступлении; 2) укрывательство

преступления; 3) попустительство [9, с. 549–575]. С принятием УК 1996 года ответственность за недонесение о преступлении, по сравнению с предыдущим уголовным законом, была декриминализована. Как известно, УК РСФСР 1960 года предполагал ответственность за подобного рода прикосновенное бездействие. Статья 19 Кодекса постулировала, что недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении влечет уголовную ответственность лишь в случаях, специально предусмотренных Особенной частью УК. При этом не являлись субъектами данного преступления супруг и близкие родственники лица, совершившего преступление, а также священнослужитель, узнавший о преступлении из исповеди. Каралось недонесение о ряде государственных преступлений (ст. 88¹) и некоторых иных посягательствах, перечень которых был дан в ст. 190 УК РСФСР. Затем законодатель исключил уголовную ответственность за недонесительство, несмотря на то что в проекте УК предлагалось ее сохранить, и только в 2016 году, как было сказано выше, недонесение о преступлении вновь получило законодательную регламентацию.

Остановимся на составе преступления, закрепленном в ст. 205⁶ УК. Во-первых, указанная статья называется ныне «Несообщение о преступлении». Термин «недонесение» в УК отсутствует. Думается, подобная терминологическая трансформация неслучайна. Дело в том, что недонесительство является словом, производным от другого – «донос». А донос, в свою очередь, воспринимается многими представителями социума как некое негативное явление, лицо же, осуществляющее донос, выступает не как законопослушный гражданин, а как доносчик, «стукач». Поэтому правотворец отказался от данного экспрессивного слова. Во-вторых, следует отметить, что наименование ст. 205⁶ УК гораздо шире ее содержания. Ответственность устанавливается не за несообщение о любом преступлении (как это может показаться на первый взгляд из заголовка статьи), а только о лицах, готовящих, совершающих или совершивших преступления, на которые прямо указано в диспозиции рассматриваемой нормы. Как показывает анализ, в перечень данных посягательств вошли лишь те, которые представляют собой террористическую деятельность (прим. 2 к ст. 205² УК). Поэтому нам представляется обоснованным предложение Т. Д. Устиновой име-

новать ст. 205⁶ «Несообщение о террористическом акте или иной террористической деятельности» [10, с. 421]. Во-вторых, решение законодателя вызывает, помимо прочего, вопрос о том, почему за недонесение о лицах, готовящих, совершающих или совершивших именно данные преступления, установлена ныне уголовная ответственность. Конечно, преступления террористического характера представляют колоссальную угрозу общественной безопасности. При совершении этих злодеяний страдают и иные объекты уголовно-правовой охраны. Но существенный вред и опасность наступления такого вреда вызывает совершение и иных посягательств (например, особо тяжкие преступления против личности, экономики, государственной власти). Почему недонесение о них не является уголовно-наказуемым? Наверное, это вопрос к авторам соответствующего законопроекта. Стоит заметить, что ряд специалистов считают объектом несообщения нормальные отношения в сфере правосудия и даже предлагают ввести в соответствующую главу состав преступления под названием «Неоказание помощи правосудию», расширив тем самым сферу криминализации несообщения [11, с. 9].

В-третьих, УК РСФСР 1960 года, регламентируя ответственность за недонесение, распространял его сугубо на преступление, точнее, на достоверный факт о готовящемся или совершенном преступлении, диспозиция же ст. 205⁶ УК связывает несообщение с лицами, готовящими, совершающими (подобного признака объективной стороны в статьях УК РСФСР 1960 года не было) или совершившими одно из террористических преступлений (в прежнем Кодексе круг преступлений был шире), то есть законодатель перенес акцент с преступления на лицо или лиц. Следовательно, не является ныне уголовно-наказуемым несообщение о факте преступления, если лицо не располагает достоверными сведениями о субъектах, готовящих, совершающих или совершивших данное преступление.

Необходимо сказать, что в разное время различными учеными в области уголовного права высказывались прямо противоположные взгляды на обоснованность криминализации недонесения (несообщения) о преступлении. Так, еще Н. С. Таганцев писал: «Горе той стране, которая обратит донос в необходимый элемент

общественной жизни: ради временных выгод правительство посетит в обществе семя страшной нравственной заразы, которая или грозит вымиранием общественного организма, или потребует громадных и долгих жертв на его исцеление» [12, с. 375].

В советское время некоторые криминалисты полагали, что деяния прикосновенного лица, в том числе и недоносителя, представляют серьезную угрозу для охраняемых уголовным законом общественных отношений, поскольку имеется перспектива совершения новых посягательств со стороны основного преступника [13, с. 7]. До сих пор имеется немало сторонников необходимости установления уголовной ответственности за несообщение о преступлении. Например, известный криминолог А. И. Долгова полагает, что «в современных реалиях без помощи населения успех в борьбе с преступностью невозможен» [14, с. 4]. В унисон сказанному приведем еще одну цитату: «В современном цивилизованном обществе своевременное сообщение в компетентные органы о достоверно известном готовящемся, совершаемом или совершенном преступлении является моральным и гражданским долгом каждого человека» [15, с. 103].

Мы полагаем, что реанимирование такого вида прикосновенности к преступлению, как несообщение о преступлении, является необоснованным законодательным шагом. Необоснованность эта нами связывается как с несостоятельностью самого правотворческого решения по сути, то есть с позиции самой идеи криминализации несообщения, так и с противоречием введенной нормы одному из принципов уголовно-процессуального права – принципу публичности и, наконец, с юридико-техническим несовершенством рассматриваемого состава преступления.

Представляется, что включение в сферу уголовно-наказуемых деяний несообщения о преступлении приведет к тому, о чем писал Н. С. Таганцев. Тотальное доносительство друг на друга способно причинить общественным отношениям гораздо больший вред, нежели искоренить или свести к минимуму преступность. Кроме этого, нет никаких гарантий, что сообщения о преступлениях будут носить исключительно благие намерения. Наверняка получат распространение случаи сведения личных счетов с недоброжелателями посредством использования возможностей юрисдикционных орга-

нов. Опасение вызывает и проблема элементарной защищенности потенциальных свидетелей от расправы со стороны тех лиц, в отношении которых поступило сообщение.

Рассуждая по этому поводу, А. Г. Кибальник приводит следующее: «Если, например, я узнаю из Интернета или ТВ-передачи о том, что конкретное лицо (лица) совершило в определенном месте террористический акт – должен ли я сразу ставить в известность правоохранительный орган, когда уголовное дело еще даже не могло быть возбуждено? По букве закона – да, иначе я "подпадаю" под действие статьи о недонесении, но по смыслу это будет просто нонсенс, ибо на этот эффект данное преступление и рассчитано, и все зрители/слушатели автоматически становятся "недонесителями"» [16, с. 425]. Наше государство пережило непростой XX век, с его войнами и репрессиями. Зачем же возрождать то, от чего в свое время отказались, впитав уроки истории, а теперь вновь вставать на путь, ведущий к всеобщей подозрительности, общественному беспокойствию?

Одним из принципов уголовного процесса является принцип публичности. Согласно ему, в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания, дознаватель принимают все предусмотренные законом меры по установлению события преступления, изобличению лиц, виновных в совершении преступления (ч. 2 ст. 21 Уголовно-процессуального кодекса РФ). Возрождая ответственность лица за несообщение о преступлении, государство тем самым перекладывает свою обязанность по борьбе с преступностью на плечи обычных граждан. На наш взгляд, такая ситуация недопустима. Это не только нивелирует сущность различных видов уголовного преследования (а большинство уголовных дел у нас публичного обвинения), но и является признанием со стороны государства некоего бессилия в выполнении своих правоохранительных задач. Поэтому следует, видимо, согласиться с тезисом о том, что если и устанавливать ответственность за несообщение о преступлении, то должна быть закреплена юридическая обязанность сообщать о соответствующем лице или лицах [17, с. 15]. Следовательно, в данном составе должно быть указание на специальный субъект преступления [18, с. 10].

Далее остановимся на некоторых технико-юридических аспектах рассматриваемого состава. Статья 205⁶ УК содержит примечание, в котором устанавливается исключение уголовной ответственности для лиц, являющихся супругом или близким родственником лица (лиц), совершившего террористический акт или иное террористическое преступление. Странно, но почему-то законодатель не включил в этот перечень священнослужителя, которому стала известна соответствующая информация из исповеди, а также адвоката, если подобного рода сведения ему стали известны при оказании юридической помощи доверителю [19, с. 429]. В науке существуют и иные взгляды на круг лиц, не подлежащих уголовной ответственности за несообщение о преступлении. Например, предлагается включить в него не только супруга и близких родственников, но и близких лиц, то есть учитывать фактические взаимоотношения недоносителя и виновного лица [20, с. 10]. Некоторые авторы расширяют сферу ст. 205⁶ за счет указания не только на несообщение о лице (лицах), но и предметах, добытых преступным путем, следах преступления, орудиях и средствах совершения преступления [20, с. 11].

Определенную трудность в теории и практике вызывает разграничение несообщения о преступлении от соучастия в терроризме в виде пособничества (ч. 3 ст. 205¹ УК). Представляется правильной точка зрения, в соответствии с которой градация должна производиться по признаку «обещанности» [21, с. 418]. При несообщении лицо заранее не обещает бездействовать и не обращаться в соответствующие органы. При пособничестве лицо обещает основному преступнику молчать о будущем или совершаемом преступлении. Здесь налицо соучастие.

Уголовная ответственность за несообщение наступает лишь в случаях, если недоносителю достоверно известны сведения о лице (лицах), готовящем, совершившем или совершающим преступление. Установление и доказывание признака достоверности могут вызвать значительные трудности. Полагаем, что сознанием недоносителя в этом случае должны охватываться все необходимые признаки состава преступления, о котором не сообщается. Интересно, что в январе 2017 года было возбуждено одно из первых уголовных дел по ст. 205⁶ УК. Фигурантом уголовного дела стал

Асхаб Хизриев, который, по версии следователей, «обладая достоверной информацией» о планах своего знакомого Фариды Сафина уехать на войну в Сирию, не сообщил об этом в правоохранительные органы. Позже Сафин был задержан полицейскими при попытке уехать в Сирию.

6 февраля 2017 года в Астрахани суд вынес первый в России приговор по статье о недоносительстве. Виновным по ст. 205.6 УК РФ был признан мужчина, не рассказавший об участии своего знакомого в запрещенной в России террористической организации «Исламское государство». Суд согласился с доводами прокуратуры, что Гафуров достоверно знал о прохождении знакомым обучения в лагере подготовки боевиков и участии в вооруженном формировании, но правоохранительным органам об этом не сообщил. Гражданин Киргизии Р. Акбаров, о котором не рассказал Гафуров, был осужден на восемь лет колонии строгого режима. Кировский суд Астрахани назначил Р. Акбарову штраф в размере 70 тыс. руб.

В заключение анализа правовых вопросов несообщения о преступлении еще раз отметим, что с позиции и нравственности, и принципов права криминализация несообщения о преступлении не оправдана.

Ссылки

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федеральный закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 28, ст. 4559.

2. Галиакбаров Р. Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар, 2000. 136 с.

3. Трайнин А. Н. Избранные труды. СПб., 2004. 670 с.

4. Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. 190 с.

5. Берестовой Н. П. Соучастие в преступлении и особенности установления его признаков в условиях деятельности органов внутренних дел. М., 1990. 98 с.

6. Трифанов В. Г. Заранее не обещанное укрывательство преступлений и несообщение о них как виды прикосновенности к преступлению: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. 22 с.

7. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 31.07.1962 № 11 «О судебной практике по делам о заранее не обещанном укрывательстве преступлений, приобретении и сбыте заведомо похищенного имущества» // Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам. М., 2001. С. 162–164.

8. Ковалев М. И. Уголовная ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву. М., 1952. 120 с.

9. Энциклопедия уголовного права. Т. 6: Соучастие в преступлении. СПб., 2011. 908 с.

10. Устинова Т. Д. Новеллы уголовного закона о прикосновенности к преступлению // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIV Международной научно-практической конференции (26–27 января 2017 г.). М., 2017. С. 418–422.

11. Пономаренко Е. В. Некоторые теоретические и законодательные проблемы прикосновенности к преступлению по уголовному праву Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 24 с.

12. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая: в 2 т. СПб., 1902. Т. 1. 406 с.

13. Разгильдиев Б. Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. 20 с.

14. Криминология: учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. М., 2008. 700 с.

15. Шатов С. А. Соучастие в преступлении: учеб. пособие. СПб., 2012. 200 с.

16. Кибальник А. Г. Криминализация несообщения о преступлении: вперед в прошлое? // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIV Международной научно-практической конференции (26–27 января 2017 г.). М., 2017. С. 420–430.

17. Кириенко М. С. Несообщение о преступлении: старый состав в новых условиях // Адвокат. 2017. № 7. С. 13–16.

18. Сережкина К. Н. Прикосновенность к преступлению в уголовном праве России: оптимизация норм и практики их применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. 20 с.

19. Ларина Л. Ю. О включении адвокатов в перечень лиц, не подлежащих уголовной ответственности за несообщение о преступлении // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIV Международной научно-практической конференции (26–27 января 2017 г.). М., 2017. С. 427–431.

20. Макаров А. Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 24 с.

21. Клименко Ю. А. Квалификация соучастия и недоносительства в преступлениях террористической направленности (статьи 205¹, 205⁴, 205⁶ УК РФ) // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIV Международной научно-практической конференции (26–27 января 2017 г.). М., 2017. С. 417–422.

В. Н. Некрасов

(Вологодский институт права и экономики ФСИН России)

E-mail: vnnekrasow@mail.ru

К вопросу о дифференциации ответственности за неоконченное преступление

Статья посвящена изучению норм уголовного закона о неоконченном преступлении. Исследуется современное состояние дифференциации ответственности за незавершенное преступление. Также в статье обозначены основные перспективы и направления совершенствования дифференциации ответственности за неоконченное преступление.

Ключевые слова: неоконченное преступление, юридическая ответственность, дифференциация ответственности, приготовление к преступлению, покушение на преступление.

V. N. Nekrasov

*(The Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service of Russia)*

The question of differentiation of responsibility for an unfinished crime

The article is devoted to the study of the norms of the criminal law dedicated to unfinished crime. The article examines the current state of differentiation of responsibility for an unfinished crime. Also the article outlines the main directions and prospects of perfection of differentiation of responsibility for an unfinished crime.

Keywords: some crime, legal responsibility, differentiation of responsibility, preparation of a crime, attempted crime.

Российский законодатель при дифференциации уголовной ответственности за неоконченное преступление в ныне действующем уголовном законе исходит из аксиомы: чем ближе преступление к завершению, тем большую общественную опасность оно представляет.

К средствам дифференциации уголовной ответственности при неоконченном преступлении в УК необходимо отнести: законодательные положения о понижении максимального размера наказания, предусмотренного за оконченное преступление, запрет на применение таких видов наказания, как смертная казнь и пожизненное лишение свободы, а также правила об освобождении от уголовной ответственности различных видов соучастников при добровольном отказе от преступления.

В ст. 66 УК РФ были обозначены основания для смягчения верхнего предела наказания за неоконченное преступление. Во-первых, суд при назначении наказания за неоконченное преступление должен учитывать обстоятельства, в силу которых преступление не было доведено до конца. Помимо этих обстоятельств суд обязан принимать во внимание и положения, определенные в ч. 3 ст. 60 УК, а именно: характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

Необходимо обратить внимание, что в ст. 66 УК не указано на обязательность применения положений ст. 60, хотя в последней говорится об общих началах назначения наказания, следовательно, они непременно должны быть применимы и при назначении наказания за неоконченное преступление. О том же свидетельствует и положения ч. 1 ст. 89 УК, где сказано, что при назначении наказания несовершеннолетнему, кроме обстоятельств, предусмотренных ст. 60 УК, учитываются обстоятельства его жизни и воспитания, уровень психического развития, иные особенности личности, а также влияние на него старших по возрасту лиц. Таким образом, законодатель в ч. 1 ст. 89 прямо указывает на необходимость применения общих начал (ст. 60 УК РФ) при назначении наказания несовершеннолетнему. Приведенный пример подтверждает тезис о необходимости дополнения ст. 66 УК положением, согласно которому при назначении наказания за неоконченное преступление следует учитывать обстоятельства, перечисленные в ч. 3 ст. 60.

Следует отметить, что действующая редакция ч. 1 ст. 66 не отражает всех тех факторов, которые должны учитываться судом при назначении наказания за неоконченное преступление. Как спра-

ведливо отмечает В. Питецкий, в ч. 1 ст. 66 должно также содержаться указание на необходимость учета степени осуществления преступного намерения, как это было в ранее действовавшей ст. 15 УК РСФСР. Свою позицию автор объясняет тем, что даже в рамках одного вида неоконченного преступления общественная опасность содеянного может существенно различаться [1, с. 61]. Подобной позиции придерживаются ряд других ученых-юристов [2].

Представляется необходимым внести еще одно изменение в ч. 1 ст. 66. Как говорилось выше, при назначении наказания суд должен помимо обстоятельств, указанных в ч. 1 ст. 66, учитывать обстоятельства, перечисленные в ч. 3 ст. 60, а также стадию, на которой преступление было прервано. Степень осуществления преступного умысла носит не общий, а специальный характер, так как влияет на назначение наказания не по всем категориям уголовных дел, а только по уголовным делам о неоконченных преступлениях. В незавершенных преступлениях виновный реализует свое намерение частично, при этом всегда находясь на различном расстоянии от достижения преступного результата, иногда причиняя, а иногда не причиняя вовсе общественно опасные последствия [3, с. 251–257].

Указание на учет степени реализации преступного умысла и учет обстоятельств, в силу которых преступление не было доведено до конца, являются факторами, дополняющими как друг друга, так и общие начала назначения наказания.

Во-вторых, в ч. 2 ст. 66 УК говорится, что срок и размер наказания за приготовление к преступлению не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК за оконченное преступление. В ч. 3 той же статьи сказано, что срок или размер наказания за покушение на преступление не может превышать трех четвертей максимального срока или размера, предусмотренного по соответствующей статье Особенной части УК.

Законодатель обоснованно устанавливает правило, согласно которому покушение на преступление должно наказываться более строго, чем приготовление к преступлению. Представляется верным, что назначение наказания за покушение на преступле-

ние необходимо производить в зависимости от его вида. При неоконченном покушении срок и размер наказания не может превышать двух третей, а при оконченном покушении – трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого наказания по санкции. Данные научные предложения являются более удачными и гуманными в сравнении с ныне действующими. Кроме того, они сконструированы по типу положения о назначении наказания за приготовление к преступлению (ч. 2 ст. 30 УК). Это обстоятельство позволяет обеспечить единство данных норм с точки зрения законодательной техники, что, в свою очередь, способствует системности уголовного закона. Исходя из изложенного, целесообразно внести соответствующие изменения в ст. 66 УК.

В-третьих, согласно ч. 2 ст. 30 уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлению. Ненаказуемость приготовительных действий к преступлениям небольшой тяжести на первый взгляд вполне оправданна, поскольку, как показывает практика, большое число лиц, в действиях которых содержится состав приготовления к преступлению небольшой тяжести, не подвергается уголовной ответственности, ибо совершенное ими деяние в силу малозначительности не представляет общественной опасности. Согласно ч. 2 ст. 14 УК не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки деяния, предусмотренного Особой частью УК, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности.

Между тем логично, что лицо, в действиях которого содержатся признаки преступления, но на основании ч. 2 ст. 14 УК РФ не подвергнутое в итоге уголовной ответственности, может нести иную ответственность за совершенное деяние. Представляется, что данное лицо должно нести ответственность в соответствии с нормами Кодекса об административных правонарушениях. Однако к такому лицу исключается и применение мер воздействия, предусмотренных КоАП РФ, так как согласно ч. 1 ст. 1.6. КоАП лицо не может быть подвергнуто административному наказанию иначе, как на основаниях и в порядке, установленных КоАП. Так, например, в случае если лицо совершает приготовление к совершению хищения, но в силу малозначительности его дей-

ствия не представляют общественной опасности, уголовная ответственность не последует. Но в то же время к этому лицу исключается и применение мер воздействия, предусмотренных КоАП, так как мелким хищением такое поведение признано быть не может. А в соответствии с ч. 1 ст. 1.6 КоАП лицо не может быть подвергнуто административному наказанию иначе как на основаниях и в порядке, определенных КоАП [4, с. 25].

При конструировании ч. 2 ст. 30 УК РФ законодатель проигнорировал правила межотраслевой дифференциации юридической ответственности. В частности, то правило, согласно которому «в процессе межотраслевой дифференциации должна обеспечиваться преемственность в видах юридической ответственности» [4, с. 6]. Кроме того, законодателем не учтен принцип неотвратимости наказания. Следует согласиться с точкой зрения, что в этом случае, если законодатель предусматривает уголовную ответственность за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям, приготовление к преступлениям небольшой и средней тяжести должны рассматриваться в качестве административного правонарушения [5, с. 301]. В этой связи главу 20 КоАП следует дополнить статьей, в которой случаи приготовления к преступлениям небольшой и средней тяжести признавались бы административными правонарушениями.

В-четвертых, законодатель, подчеркивая меньшую степень общественной опасности неоконченного преступления, устанавливает правило, согласно которому смертная казнь и пожизненное лишение свободы за приготовление к преступлению и покушение на преступление не назначаются. При создании данного законоположения допущено нарушение использования средств законодательной техники. Как отмечалось ранее, нормы, в которых проводится дифференциация наказания в зависимости от степени осуществления преступного умысла, построены исходя из аксиомы: чем ближе преступление к завершению, тем большую общественную опасность оно представляет. Между тем в рассматриваемом примере данная аксиома проигнорирована, поскольку покушение на преступление ближе к завершению по сравнению с приготовлением к преступлению, а потому представляет большую общественную опасность. Однако, несмотря на это, и за приготовление

к преступлению, и за покушение на преступление смертная казнь и пожизненное лишение свободы не назначаются.

В-пятых, согласно ч. 6 ст. 15 УК РФ суд с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его опасности вправе при наличии и отсутствии отягчающих обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию при условии, что за совершение преступления, указанного в ч. 3 ст. 15, осужденному будет назначено наказание, не превышающее трех лет лишения свободы, или другое более мягкое наказание; за совершение преступления, указанного в ч. 4 ст. 15, – наказание, не превышающее пяти лет лишения свободы, или другое более мягкое наказание; за совершение преступления, указанного в ч. 5 ст. 15, – наказание, не превышающее семи лет лишения свободы. В таком случае изменение категории преступления будет означать, что все последующие уголовно-правовые последствия его совершения должны соответствовать новой категории преступления, что, в свою очередь, влечет улучшение положения виновного лица в части вида и режима колонии, оснований его условно-досрочного освобождения, сроков погашения судимости и др.

Внесенные изменения в ст. 15 вызывают больше вопросов, чем ответов. Во-первых, законодатель, называя общие условия для изменения категории преступления на менее тяжкое (наличие смягчающих и отсутствие отягчающих обстоятельств), не раскрывает, какие именно фактические обстоятельства преступления могут повлиять на изменение категории преступления. Следовательно, этот вопрос делегируется на судебское усмотрение. Представляется, что в этом случае законодателем не вполне удачно был использован абстрактный прием законодательной техники. Во-вторых, на практике в отдельных случаях при применении новых законодательных изменений может возникать противоречивая ситуация. Так, изменение категории преступления с тяжкого на средней тяжести, например в случае совершения приготовления к разбою (ч. 1 ст. 162 УК РФ) и когда назначено наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет лишения свободы, не может быть основанием для исключения уголовной ответственности для виновного лица по основаниям, предусмотренным

ч. 2 ст. 30 УК. Получается, что суд изменяет категорию на преступление средней тяжести, а уголовная ответственность, тем не менее, за приготовление к этому преступлению наступает.

Законодателю следует в УК РФ перечислить все обстоятельства, влияющие на изменение категории преступления, а не передавать этот вопрос суду, тем самым необоснованно расширяя границы судебного усмотрения. Кроме того, следует согласиться с точкой зрения о том, что неоконченность преступления при всех условиях должна влиять и учитываться судом при переходе на менее тяжкую категорию преступления, но не более чем на одну ступень [6, с. 137–138]. Представляется правильным, что данное правило по УК надо учитывать в рамках ч. 6 ст. 15 УК как одну из составляющих фактических обстоятельств дела.

Ссылки

1. Питецкий В. Назначение наказания за неоконченное преступление // Уголовное право. 2001. № 4. С. 60–65.

2. Благов Е. В. Применение специальных начал назначения уголовного наказания. М., 2007. 283 с.

3. Энциклопедия уголовного права. Т. 9: Назначение наказания / отв. ред. В. Б. Малинин. СПб., 2008. 700 с.

4. Уголовное право России. Часть Общая / под ред. Л. Л. Кругликова. М., 1998. 600 с.

5. Кругликов Л. Л. Проблемы теории уголовного права. Ярославль, 2010. 591 с.

6. Малков В. П. К вопросу о социально-правовой природе приготовления к преступлениям небольшой и средней тяжести и ответственности за содеянное // Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции, взаимовлияние. Саратов, 2004. С. 300–306.

7. Васильевский А. В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2000. 199 с.

Т. И. Похлеба

(Прокуратура Ярославской области)

E-mail: tatiana.p.0812@gmail.com

Субъективная сторона преступления как конструктивный признак составов нарушения правил безопасности при ведении работ

Постановлением Пленума Верховного Суда РСФСР от 23 апреля 1991 г. № 1 в первоначальной редакции закреплено, что преступления, предусмотренные ст. 143, 216, 217 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК), совершаются по неосторожности. Впоследствии абз. 1 п. 4 постановления, содержащий данное указание, исключен. Необходимо научное осмысление этого решения.

Ключевые слова: субъективная сторона, нарушение правил безопасности, ведение работ, конструирование состава преступления.

T. I. Pohleba

(The prosecutor's office of the Yaroslavl region)

Mental element in crime as constructional one in corpus delicti on violation of work safety rules

According to the first version of the decision of the Plenum of the Supreme Court of Russian Federation № 1 dated 23.04.1991, crimes on articles 143, 216, 217 of the Criminal Code of Russian Federation are committed by imprudence. Later paragraph 1 of the point 4 of the decision with this indication was excluded. That's why scientific research should be done.

Keywords: mental element in crime, violation of work safety rules, work conduction, corpus delicti construction

Субъективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 143, 216 УК («Нарушение требований охраны труда», «Нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ»)). В диспозициях данных статей говорится только о неосторожном отношении к наступившим последствиям, что

позволяет сделать вывод об использовании при конструировании данных составов, во-первых, общесоциальных языковых средств, а во-вторых, специально-юридических терминов (речь идет о родовом термине «неосторожность», определение понятия которого, к сожалению, отсутствует в УК). Что касается преступления, предусмотренного ст. 216 УК, подавляющее большинство авторов солидарно: наличествует неосторожная форма вины. Дискуссия ведется применительно к составу, регламентированному ст. 143 УК. Встречаются утверждения, что рассматриваемое преступление совершается с двойной формой вины [1, с. 130–131]. И. И. Слуцкий одним из первых предложил рассматривать субъективную сторону поведения лиц, совершивших преступления в области правил безопасности при ведении работ, отдельно – по отношению к самому нарушению, по отношению к вредным последствиям [2, с. 44]. А. Б. Сахаров придерживался иной позиции: он отрицал любую возможность раздельного (а тем более различного) определения умысла и неосторожности в отношении преступного деяния и последствий, считая такой разрыв искусственным, отрицая существование двойной вины [3, с. 138–141]. М. С. Брайнин и С. А. Квелидзе также выступили против выделения смешанной вины [4, с. 78–79]. Заслуживающим внимания видится взгляд И. Г. Филановского, указавшего на то, что только применительно к таким составам преступлений, в которых «объективная сторона характеризуется наступлением двух последствий – непосредственного результата и отдаленного результата», необходимо ставить вопрос об определении формы вины «раздельно по отношению к преступлению, включающему в себя непосредственный и отдаленный результат» (в отличие от господствовавшего в то время в рамках концепции смешанной вины убеждения о наличии двух отдельных форм вины в каждом (в том числе основном) материальном составе преступления) [5, с. 153–154]. Кроме того, ученый небезосновательно, на наш взгляд, критиковал концепцию смешанной вины и с терминологической точки зрения: действительно, «никакого смешения различных видов вины... нет, а налицо лишь две формы вины» [5, с. 153–154]. В этой связи более верным является употребление таких терминов, как «сложная форма вины», «двойная форма вины». В целом мы придерживаемся позиции о возможности выделения в рамках УК

преступлений с двойной формой вины. Вместе с тем законодательная дефиниция данного термина отнюдь не безупречна и нередко критикуется в литературе, как и целесообразность существования такого термина в рамках УК в целом [6, с. 99; 7, с. 61–62]. Необходимо решить вопрос о наличии такой вины в исследуемых составах.

Исходя из анализа ст. 27 УК, касающейся ответственности за преступление, совершенное с двумя формами вины, следует сделать вывод, что такие преступления обусловлены особенностями конструкций их объективной стороны и характеризуются тем, что умысел является субъективным признаком основного состава, а неосторожность связана с отношением к последствиям, играющим роль квалифицирующих признаков. Например, Е. В. Благов и И. В. Бессонова выделяют два типа таких конструкций: 1) учтенная законодателем совокупность преступлений, или преступление с двумя материальными составами (преступление с двумя указанными в законе последствиями, имеющими различное юридическое значение: одно из последствий относится к основному составу, а второе – к квалифицированному (особо квалифицированному)); 2) преступление, основным видом которого является формальным, а квалифицированный – материальным [6, с. 98–99; 8, с. 131–132; 9, с. 162–163]. В целом две формы вины могут иметь место только в квалифицированных составах (о чем и говорил И. Г. Филановский). Статья 143 (да и ст. 216) УК под подобную конструкцию не подпадает. Кроме того, если встать на позицию ученых, относящих нарушение правил безопасности при ведении работ к преступлениям с двойной, сложной виной, то получится, что само преступление в целом является умышленным, что противоречит законодательному описанию психического отношения к последствиям.

Пленум Верховного суда РСФСР в упомянутом постановлении от 23 апреля 1991 г. № 1 (п. 4) прямо указал, что в случае, когда умысел виновного был направлен на достижение преступного результата, а способом реализации такого умысла явилось нарушение правил охраны труда и безопасности работ, содеянное надлежит квалифицировать по соответствующей статье УК, предусматривающей ответственность за совершение умышленного

преступления. Если же виновный путем нарушения указанных правил преследовал цель причинить одни последствия, а отношение его к наступлению других последствий выступало в форме неосторожной вины, содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений, совершенных умышленно и по неосторожности. То есть речь, по сути, идет о том, что наличие умысла на причинение вреда меняет направленность совершаемого деяния, превращая соответствующие нарушения из важнейшего признака объективной стороны преступления в способ достижения намеченной цели, связанной с последствиями, т. е. образует иное, более опасное, посягательство.

В связи с вышеизложенным вызывает удивление своеобразный подход А. С. Курманова, предлагающего предусмотреть в ч. 1 ст. 143 УК уголовную ответственность за нарушение правил охраны труда, если это «сопряжено с умышленной постановкой человека в условия, опасные для жизни...» [10, с. 251; 11, с. 14, 34]. В обоснование автором приводится случай взрыва на шахте «Юбилейная», в результате которого погибло 38 человек: перед трагическими событиями на шахте с целью выполнения плана «умышленно снижали чувствительность датчиков автоматической газовой защиты, их заклеивали газетами, накрывали ватниками» [10, с. 250; 12, с. 334]. В приведенном примере, как мы полагаем, подталкивая работников к названным нарушениям, руководство шахты, разумеется, не направляло умысел на подобный результат – смерть 38 человек.

Таким образом, мы полагаем, что преступления, предусмотренные ст. 143, 216 УК, могут совершаться только по неосторожности. Что интересно, в советской литературе применительно к составам нарушения правил безопасности при ведении работ предлагалось использовать термин «профессиональная неосторожность» [13, с. 55]. Мы полагаем, что данный термин избыточен. В настоящее время уголовный закон выделяет два вида неосторожности: легкомыслие и небрежность (ст. 26), которыми охватывается в том числе и так называемая «профессиональная неосторожность».

В изученных нами обвинительных заключениях мы не обнаружили ни одного указания на вид неосторожности или вообще на форму вины, тогда как установление не просто соответствующей

щей формы вины, но и – в наших случаях – вида неосторожности не является просто формальным требованием (по типу «так должно быть»), а имеет большое значение для субъективного вменения и индивидуализации ответственности и наказания. Недаром в литературе отмечается, что вина (исторически отождествляется, прежде всего, с умыслом и неосторожностью, а нередко и в целом с субъективной стороной) «неразрывно связана с индивидом: она является, во-первых, личной и, во-вторых, вследствие этого индивидуальной» [14, с. 114]. Кроме того, В. Н. Кудрявцев, а вслед за ним и Ю. А. Демидов справедливо, на наш взгляд, подчеркивали важность субъективной стороны в целом: «она представляет собой своеобразную «модель» объективной стороны состава в психике субъекта» [14, с. 116; 15, с. 171]. И если «все объективные обстоятельства, в которых выражено содержание вины, преломляются в отражении их субъективной стороной преступления», то же можно распространить и на виды неосторожности как формы вины [14, с. 118]. Таким образом, через призму вида неосторожности можно исследовать все объективные и субъективные обстоятельства совершения конкретного преступления данным лицом.

В ходе нашего исследования мы обнаружили ряд результатов проанализированной практики, данные по которым нередко носят противоположный характер: одни ученые приходят к выводу, что чаще всего рассматриваемые нарушения осуществляются по легкомыслию (в частности, И. В. Бессонова, Э. А. Коренкова), другие (например, А. А. Великий, О. А. Смык) – по небрежности [8, с. 129; 9, с. 160; 16, с. 100; 17, с. 105; 18, с. 100]. В целом преобладание показателей в ту или иную сторону настолько незначительно, что можно констатировать: для преступлений данной категории в равной степени характерны оба вида неосторожности. Приведем пример с признаком самонадеянного расчета на предотвращение последствий без достаточных к тому оснований: в основном на практике такой расчет связывается или с неоднократными нарушениями подобного рода, или с тем, что субъект ответственности полагается на опыт и квалификацию работников, выполняющих соответствующие виды работ.

Интересна позиция иностранного законодателя: во многих странах, прежде всего дальнего зарубежья, в УК предусмотрена

ответственность как за умышленные нарушения соответствующих правил (обычно в ч. 1 статьи), так и неосторожные (как правило, в ч. 2 или последующих частях статьи); особенно это касается нарушения правил при производстве строительных работ. Подобный подход наличествует в § 319 УК ФРГ, ст. 229, 230 УК Швейцарии, ст. 220 УК Республики Польша, ст. 176 Литовской Республики [19, с. 181; 20, с. 222–223; 21, с. 159; 22, с. 273–274]. Мы полагаем, что в данном случае не следует рецептировать такой опыт и нужно придерживаться позиции Пленума Верховного суда РСФСР, выраженной в постановлении от 23 апреля 1991 г. № 1: наличие умысла на причинение вреда преобразует нарушения правил в способ совершения деяния, которое, несомненно, является уже более опасным. При этом задачи уголовного закона, указанные в ч. 1 ст. 2 УК, можно осуществить в таких случаях и путем привлечения к ответственности по соответствующим статьям за умышленные преступления против жизни и здоровья, а значит, с точки зрения принципа экономии законодательного материала нецелесообразно вводить ответственность за умышленное нарушение правил безопасности или правил охраны труда как разновидности первых.

Подчеркнем, что наличие формально закрепленной обязанности еще не означает установление вины субъекта: имевшиеся объективные обстоятельства, которые исключали возможность осознания допускаемых нарушений, исключают и вину лица (должна быть не просто формальная обязанность, но и фактическая способность ее выполнения). То же следует отнести и к обратной ситуации: когда без формально закрепленной обязанности субъект фактически выполнял соответствующие правила, т. е. такое лицо могло как осознавать допускаемое нарушение, так и не осознавать, что следует устанавливать в каждом конкретном случае. Сказанное относится к определению наличия или отсутствия вины в рамках составов, предусмотренных ст. 143, 216, 217 УК.

Что касается вины лица, которое нарушило неизвестные ему правила, то только если он не знал и объективно не мог знать о наличии таких правил и необходимости обеспечивать их соблюдение или контролировать их соблюдение (что справедливо для ст. 143 УК) или необходимости их соблюдения (что касается ст. 216, 217 УК), оно не подлежит уголовной ответственности

по названным статьям. Во всех иных случаях важно конкретно исследовать обстоятельства содеянного. Так, если указанный субъект имел возможность своевременно познакомиться с соответствующими правилами, но не воспользовался этим, то следует согласиться с И. В. Бессоновой в том, что лицо должно быть признано виновным [8, с. 131; 9, с. 162].

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 217 УК «Нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах». В ст. 217 УК не включено положение о том, что к наступившим последствиям или возможности их наступления лицо относится неосторожно, и это представляет собой как раз тот случай, когда, «описывая преступление, законодатель, к сожалению, не всегда ясно выражает форму его вины» [23, с. 142]. Вместе с тем в настоящее время в связи с новой редакцией ст. 24 УК законодатель отказался от принципа «уголовная ответственность за неосторожность – только в порядке исключения». Таким образом, презюмируется, что в преступлениях, при описании которых не указано, что они совершаются по неосторожности, возможна как умышленная, так и неосторожная форма вины в отношении последствий. Хотя наличествует и иная точка зрения: такие деяния могут быть совершены только умышленно (например, В. Нерсесян считает, что преступление, регламентированное ч. 1 ст. 217 УК, может быть совершено лишь умышленно) [24, с. 44]. В целом относительно данного состава среди ученых наблюдается разброс мнений. Интересен взгляд В. С. Комиссарова, Т. А. Костаревой и А. А. Евдокимова: они полагают, что изучаемое преступление совершается только с неосторожной формой вины [25, с. 317; 26, с. 188; 27, с. 379; 28, с. 58, 114].

Существует и точка зрения, что преступное посягательство, предусмотренное ст. 217 УК, с субъективной стороны характеризуется двойной формой вины [1, с. 326, 327]. Г. Н. Борзенков считал, что неосторожность в составе этого преступления имеет место по отношению к наступившим последствиям, а само нарушение правил безопасности может совершаться с прямым или косвенным умыслом [29, с. 512]. Данное мнение отстаивает и Ю. А. Гладышев. Так, в рамках сложной вины он выделяет умысел или неосторожность по отношению к самому факту нарушения правил и неосто-

рожность по отношению к наступившим последствиям [30, с. 38, 40]. О том, что двойная форма вины может существовать только в квалифицированных составах, нами говорилось выше. Добавим к указанному: непонятно, как можно говорить о двойной форме вины в ситуации, когда лицо неосторожно относится и к нарушению, и к последствиям. Кроме того, ст. 217 УК включает не только материальный состав, но и состав создания опасности.

Мы солидарны с авторами, полагающими, что нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах в настоящее время мыслимо в форме как умысла, так и неосторожности (подобного подхода придерживаются, в частности, В. И. Ткаченко, С. В. Максимов) [31, с. 269; 32, с. 373]. При этом относительно состава создания опасности речь, на наш взгляд, может вестись как о прямом, так и о косвенном умысле (хотя вопрос о наличии косвенного умысла в составах создания опасности является в науке уголовного права спорным).

Нам представляется, что возможность совершения посягательства в рамках ст. 217 УК как с умышленной, так и с неосторожной формами вины, являет собой нарушение правил отраслевой дифференциации ответственности. Даже в связи с особой опасностью подобных объектов видится нецелесообразным устанавливать единую ответственность и для умышленного совершения преступного деяния, и неосторожного. Мы предлагаем, во-первых, использовать языковые средства законодательной техники и указать в диспозиции ч. 1 ст. 217 УК на форму вины. В литературе не зря подчеркивается, что «обязательные элементы, в том числе вина, а ргіогі попадають в конструйований склад, а потому главною задачею являється їх текстуальне вираження»; «это как раз тот случай, когда экономия законодательного материала неоправдана, поскольку приводит к неясности закона» [23, с. 142]. Во-вторых, считаем важным регламентировать по ч. 1 ст. 217 УК совершение деяния исключительно с неосторожной формой вины. При совершении умышленного преступления содеянное надлежит квалифицировать, на наш взгляд, по соответствующей статье УК, предусматривающей ответственность за совершение умышленного преступления. Кроме того, поскольку мы ратуем за изъятие состава создания опасности из диспозиции ч. 1 ст. 217 УК, вышеуказанные

предложения относим исключительно к материальному составу. Таков, например, соответствующий материальный состав, предусмотренный ст. 236 УК Кыргызской Республики [33, с. 115].

В литературе поднимается вопрос о значении вины потерпевшего от допущенного нарушения для ответственности предполагаемых субъектов преступления [3, с. 150–157; 4, с. 82–83; 8, с. 84–95; 9, с. 106–119; 17, с. 88–95; 34, с. 107–112; 35, с. 17–18]. Пленум Верховного суда РСФСР в постановлении от 23 апреля 1991 года № 1 прямо предписывает выяснять роль потерпевшего в происшествии (абз. 2 п. 5). А. В. Шевченко в ходе исследования уголовных дел рассматриваемой категории (по материалам Республики Казахстан) пришел к выводу, что более 30 % несчастных случаев происходят по вине самого потерпевшего [36, с. 41]. Автор даже ратует за необходимость включения в Общую часть УК Республики Казахстан положения об ответственности потерпевшего «за совершение преступления, если допущенные им нарушения повлекли гибель людей или иные тяжкие последствия», что отнюдь не бесспорно, даже исходя из формулировки «ответственность потерпевшего за совершение преступления» [36, с. 15, 41].

Пленум Верховного суда РСФСР в вышеупомянутом постановлении подчеркивает следующее: если «будет установлено, что несчастный случай на производстве произошел вследствие небрежности потерпевшего, суд должен, при наличии к тому оснований, решить вопрос о вынесении оправдательного приговора в отношении подсудимого, а в случае признания его виновным – учитывать при назначении наказания факт небрежности, допущенной самим потерпевшим» (абз. 2 п. 5). А. Б. Сахаров указывал, что «в зависимости от определенных условий вина потерпевшего в той или иной мере отражается на ответственности причинителя» [3, с. 151], то есть ученый говорит о наличии определенной связи. Отметим, что сама по себе вина потерпевшего может и не исключать причинной связи между наступившими последствиями и действиями предполагаемого субъекта преступления, поскольку в обязанность последнего может входить предотвращение нарушения соответствующих правил со стороны лица, ставшего потерпевшим.

Проиллюстрируем сказанное следующим примером: работница комбината хлебопродуктов, проверяя подачу отрубей из бунке-

ра, обнаружила, что они не поступают, и попыталась пропустить их через нижнее отверстие бункера, что не удалось. Тогда она самовольно спустилась внутрь бункера, где и была засыпана обрушившимися отрубями. Несчастный случай стал возможен в результате нарушения правил охраны труда как самой потерпевшей, так и начальником цеха, т. к., согласно соответствующим правилам, действовавшим на момент, когда произошел несчастный случай, все бункеры должны закрываться на замок, а ключ храниться у начальника цеха; только с его разрешения и под его контролем допускаются работы внутри бункера [37, с. 7].

Ш. К. Вахитов отмечает, что грубая неосторожность потерпевшего является обстоятельством, влияющим на меру ответственности, в частности, должностных лиц за происшедший несчастный случай [38, с. 47]. В связи с этим ученый указывает на необходимость проверки версии, согласно которой причиной несчастного случая могла явиться грубая неосторожность самого потерпевшего, нарушение им правил техники безопасности, а также мера ее влияния на наступление несчастного случая [38, с. 47].

Интересной представляется позиция М. С. Брайнина и С. А. Квелидзе, которые вслед за В. Н. Кудрявцевым полагают, что более правильным говорить «не о вине, а о неосторожности самого пострадавшего» [4, с. 82]. Данное утверждение рассматривается нами как ошибочное. Возможно, термин «вина» потерпевшего и носит элементы условности, однако для характеристики той же неосторожности (в любом случае представляющей форму вины) придется обращаться к уголовно-правовым признакам данного явления. В целом М. С. Брайнин и С. А. Квелидзе отмечают, что грубая неосторожность потерпевшего или нарушение им правил безопасности признается на практике обстоятельством, исключаяющим вину лица, ответственного за правила безопасности, лишь при условии, что потерпевший «действовал самочинно, вопреки указаниям администрации, что не было никаких нарушений, которые содействовали бы наступлению вредных последствий» [4, с. 83]. Иными словами, неосторожное поведение потерпевшего было «главной определяющей причиной производственной травмы или несчастного случая со смертельным исходом» или «единственной причиной производственной травмы» [16, с. 17; 37, с. 7].

Приведем следующий пример. К. выполнял строительные работы в качестве каменщика на объекте. Находясь вместе с другим каменщиком на шестом этаже строящегося здания, он распаковал пачку строительного кирпича и повернулся к кирпичам спиной. В этот момент находившиеся в пачке кирпичи стали разезжаться и зацепили К., в результате чего тот упал с высоты шестого этажа на строительную площадку перед домом и получил телесные повреждения, от которых скончался на месте происшествия. В ходе проведенной проверки государственная инспекция труда в качестве лиц строительной организации, допустивших нарушения правил охраны труда, обозначила: (1) прораба, который в нарушение соответствующих нормативно-правовых актов не установил ограждения оконного проема, не осуществил достаточный контроль за применением работниками средств индивидуальной защиты при выполнении работ на высоте; (2) директора, который допустил к самостоятельной работе работника, не имеющего квалификации «каменщик» и не прошедшего в установленном порядке обучение и проверку знаний требований охраны труда; (3) главного инженера, который не обеспечил надлежащий технический надзор и контроль за разработкой технологической карты на кирпичную кладку наружных стен в части соблюдения норм охраны труда при работе с неогражденными проемами на высоте. При этом выполнявший указанные строительные работы на высоте К. не имел ни необходимого для этого опыта работы, ни знаний, ни квалификации (потерпевший был крайне молод – 1988 года рождения, согласно записям в трудовой книжке до принятия на должность каменщика 2-го разряда работал в качестве экспедитора и укладчика-упаковщика). Директор в своей объяснительной указал на то, что он принял решение взять на работу К. на должность каменщика 2-го разряда в специализированное звено каменщиков комплексной бригады из-за того, что звено каменщиков такой бригады было некомплектовано, но наличествовала необходимость в каменщиках 2-го разряда для выполнения вспомогательных работ, а учебные заведения г. Ярославля не готовили специалистов-каменщиков 2-го разряда, в ЕТКС отсутствовала специальность «подсобный рабочий-каменщик». Все названные лица (в том числе директор, даже несмотря на такое вопиющее нарушение, как допуск к выполнению работ

лица, которого не только по здравой логике как не имеющего никакого опыта работы в данной сфере, но и по закону был не вправе привлекать к выполнению работ) избежали уголовной ответственности. При этом в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела следователь указал лишь на нарушения, допущенные самим потерпевшим (не надел предохранительный пояс и страховочный канат), и избежал упоминания о нарушениях, допущенных отмеченными лицами, никак не мотивировал, почему нарушения последних являются несущественными.

К сожалению, лишь в исключительных случаях следует признать обоснованным вынесение постановления о прекращении уголовного дела, когда вина потерпевшего полностью исключает ответственность иных лиц либо когда действия потерпевшего без каких-либо сопутствующих нарушений правил безопасности повлекли его травмирование. Например, водитель предприятия С., приехав на работу и проверив механическое состояние своего автобуса, завел двигатель автобуса и отошел по своим нуждам. Вернувшись к автобусу, он обнаружил, что тот двигается на другой стоящий перед ним автобус. С. решил остановить руками свой автобус, но не сумел этого сделать и оказался зажатым между автобусами, в результате чего С. были причинены телесные повреждения в виде тупой травмы живота, разрыва печени, селезенки, тупой травмы груди, ушиба легкого. При этом с С. своевременно проводился соответствующий инструктаж, в том числе по технике безопасности, он был ознакомлен с инструкцией по охране труда для водителя автобуса. На наш взгляд, следователь справедливо относительно данного случая вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, указав, что в том числе, вопреки инструкции по охране труда для водителя автобуса, С. не принял мер, исключаящих самопроизвольное движение автобуса и по собственной неосмотрительности совершил поступок, противоречащий простейшим правилам безопасности – попробовал руками остановить многотонный автобус.

Другой случай – машинист-обходчик турбинного оборудования К., находясь в турбинном цеху, после выполнения работ (списания показаний приборов насоса ПЭН-1) при движении к насосу КНБ-1Б, спустившись с фундамента насоса ПЭН-1, поставила

правую ногу на рифленый настил пола, нога подвернулась и К., потеряв равновесие, упала на фундамент конденсатного насоса бойлеров КНБ-1Б. К. в момент падения была одета в спецодежду, на ногах были ботинки на рифленой несношенной подошве, на голове – каска. К. прошла все необходимые инструктажи по технике безопасности. Таким образом, лица, виновные в получении К. травмы, отсутствуют, нарушений правил техники безопасности допущено не было. Причиной получения травмы явились собственные нескоординированные действия К.

Что касается мотивов, то они не влияют на квалификацию преступления, однако способны повышать или понижать степень общественной опасности преступления, а потому учитываются судом при индивидуализации ответственности и наказания (в частности, они характеризуют и личность виновного). Мотивами пренебрегать нельзя и при решении вопроса об отграничении соответствующего нарушения от обоснованного риска [39, с. 143–162].

Мотивы могут быть самыми разными: ложно понятые производственные интересы, стремление облегчить свои обязанности за счет несовершения дополнительных мероприятий и проч. Мы солидарны с А. Б. Сахаровым в том, что «во всех случаях побуждения эти таковы, что виновный отказался бы от них, будучи убежден, что это повлечет травмирование работника..., никто не согласится на нарушение правил техники безопасности при условии наступления подобного вреда» [3, с. 141]. В связи со сказанным отметим, что нужно тщательно исследовать мотивы допущенных нарушений, поскольку в некоторых случаях они могут дать подсказку в установлении формы вины, с которой было совершено нарушение тех или иных правил (а следовательно, отграничить одно преступное посягательство от другого). Например, лицо могло нарушить правила в целях вызвать аварию и таким образом скрыть последствия иного преступления, либо специально травмировать кого-либо из мести, либо «подставить» другое лицо и т. п. В приведенных примерах речь должна идти об умышленном преступлении, исключающем ответственность в рамках ст. 143, 216 УК. Недаром в литературе подчеркивается, что «каждой форме вины свойственна лишь определенная группа мотивов» [40, с. 50].

Ссылки

1. Уголовное право. Особенная часть / под ред. В. Н. Петрашева. М., 1999. 608 с.
2. Слуцкий И. И. Ответственность за нарушения правил по технике безопасности. Л., 1953. 65 с.
3. Сахаров А. Б. Уголовно-правовая охрана безопасности условий труда в СССР. М., 1958. 187 с.
4. Брайнин М. С., Квелидзе С. А. Уголовно-правовая охрана безопасности труда в СССР. М., 1977. 143 с.
5. Филановский И. Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. Л., 1970. 173 с.
6. Благов Е. В. Уголовный закон и преступление: лекции. М., 2011. 216 с.
7. Благов Е. В. Актуальные проблемы уголовного права (Общая часть): учеб. пособие. Ярославль, 2008. 303 с.
8. Бессонова И. В. Нарушение правил охраны труда (проблемы истории, законодательного регулирования и практики). Оренбург, 2002. 160 с.
9. Бессонова И. В. Нарушение правил охраны труда в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 218 с.
10. Курманов А. С. Уголовное законодательство России об охране конституционных прав и свобод человека: перспективы развития. Уфа, 2009. 308 с.
11. Курманов А. С. Уголовное законодательство России об охране конституционных прав и свобод человека: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2011. 46 с.
12. Курманов А. С. Уголовное законодательство России об охране конституционных прав и свобод человека: сравнительно-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2011. 405 с.
13. Йосифов Н. К. Расследование преступных нарушений правил техники безопасности в угольных шахтах: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1969. 365 с.
14. Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. 182 с.
15. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. 352 с.

16. Коренкова Э. А. Ответственность за преступные нарушения правил охраны труда: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 189 с.
17. Смык О. А. Проблемы уголовной ответственности за нарушение правил охраны труда: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. 256 с.
18. Великий А. А. Нарушение правил охраны труда: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. 240 с.
19. Уголовный кодекс ФРГ. М., 2000. 208 с.
20. Уголовный кодекс Швейцарии. СПб., 2002. 350 с.
21. Уголовный кодекс Республики Польша. СПб., 2001. 234 с.
22. Уголовный кодекс Литовской Республики. СПб., 2003. 470 с.
23. Иванчин А. В. Законодательная техника в механизме уголовного правотворчества. Ярославль, 2009. 188 с.
24. Нерсесян В. Законодательная регламентация ответственности за преступные деяния, совершенные по неосторожности // Уголовное право. 2000. № 2. С. 41–44.
25. Курс уголовного права. Особенная часть / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2002. Т. 3. 468 с.
26. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 4. 674 с.
27. Уголовное право России. Т. 2: Особенная часть / отв. ред. А. Н. Игнатов, Ю. А. Красиков. М., 1998. 808 с.
28. Евдокимов А. А. Нарушение специальных правил безопасности в уголовном праве России. М., 2012. 152 с.
29. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2007. 902 с.
30. Гладышев Ю. А. Ответственность за преступления против общественной безопасности. Н. Новгород, 1998. 69 с.
31. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Б. В. Здравомыслова. М., 2001. 552 с.
32. Уголовное право. Особенная часть / под ред. Л. Д. Гаухмана, С. В. Максимова. М., 2005. 794 с.
33. Уголовный кодекс Кыргызской Республики. Бишкек, 2010. 192 с.
34. Эмирова И. Е. Уголовно-правовое обеспечение регламентации трудовых прав граждан: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 227 с.

35. Коренкова Э. А. Ответственность за нарушение правил охраны труда. М., 2002. 24 с.

36. Шевченко А. В. Уголовно-правовая ответственность за нарушения трудовых прав, правил охраны труда и безопасности производства: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 1996. 53 с.

37. Широков В. Неправомерное поведение потерпевшего по делам о нарушении правил охраны труда // Советская юстиция. 1979. № 16. С. 6–7.

38. Вахитов Ш. К. Рассмотрение дел о преступных нарушениях правил охраны труда. М., 1986. 93 с.

39. Гринберг М. С. Советское уголовное право. Часть Особенная. Преступления против общественной безопасности. Свердловск, 1974. 177 с.

40. Филановский И. Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. Л., 1970. 173 с.

М. С. Румянцев

(Ярославский госуниверситет)

E-mail: rumyantsev87@mail.ru

Специальное освобождение от уголовной ответственности за преступления против порядка корпоративного управления в УК РФ

В статье анализируются вопросы криминологической обоснованности, оптимальности конструирования и размещения с юридико-технической точки зрения нормативных положений о специальном освобождении за преступления против порядка корпоративного управления. В итоге автором делается вывод о несовершенстве исследуемых норм и приводятся конкретные предложения, необходимые для исправления сложившейся ситуации.

Ключевые слова: специальное освобождение, возмещение ущерба, санкция нормы, преступления против порядка корпоративного управления, условия освобождения, кратность возмещения ущерба.

M. S. Rumyancev

(Yaroslavl State University)

Special exemption from criminal responsibility for crimes against the order of corporate governance in the Russian Criminal Code

The article analyzes the issues of criminological validity, optimal design and placement of a legal-technical point of view, the regulations of the special exemption for the crimes against the order of corporate governance. In the end, the author concludes that the imperfection of the test standards, and provides specific proposals needed to remedy the situation.

Keywords: special exemption, damages, sanction rules, crimes against the order of corporate governance, conditions of release, the multiplicity of redress.

При анализе специального освобождения от уголовной ответственности за преступления против порядка корпоративного управления, на наш взгляд, необходимо рассмотреть два вопроса.

Во-первых, проанализировать, насколько криминологически обоснованы, оптимально сконструированы и размещены с юридико-технической точки зрения нормативные положения о специальном освобождении с позиции *de lege lata*, во-вторых, определить криминологическую необходимость и обрисовать конструкцию специального освобождения в порядке *de lege ferenda*.

Наличие в уголовном законе специального освобождения для лиц, совершивших преступные посягательства на порядок корпоративного управления, к которым мы относим ст. 170.1, 185.2, 185.4, 185.5 УК РФ, криминологически оправдано. Современная редакция уголовного закона предусматривает специальное освобождение только применительно к ч. 1 ст. 185.2 и 185.4 (см. ч. 2 ст. 76.1). При этом законодателем при конструировании положений ст. 76.1 допущен ряд технико-юридических сбоев. Так, отсутствие в ст. 76.1 указания на квалифицированные составы преступлений, предусмотренные ч. 2 ст. 185.2 и 185.4 УК:

1) ставит лицо, совершившее квалифицированные рейдерские посягательства, в неравные условия с субъектами иных квалифицированных экономических посягательств (например, ч. 2 ст. 198-199.1, 200.1 и др.), тем более что в отдельных случаях специальное освобождение распространяется на тяжкое преступление (ч. 2 ст. 199), тогда как рассматриваемые квалифицированные деяния относятся к категории средней тяжести;

2) лица, совершившие преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 185.2 и 185.5, в определенной ситуации находятся в части возмещения экономического ущерба в более выгодных условиях, чем в ситуации совершения деяния по признакам основного состава. Так, в отношении квалифицированных составов ст. 185.2 и 185.4 возможно применение положений ч. 2 ст. 75 УК, предусматривающей как условие освобождения *однократное* возмещение причиненного ущерба. Напротив, для лиц, совершивших преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 185.2 или 185.4, условием освобождения будет *шестикратное* возмещение причиненного ущерба. Удивительно, но на практике возникают и реализуются ситуации, когда для виновного будет выгодна переквалификация рейдерского посягательства на более тяжкое [1, с. 86].

Указанные противоречия должны решиться путем закрепления специальных видов освобождения в постатейных примечаниях к ст. 185.2 и 185.4 и распространением действия такого освобождения и на квалифицированные виды поведения. Кратность возмещения ущерба или взыскания полученного дохода должна быть понижена до двукратного размера для основных составов и трехкратного – для квалифицированных; для составов преступлений, в которых отсутствуют количественные признаки, это соотношение может выглядеть так – полуторакратный и двукратный [2]. В ином случае виновное лицо теряет мотивацию в реализации позитивного посткриминального поведения, начинает поиск ухода от уголовной ответственности иными, порой противоправными, способами. Следует отметить, что кратный размер возмещения вреда как условия специального освобождения неизвестен уголовному законодательству большинства стран СНГ и дальнего зарубежья, что указывает на уникальность такого законодательного решения в отечественном уголовном праве и, следовательно, на необходимость осторожного обращения с формулированием таких экономических характеристик посткриминального позитивного поведения.

Законодатель достаточно просто формулирует поощрительные нормы для составов с материальной конструкцией, закладывая в качестве условия освобождения однократное или многократное возмещение ущерба. В других случаях как условие освобождения регламентируется возмещение незаконно полученного дохода. Более сложной видится нам проблема конструирования норм о специальном освобождении в ситуации, когда диспозиция статьи в гл. 22 УК не содержит каких-либо количественных признаков и описывает классический «формальный» состав. Формальные по конструкции составы в гл. 22 УК можно условно разделить на две группы: 1) классические «формальные» (ст. 170, 171.2, 174, 174.1, 186 и др.), в которых отсутствуют любые количественные признаки деяния, характеризующие криминообразующие пороги и 2) опосредовано-формальные, в которых преступное деяние в одних случаях сопряжено с достижением необходимого количественного результата (размаха преступной деятельности), который образует криминообразующий порог (ст. 171.1, 191, 192 и др.). Законодатель для определения таких признаков использует поня-

тия «извлечение дохода в крупном размере», «избежание убытков в крупном размере» и т. д. В других случаях деяние связано со спецификой предмета, содержание которого может быть определено в количественных показателях, например касающихся размера подкупа (примечание к ст. 184, ч. 2 ст. 76.1) [3, с. 195].

Формулируя условия освобождения применительно к уголовно-правовым запретам из второй группы, законодатель опирается на эти количественные показатели. Преступления из первой группы вообще остались за рамками регулирования позитивного посткриминального поведения, что, на наш взгляд, абсолютно неоправданно. Ситуация, когда часть однородных деяний подпадает под действие поощрительных норм, другая часть, при этом меньшей категории тяжести, нет, требует, на наш взгляд, корректировки. Это касается и некоторых норм о преступлениях против порядка корпоративного управления, которые входят в первую группу и не связаны со специальным освобождением (ст. 170.1, ч. 3 ст. 185.2, ст. 185.5 УК). Каким образом, при наличии криминологической необходимости, в этом случае возможно сконструировать поощрительную норму? Какие виды посткриминального позитивного поведения должен осуществлять субъект? Такой опыт существует как в гл. 22, так и в целом в Особенной части. В одних случаях законодатель «привязывает» поощрение к характеристике предмета преступления, его опасным свойствам (примечание к ст. 222, 22.1, примечание 1 к ст. 228 и др.), в других – к реализации конституционных прав граждан (примечание к ст. 308, 316), в-третьих – к иным основаниям. Применительно к преступлениям против порядка корпоративного управления объект посягательства, условия специального освобождения должны базироваться на экономических составляющих. Представляется, что при отсутствии в диспозиции количественных признаков, характеризующих ущерб, размах деятельности, предмет преступления, возможно закладывать в основания освобождения уплату суммы штрафа (указанного в санкции нормы), обремененную кратностью либо иными условиями. В определенной части подобный опыт успешно используется в судебной практике Франции и Англии [4, с. 45].

Представляется, что полезным будет использовать в качестве определенного обременения двукратную сумму максимально-

го штрафа, закрепленного в санкции нормы. Конечно же, это потребует коренного пересмотра размеров штрафов как в гл. 22, так и в целом в УК. Прежде всего это связано с сильнейшим обесцениением (более чем в 2 раза!) рубля в последние годы. Если в 2013 году сумма штрафа в 300 тыс. руб., указанная, например, в ч. 2 ст. 170.1, равнялась 10 тыс. долларов США, то сейчас она колеблется в районе 4 тыс. 200 долларов. Понимаем некую абсурдность такого сравнения, но оно отражает реальную ситуацию в экономике страны. Во-вторых, размеры штрафов в санкциях норм об экономических преступлениях уже давно пора пересмотреть в сторону увеличения. К примеру, несоответствие общественной опасности преступлений против порядка корпоративного управления и размеров штрафов за их совершение – очевидно. Смешно сказать, в ч. 1 ст. 170.1 максимальный штраф предусмотрен в размере 100 тыс. рублей. Как соотносить преступный результат, на который нацелен рейдерский захват, с такой суммой штрафа? Разве что с попыткой захвата места на сельском рынке. Напомним также о том, на что уже неоднократно указывали специалисты: незначительные суммы штрафов в санкциях норм об экономических преступлениях не способствуют практике применения специального освобождения с кратным возмещением ущерба либо дохода [5, с. 90].

На наш взгляд, сумма штрафа, указанная в санкции «экономической» нормы, как минимум, должна быть не менее двукратной суммы ущерба, дохода либо задолженности, закрепленных в диспозиции. В случае отсутствия в диспозиции нормы данных признаков (в нашем случае это нормы ч. 1, 3 ст. 170.1, ч. 3 ст. 185. 2, ч. 1 ст. 185.5 УК) возможна «привязка» суммы штрафа к количественным признакам однородных деяний. В этом случае у виновного лица появляются реальные стимулы к позитивному посткриминальному поведению.

Ссылки

1. Соловьев О. Г. Совершенствование уголовно-правового противодействия экономической преступности: законодательные зигзаги // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 4. С. 86–92.

2. Соловьев О. Г., Князьков А. А. Освобождение от уголовной ответственности по делам об экономических преступлениях: технико-юридические аспекты законодательной и правоприменительной практики. Рязань, 2014. 190 с.

3. Хачатрян А. А. Освобождение от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности: автореф. ... дис. канд. юрид наук. М., 2015. 22 с.

4. Авдеев О. Ю., Соловьев О. Г. Конструирование диспозиции уголовно-правовой нормы: особенности использования приемов законодательной техники // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Вып. 15: Нормы права: теория и практика. Ярославль, 2011. С. 193–199.

5. Соловьев О. Г. Уголовно-правовое регулирование экономической деятельности в Англии: проблемы дифференциации ответственности // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 1. С. 40–49.

А. Л. Санташов

(Вологодский институт права и экономики ФСИН России)

E-mail: santashov@list.ru

И. Л. Зиновьев

(Прокуратура Вашкинского района Вологодской области)

Принудительные работы: некоторые вопросы совершенствования уголовного законодательства и практики его применения

Статья посвящена совершенствованию законодательства, регламентирующего применение уголовного наказания в виде принудительных работ. Анализируются вопросы назначения и исполнения данного вида наказания, реализации институтов условно-досрочного освобождения от его отбывания и замены на иной вид наказания; предлагаются некоторые направления его гуманизации.

Ключевые слова: уголовное наказание, принудительные работы, осужденный, исправительный центр, труд, размер удержаний, освобождение от наказания.

A. L. Santashov

*(The Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service of Russia)*

I. L. Zinoviev

(The prosecutor's office of the Vashkinsky district of the Vologda region)

Forced labor: some questions of perfection of law and law-enforcement practice

The article is devoted to the improvement of the legislation regulating the use of criminal penalties in the form of forced labor. The questions of purpose and execution of this form of punishment, implementing institutions parole from serving and replacement on a different form of punishment as also as suggested some directions of its humanization.

Keywords: criminal punishment, forced labor, convicted, detention center, labor, the size of deductions, exemption from punishment.

Федеральным законом от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные

законодательные акты Российской Федерации» [1] в действующую систему уголовных наказаний включен новый вид наказания – принудительные работы. По замыслу законодателя, они должны были применяться с 1 января 2013 г., но ни к установленной дате, ни к последующему сроку, перенесенному на 1 января 2014 г., принудительные работы действующими не стали. Начало их применения в текущий период установлено с 1 января 2017 г. [2]. В целях обеспечения более эффективного применения данного вида наказания, на наш взгляд, следует скорректировать отдельные нормы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства о его назначении и исполнении, поскольку действующая редакция УК РФ вызывает ряд критических замечаний.

1. Принудительные работы следует рассматривать как уголовное наказание, не связанное с изоляцией осуждённого от общества, заключающееся в содержании осуждённого в исправительном центре, привлечении его к труду в местах, определяемых учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы, и удержании из заработной платы осуждённого от 5 до 20 % сумм в доход государства. Поскольку осуждённый к принудительным работам не вправе отказаться от предложенной ему работы и обязан работать там, куда он направлен администрацией исправительного центра, на наш взгляд, поощрительные нормы, стимулирующие примерное отбывание наказания, необходимо расширить. К таковым может быть в первую очередь отнесена норма, предусматривающая уменьшение размера процентных удержаний из заработка осуждённого. В связи с этим предлагаем дополнить ч. 5 ст. 531 УК РФ положением следующего содержания: «При добросовестном отношении к труду, отсутствии нарушений порядка и условий отбывания наказания суд по ходатайству учреждения или органа, исполняющего наказание в виде принудительных работ, вправе снизить размер удержаний из заработной платы осуждённого».

Предлагаемое дополнение позволит добросовестным осуждённым, не имеющим нарушений, влиять на размер своей заработной платы, часть которой, например, будет направлена на возмещение вреда от преступления, что будет положительно оценено судом при рассмотрении ходатайства осуждённого об условно-досрочном

освобождении от отбывания наказания или о замене принудительных работ более мягким наказанием.

2. Считаем возможным гуманизировать содержание наказания в виде принудительных работ путём изменения требований ч. 7 ст. 53¹ УК РФ, согласно которой принудительные работы не назначаются в том числе лицам, признанным инвалидами I или II группы.

По нашему мнению, при назначении принудительных работ осуждённому, признанному инвалидом III группы, возникнет ряд серьезных проблем. Во-первых, учитывая, что III группа инвалидности «рабочая», суд может назначить принудительные работы, а администрация исправительного центра будет обязана подобрать работу такому осуждённому для отбывания наказания в организациях любой организационно-правовой формы, где нет работы иногда даже для здорового человека. Отказ от работы является злостным нарушением порядка и условий отбывания принудительных работ и влечёт замену неотбытой части наказания лишением свободы. Во-вторых, наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства (ч. 2 ст. 7 УК РФ). В-третьих, Федеральный закон от 15.12.2001 № 166ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» [3] к нетрудоспособным гражданам относит инвалидов всех групп.

Таким образом, назначение принудительных работ инвалидам III группы может негативно повлиять на их правовой статус, не соответствует принципу гуманизма, а также положениям законодательства о государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации.

3. Необходимо отметить, что положение ч. 7 ст. 53¹ УК РФ предусматривает запрет на назначение принудительных работ женщинам, имеющим детей в возрасте до трёх лет, однако законодатель не учитывает тот факт, что единственным родителем детей в возрасте до трёх лет может быть и мужчина. Следуя логике законодателя, направленной на стремление к обеспечению полноценной заботы о здоровье и воспитании детей, не достигших возраста трёх лет, а также на предоставление родителям (матери и отцу) права самим воспитывать своего ребёнка в первые три года его жизни, чтобы он

чувствовал родительскую любовь и внимание, по нашему мнению, необходимо также исключить наказание в виде принудительных работ для мужчин, имеющих детей в возрасте до трёх лет и являющихся единственным родителем. В целях совершенствования законодательства в этом направлении считаем целесообразным ч. 7 ст. 53¹ УК РФ изложить в следующей редакции: «Принудительные работы не назначаются несовершеннолетним, лицам, признанным инвалидами, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до трёх лет, мужчинам, имеющим детей в возрасте до трёх лет и являющимся единственным родителем, женщинам, достигшим пятидесятипятилетнего возраста, мужчинам, достигшим шестидесятилетнего возраста, а также военнослужащим».

Предлагаемые изменения и дополнения позволят суду не назначать наказание в виде принудительных работ инвалидам, а также мужчинам, имеющим детей в возрасте до трёх лет, являющимся единственным родителем. В то же время суд с учётом характера и степени общественной опасности совершённого преступления, личности виновного, в том числе смягчающих и отягчающих обстоятельств, может назначить данным субъектам лишение свободы условно.

4. В соответствии с уголовно-исполнительным законодательством осуждённые к принудительным работам будут отбывать наказание в специальных учреждениях – исправительных центрах, расположенных в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены. При отсутствии на территории субъекта Российской Федерации по месту жительства осуждённого к принудительным работам или по месту его осуждения исправительного центра или невозможности размещения (привлечения к труду) осуждённых в имеющихся исправительных центрах осуждённых будут направлять по согласованию с соответствующими вышестоящими органами управления уголовно-исполнительной системы в исправительные центры, расположенные на территории другого субъекта Российской Федерации, в котором имеются условия для их размещения (привлечения к труду). Таким образом, в самое ближайшее время возникнет проблема с определением осужденным конкретного места отбывания данного вида наказания.

С 1 января 2017 г. открываются четыре исправительных центра: в Приморском крае (г. Уссурийск) на 150 мест, в Ставропольском крае (г. Георгиевск) на 144 места, в Тамбовской области (пос. Зелёный) на 70 мест, в Тюменской области (г. Ишим) на 100 мест. Представляется, что в указанные исправительные центры могут быть направлены осуждённые из приграничных субъектов Российской Федерации: в исправительный центр Приморского края направят осуждённых из Хабаровского края; в Ставропольский край – осуждённых из Республики Адыгея, Республики Дагестан, Республики Ингушетия, Кабардино-Балкарской Республики, Республики Калмыкия, Карачаево-Черкесской Республики, Краснодарского края, Ростовской области; в Тамбовскую область – осуждённых из Воронежской области, Липецкой области, Пензенской области, Саратовской области, Рязанской области; в Тюменскую область – осуждённых из Курганской области, Омской области, Томской области и Свердловской области.

Помимо отдельных исправительных центров, при исправительных учреждениях могут создаваться изолированные участки, функционирующие как исправительный центр (ч. 3 ст. 60¹ УИК РФ). Решение об их создании принимает ФСИН России на основании предложений территориального органа уголовно-исполнительной системы.

Изолированные участки, функционирующие как исправительные центры, с 1 января 2017 г. откроются в Республике Башкортостан при колонии-поселении, в Республике Карелия при ИК общего режима, в Забайкальском крае при ИК общего режима, в Архангельской области при ИК строгого режима, в Самарской области при ИК строгого режима, в Смоленской области при ИК общего режима, в Новосибирской области при ИК строгого режима.

5. Осуждённые могут быть освобождены от отбывания рассматриваемого наказания по основаниям, установленным уголовным законодательством Российской Федерации. Среди возможных оснований следует выделить условно-досрочное освобождение, а также замену принудительных работ более мягким видом наказания.

Условно-досрочное освобождение может быть применено только после фактического отбытия осуждённым:

а) не менее 1/3 срока принудительных работ, назначенных за преступление небольшой или средней тяжести;

б) не менее половины срока принудительных работ, назначенных за тяжкое преступление (ст. 79 УК РФ).

Минимальный срок наказания, который фактически должен отбыть осуждённый к принудительным работам, уголовным законодательством не установлен. В связи с этим предлагаем ч. 4 ст. 79 УК РФ дополнить словами «принудительных работ или», изложив её в следующей редакции: «Фактически отбытый осуждённым срок принудительных работ или лишения свободы не может быть менее шести месяцев». При этом время содержания лица под стражей до вынесения приговора и вступления его в законную силу должно быть засчитано в срок фактического отбытия им принудительных работ.

Лицу, отбывающему принудительные работы, возместившему вред (полностью или частично), причинённый преступлением, суд с учётом его поведения в течение всего периода отбывания наказания может заменить оставшуюся неотбытую часть наказания более мягким видом наказания. При этом лицо может быть полностью или частично освобождено от отбывания дополнительного вида наказания (ст. 80 УК РФ).

Срок наказания, после фактического отбытия которого осуждённый к принудительным работам может рассчитывать на их замену более мягким видом наказания, уголовным законодательством не установлен. В связи с этим предлагаем ч. 2 ст. 80 УК РФ дополнить словами «принудительным работам или», изложив её в следующей редакции: «Неотбытая часть наказания может быть заменена более мягким видом наказания после фактического отбытия осуждённым к принудительным работам или лишению свободы за совершение:

– преступления небольшой или средней тяжести – не менее одной трети срока наказания;

– тяжкого преступления – не менее половины срока наказания;

– особо тяжкого преступления – не менее двух третей срока наказания;

– преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, а также преступлений, предусмотренных статьёй 210 настоящего Кодекса, – не менее трёх четвертей срока наказания;

– преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, – не менее четырёх пятых срока наказания».

Приведённые предложения, на наш взгляд, могут быть использованы в нормотворческой деятельности по совершенствованию законодательства, регламентирующего назначение и исполнение уголовного наказания в виде принудительных работ, а также в последующей правоприменительной практике.

Ссылки

1. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 09 дек.

2. Федеральный закон от 28.12.2013 № 431-ФЗ «О внесении изменения в статью 8 Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации"» // Российская газета. 2013. 30 дек.

3. Федеральный закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // Российская газета. 2001. 20 дек.

Р. Ю. Смирнов

(Ярославский госуниверситет)

E-mail: smirnovroma@mail.ru

О законодательном выражении некоторых признаков тяжкого вреда здоровью

В статье рассматривается вопрос о чрезмерной казуистичности ряда признаков тяжкого вреда здоровью в конструкции уголовно-правовой нормы (ч. 1 ст. 111 УК РФ), которая демонстрирует несовершенство юридической техники и дифференциации ответственности в действующем уголовном праве.

Ключевые слова: вред здоровью, утрата трудоспособности, дифференциация ответственности, расстройство здоровья.

R. U. Smirnov

(Yaroslavl State University)

About legislative aspect of certain signs of grievous bodily harm

The article deals with the question of the excessive casuistry of certain signs of grievous bodily harm in the construction of the criminal law (part 1 of article 111 of the Criminal Code of Russia), which shows the imperfection of legal technics and differentiation of responsibility in the criminal law.

Keywords: personal injury, disability, differentiated responsibility, health disorder.

Практически с начала XX века эволюция нормы уголовного закона, предусматривающей ответственность за причинение (умышленное) тяжкого вреда здоровью, сопровождалась введением в ее состав все новых объективных признаков, которые так или иначе описывали последствия такого деяния. В результате к настоящему времени их количество в диспозиции ч. 1 ст. 111 УК РФ стало явно избыточным. Причем критичность сложившейся

ситуации придает не столько многочисленность этих признаков, сколько их казуистичность, которая вредит дифференциации ответственности в рамках целой группы преступлений.

Большинство признаков тяжкого вреда здоровью подразумевают стойкость и резкую выраженность ограничений жизнедеятельности как последствий посягательств на здоровье человека. Следуя этой «линии», нельзя не обратить критического внимания на такие отмеченные в конструкции ч. 1 ст. 111 УК «болезненные» последствия, как **психическое расстройство, заболевание наркоманией и токсикоманией**.

Понятие «психическое расстройство» является крайне объемным по своему содержанию и, по сути, охватывает всю психическую патологию, в том числе острые расстройства, которые могут быть весьма кратковременными [1, с. 29–30]. Очевидно, что не любые «психические повреждения» справедливо расценивать как тяжкий вред, а только те их виды, которые имеют *хроническое* течение (то есть являются стойкими или вовсе неизлечимыми) и *резко* ограничивают жизнедеятельность человека (в биологической и/или социальной сфере), то есть само по себе возникновение психического расстройства может свидетельствовать лишь о причинении вреда, но не должно предопределять его тяжесть. Последнюю в этих случаях целесообразно градировать исходя из тех же критериев, которые используются в отношении расстройств «телесного здоровья» [2, с. 3–7].

Упущением, на наш взгляд, является также то, что законодатель в ч. 1 ст. 111, наряду с психическим расстройством, упомянул о двух конкретных заболеваниях – *наркомании* и *токсикомании*. Безусловно, эти болезни являются стойкими и резко ухудшающими качество жизни в биологическом и особенно социальном ее аспекте. Однако аналогичные характеристики в не меньшей степени присущи и другим заболеваниям, возникновение которых может быть последствием деструктивного воздействия на организм человека. Кроме того, в соответствии с современными положениями медицины и наркомания, и токсикомания являются разновидностями психических расстройств [3]. Учитывая все многообразие подобных болезненных состояний, представляется нецелесообразным ограничивать сферу применения нормы чрезмерно конкретными формули-

ровками объективных признаков [4, с. 8]. Состав ч. 1 ст. 111 должен предусматривать наказуемость любого умышленного воздействия на человека, последствием которого явилась *тяжелая* (то есть выражающаяся в резких биосоциальных ограничениях) *стойкая* патология (повреждение, заболевание, патологическое состояние или процесс)¹.

Такие обусловленные воздействием на здоровье человека последствия, как **неизгладимое обезображивание лица и полная утрата профессиональной трудоспособности**, безусловно, соответствуют характеру общественной опасности преступлений, охватываемых ч. 1 ст. 111 УК. Они предполагают стойкость причиненного расстройства здоровья и значительную степень ухудшения социальной приспособленности пострадавшего. Тем не менее с позиций дифференциации ответственности выражение соответствующих признаков также можно подвергнуть некоторой критике. Так, неизгладимое обезображивание лица предполагает локализацию повреждения в четко определенной области (ограниченной краем волосистого покрова головы в норме, краем основания ушной раковины (включая ушные раковины), краем ветви нижней челюсти, углом и нижним краем тела нижней челюсти [5]), то есть неизгладимое повреждение смежных с лицом участков (волосистой части головы или шеи), а тем более конечностей или туловища, которые могут резко ухудшить «эстетику» тела человека, уже не подпадает под отмеченный выше признак и может быть расценено в том числе как легкий вред. На несправедливость такого положения указывали многие авторы [6, с. 24].

Представляется, что подобное чисто анатомическое ограничение содержания признака, имеющего в основном социальную (эстетическую) сущность, не идет на пользу дифференциации от-

---

¹ ТВ качестве ориентира для отнесения, например, заболевания к категории тяжелых хронических можно использовать перечень так называемых «социально-значимых» заболеваний (Постановление Правительства РФ от 01.12.2004 № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» // СЗ РФ. 2004. № 49, ст. 4916), целый ряд которых смело можно приравнять к иным признакам тяжкого вреда здоровью в силу биосоциальной их тяжести.

ветственности. Выход из этой ситуации нам видится в том, чтобы в ч. 1 ст. 111 говорилось о неизгладимом обезображивании *облика*². Тогда установление одного из эстетических компонентов данного признака (предмета обезображения) удалось бы полностью вывести из компетенции врачей, которым тогда надлежало бы устанавливать только неизгладимость.

Критическое с позиций дифференциации замечание можно высказать и в отношении такого признака вреда здоровью, как **полная утрата профессиональной трудоспособности**. Очевидно, что помимо полной возможна (и даже более реальна) частичная утрата (то есть ограничение) профессиональных качеств пострадавшего. Однако меру (объем) такого ограничения невозможно адекватно учесть в рамках существующих в уголовном законе признаков вреда здоровью³. Для устранения имеющегося сбоя в дифференциации необходимо изменение конструкции норм ст. 111, 112 и 115 и дополнение Медицинских критериев положениями, которые обязывали бы в случаях причинения невосстановимого повреждения устанавливать степень утраты и общей, и профессиональной трудоспособности (посредством медико-социальной экспертизы).

Обращает на себя внимание также признак **стойкой утраты общей трудоспособности**. Существующее его наименование позволяет думать о существовании «экономического» подхода (критерия) к оценке причиненного расстройства здоровья.

В соответствии с п. 2.1 ныне утратившего силу постановления Правительства РФ «Об утверждении Положения о порядке установления врачом-травмотологом степени тяжести повреждения здоровья»

---

² Это синоним таких категорий, как «внешний вид», «наружность» (см.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 421).

³ Кстати, в п. 6.12 Медицинских критериев уже имеется соответствующая посылка в виде указания на то, что «степень утраты профессиональной трудоспособности определяется в соответствии с Правилами установления степени утраты профессиональной трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 октября 2000 г. № 789 (Собрание законодательства Российской Федерации, 2000, № 43, ст. 4247)».

утраты профессиональной трудоспособности в процентах работникам, получившим увечье, профессиональное заболевание либо иное повреждение здоровья, связанные с исполнением ими трудовых обязанностей» от 29.04.1994 г. № 392, трудоспособность – это «совокупность врожденных и приобретенных способностей человека к действию, направленному на получение социально значимого результата в виде определенного продукта, изделия или услуги», то есть трудоспособность – это вид способности к деятельности, имеющей определенную социально-экономическую направленность (цель).

В Медицинских критериях (в п. 20) указывается, что «стойкая утрата общей трудоспособности заключается в необратимой утрате функций в виде ограничения жизнедеятельности (потеря врожденных и приобретенных способностей человека к самообслуживанию) и трудоспособности человека независимо от его квалификации и профессии (специальности) (потеря врожденных и приобретенных способностей человека к действию, направленному на получение социально значимого результата в виде определенного продукта, изделия или услуги)». Получается, что с судебно-медицинских позиций общая трудоспособность является уже более широким понятием, выходящим за рамки своего «родового» признака, поскольку ограничение жизнедеятельности не исчерпывается лишь ограничением трудоспособности, а самообслуживание явно не имеет экономической направленности.

В соответствии с п. 6.12. Медицинских критериев, профессиональная трудоспособность есть возможность выполнения «определенного объема и качества работы по конкретной профессии (специальности), по которой осуществляется основная трудовая деятельность». Очевидно, что, в отличие от общей, профессиональная трудоспособность обладает всеми признаками своего родового понятия, но ограничена дополнительно тем или иным видом профессиональной деятельности.

Таким образом, уже в первом приближении видно, что современная трактовка общей трудоспособности логически некорректна и в существующем виде плохо подходит на роль признака вреда здоровью (и одного из аспектов оценки его тяжести). В том числе по этой причине мыслится целесообразной замена данного терми-

на на формулировку более широкого содержания, охватывающего любые, обусловленные стойким расстройством здоровья, ограничения жизнедеятельности.

Для того чтобы уяснить характер обстоятельств, которые реально охватываются понятием стойкой утраты общей трудоспособности, обратимся к Медицинским критериям, а именно к Таблице процентов стойкой утраты общей трудоспособности в результате различных травм, отравлений и других последствий воздействия внешних причин. Даже беглый взгляд на эту таблицу позволяет убедиться, что большое количество отмеченных в ней «утрат» не имеют отношения ни к трудоспособности, ни к способности к самообслуживанию, ни даже к способности к действию. Это, например, такие последствия, как: отсутствие части ушной раковины, кончика или крыла носа, перелом коронки или потеря 2-3 зубов, удаление желчного пузыря и др., то есть, по сути, в таблице речь идет о различной степени ограничения «телесных способностей» [10] человека, отражающих тяжесть вреда в основном с биологической позиции. Такие способности, с одной стороны, не всегда имеют четко выраженную социальную значимость, с другой – их во многих случаях весьма условно можно связать с физиологическими функциями органов или систем организма человека.

С учетом сказанного представляется целесообразным отказаться от существующего в уголовном законе признака утраты общей трудоспособности, охватив его более широкой категорией, которая позволит отражать уголовно-правовую сущность вреда здоровью и объединить все основные аспекты оценки его тяжести [11]. По нашему мнению, наиболее удачно для этого подходит понятие «ограничение жизнедеятельности», в котором выражается и утрата трудоспособности. Это тем более актуально в связи с тем, что число существующих ныне признаков тяжкого вреда здоровью перегружает диспозицию ч. 1 ст. 111 УК, хотя большинство из них фактически охватывается понятием стойкой утраты общей трудоспособности. Так, например, **потеря зрения** (на оба глаза) в соответствии с п. 21 этой таблицы расценивается как 100 % утрата общей трудоспособности, то есть как тяжкий вред. Полная глухота как **утрата слуха** на оба уха в соответствии с таблицей считается утратой не менее чем 50 % общей трудоспособности. И далее:

афония (потеря голоса) – 60 % (п. 37), **потеря речи** как последствие черепно-мозговой травмы – 100 % (п. 1) и т. д. Аналогичным образом трактуются таблицей анатомические и функциональные **утраты** различных (конкретных) **органов** и частей тела.

С учетом высказанных замечаний всю совокупность признаков, охватывающих потерю зрения, речи, слуха либо какого-либо органа или утрату органом его функций, психическое расстройство, заболевание наркоманией либо токсикоманией, значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть или заведомо для виновного полную утрату профессиональной трудоспособности предлагается в диспозиции ч. 1 ст. 111 УК заменить на признак *«стойкого ограничения жизнедеятельности не менее чем на одну треть»*.

Ссылки

1. Калинин Ю. П. Оценка психических расстройств (душевной болезни) как квалифицирующего признака тяжести телесных повреждений // Судебно-медицинская экспертиза. 1996. № 2. С. 29–33.

2. О необходимости разработки специального перечня медицинских критериев к квалифицирующему признаку «психическое расстройство» / В. А. Клевно, А. А. Ткаченко, Е. Ю. Яковлева, А. М. Аккалаев // Судебно-медицинская экспертиза. 2008. № 6. С. 3–7.

3. Международная классификация болезней (МКБ-10). URL: <http://mkb-10.com/index.php?pid=4048> (дата обращения: 22.02.2017);

4. Векленко В., Галюкова М. Уголовно-правовой анализ понятия «вред здоровью» // Уголовное право. 2007. № 1. С. 6–9.

5. Примечание к п. 61 Таблицы процентов стойкой утраты общей трудоспособности Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека (утв. приказом Минздравсоцразвития России от 24.04.2008 №194н // СПС «КонсультантПлюс».

6. Поликарпова И. В. Уголовная политика России в отношении посягательств на здоровье и ее влияние на квалификацию преступлений: На примере ответственности за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. 29 с.

О. Г. Соловьев

(Ярославский госуниверситет)

E-mail: olegsol1961@yandex.ru

Особенности построения диспозиций норм об имущественных и экономических преступлениях в законодательстве некоторых зарубежных стран

В статье анализируются содержательные аспекты процесса построения конструкций имущественных и экономических преступлений в уголовном праве некоторых зарубежных стран, исследуются особенности казуистического метода в регламентации норм уголовно-экономического законодательства.

Ключевые слова: имущественные преступления, экономические преступления, зарубежное право, законодательная техника, правотворчество, состав преступления, абстрактный, казуистический, законодательные приемы.

O. G. Solovyov

(Yaroslavl State University)

Features of creation of dispositions of regulations about property and economic crimes in the legislation of some foreign countries

In the article substantial aspects of process of creation of designs of property and economic crimes in criminal law of some foreign countries are analyzed, features of a casuistic method in a regulation of standards of the rules of the criminal economic law are investigated.

Keywords: property crimes, economic crimes, foreign law, legislative technique, law-making, corpus delicti, abstract, casuistic, legislative methods.

Отметим, что значительная часть «экономических и имущественных» норм зарубежного уголовного права традиционно конструируется с преобладанием казуистического приема. Действи-

---

* Статья выполнена в рамках проекта РГНФ № 17-03-00682.

тельно, казуистичное построение экономического уголовного законодательства, характерное для стран общего права, присутствует и во многих странах с континентально-правовой системой (Германия, Франция и др.), к которой относится и Россия [1, с. 65; 2, с. 34]. Во-первых, многие современные законодательные запреты в зарубежном праве исторически связаны с архаичными громоздкими положениями феодального и раннебуржуазного уголовного права. Во-вторых, как и в России, казуистичность уголовно-экономического законодательства во многом проистекает вследствие большой подвижности, динамичности, сложности и противоречивости имущественных и экономических отношений. Более устойчивая и менее связанная с иноотраслевым законодательством техника описания, к примеру преступлений против личности в европейском праве, использует в большей степени абстрактные приемы, делает такие нормы более упорядоченными, логичными и унифицированными.

Применение казуистичного приема в технике закрепления имущественных и экономических преступных посягательств в законодательстве европейских стран можно условно разделить на два вида: 1) признаки состава преступления достаточно детально и подробно регламентируются в рамках одной нормы (статьи); 2) признаки состава преступления необоснованно дробятся и закрепляются как однородные деяния в разных статьях УК в границах раздела или главы. В случае отсутствия в стране кодифицированного уголовного законодательства (например, в Англии), к указанной схеме добавляются еще три варианта: 1) признаки состава дробятся и закрепляются как однородные деяния в разных статьях определенной части (раздела) конкретного межотраслевого нормативного акта; 2) признаки деяния дробятся и закрепляются в нескольких частях (разделах) межотраслевого нормативного акта; 3) признаки деяния дробятся и закрепляются в разных отраслевых нормативных актах. При этом выделение однородных составов может осуществляться по признаку предмета, характера действия, способа посягательства и т. д. Очень часто в законе необоснованно криминализуются в качестве самостоятельного состава неоконченное преступление и действия соучастников [3, с. 17].

Примером использования казуистического приема первого вида могут служить достаточно громоздкие диспозиции норм об экономических преступлениях, емкость которых превышает 120–150 слов. К примеру, в настоящее время в гл. 22 УК РФ средний уровень объема нормативного материала диспозиции составляет 56 слов (32 – на момент принятия УК). Заметим, что в отечественном уголовном законе в последние годы появилось несколько излишне казуистичных уголовно-правовых запретов, превышающих 130 слов. Например, ст. 172¹ «Фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации» (130 слов), ст. 193 «Уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации» (163 слова), 2) ст. 185⁵ «Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества» (247 слов). Очевидна тенденция последнего десятилетия на усложнение, «утяжеление» диспозиций норм главы 22 УК РФ. Впрочем, «ползучая казуистификация» проникает и в нормы других глав УК РФ. Это касается, например, ст. 141¹ «Нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума» (249 слов), 142¹ «Фальсификация итогов голосования» (142 слова).

Если вернуться к зарубежному уголовному праву, излишне казуистичными уголовно-экономическими диспозициями являются, например: § 283 УК ФРГ «Банкротство» (302 слова), § 264 УК ФРГ «Получение субсидий мошенническим путем» (420 слов), § 283 УК Дании «Стяжательские преступления» (165 слов), ст. 225 УК Республики Болгария «Злоупотребление ценами» (190 слов), ст. 407 УК Республики Болгарии «Нарушение таможенного режима» (405 слов), ст. 299 УК Республики Польша «Легализация денежных средств и имущества» (420 слов), ст. 161 УК Швейцарии «Использование знаний, происходящих из доверенных сведений», предусматривающая ответственность за незаконное использование инсайдерской информации (204 слова).

В английском уголовном праве примером первой разновидности может служить редакции ст. 177 Закона «О финансовых услугах и рынках» 2000 года (Financial Services and Markets Act 2000) [4]. Для описания признаков преступления, предусматривающего ответственность субъектов финансового рынка за фальсификацию, сокрытие, уничтожение или иное незаконное распоряжение официальными документами, а также за предоставление информации, которая является ложной или вводящей заблуждение, законодатель использует 171 слово.

Казуистичная обрисовка может касаться как всех признаков состава, так и его отдельных элементов. Ярким примером архаично-казуистичного описания предмета преступления является ст. 314 УК Голландии, которая в качестве специального предмета хищения предусматривает «... глину, гудрон, неразрезанный торф, песок, землю, гравий, бут, навоз, дернину, дерн, вереск, песчаный тростник, морские водоросли, тростник, камыш, мох, необработанный и невывезенный молодой лес или сухостой, несобранные плоды или листья или плоды или листья, опавшие с деревьев, траву на полях, хлеб на корню или плоды в поле, оставшиеся после сбора урожая, принадлежащие целиком или частично другому лицу...».

Еще более громоздкой выглядит редакция ст. 5 (Преступления, связанные с денежными переводами, ценных бумаг, паспортов и т. д.) английского закона о фальшивомонетничестве и подделках 1981 года [5]. Емкость диспозиции данной нормы достаточно внушительна и составляет 280 слов. Ее казуистичность проявляется уже в названии, в котором используется лингвистическое сокращение «etc.» (сокращение от латинского выражения *et cetera*), означающее в данном контексте «и так далее», «и тому подобное». Использование такого лингвистического приема вызвано большим количеством упомянутых в статье предметов, которые подвергаются подделке и незаконно используются в обороте. Перечень таких предметов считаем необходимым привести полностью: (a) платежные поручения; (b) почтовые переводы; (c) печати Соединенного Королевства; (d) печати внутренних ведомств; (e) акции; (f) паспорта и документы, которые могут быть использованы вместо паспортов; (g) чеки; (h) дорожные чеки; (j) чековые книжки; (k) кредитные карты; (l) заверенные копии, связанные с записью в реестре

рождений, усыновлений, браков или смерти, выданные Генеральной регистратурой Северной Ирландии; (m) сертификаты, связанные с записями в таких регистрах.

Отметим, что английский законодатель не утруждает себя обязанностью каким-то образом экономить законодательный материал, не пытается как-то унифицировать перечень предметов, структурировать их в группы (например, ценные бумаги, платежные документы, платежные инструменты и проч.) [6, с. 314]. В отечественном уголовном праве в недалеком прошлом за излишне детализированный перечень предметов, незаконно перемещаемых через таможенную границу, жесточайшей критике специалистами подвергалась ранее упомянутая ч. 2 ст. 188 УК РФ. Заметим, что в новых нормативных вариантах, «отпочковавшихся» от ст. 188 – ст. 226.1 «Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов», 229.1 «Контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ», – описание предметов контрабанды не стало менее казуистичным. Мы не случайно приводим чрезвычайно громоздкие названия статей полностью, поскольку это также является проявлением ненужной казуистики и серьезным сбоем законодательной техники.

Другим вариантом казуистичного описания экономических преступлений в зарубежном законодательстве, как мы уже говорили, является необоснованное дробление признаков состава пре-

ступления и закрепление дифференцированных однородных деяний в разных статьях уголовного закона либо иного отраслевого нормативного акта. В качестве примера приведем регламентацию уголовной ответственности за фальшивомонетничество. В УК РФ ответственность за подобное деяние предусмотрена ст. 186, емкость диспозиции которой составляет 72 слова. Приготовительные действия, покушение и соучастие, связанные с этим посягательством, регулируются нормами Общей части УК.

Напротив, в УК Голландии фальшивомонетничеству посвящен целый раздел X «Подделка и фальсификация монет, государственных ценных бумаг и банкнот», который включает в себя шесть статей: ст. 208 – 211, 213, 214. Голландский законодатель разделяет ответственность за 1) подделку и фальсификацию, 2) сбыт, 3) хранение, 4) ввоз на европейскую часть Королевства монет, ценных бумаг и банкнот. Отдельно прописана ответственность лица, «которое изготавливает или имеет в своем распоряжении материалы или предметы, которые, как он знает, предназначены для подделки, фальсификации или обрезания края монет или подделки или фальсификации государственных ценных бумаг или банкнот ...» (ст. 214). Подобные действия по УК РФ будут являться применительно к фальшивомонетничеству либо приготовлением, либо пособничеством.

В УК Швейцарии нормы о фальшивомонетничестве также расположены в десятом разделе и закреплены в шести статьях: 240–244, 247. Ответственность дифференцирована на несколько видов преступных действий: 1) подделку, 2) фальсификацию, 3) ввод в обращение, 4) ввоз, приобретение, складирование. В ст. 247 «Аппараты для подделки; незаконное использование аппаратов» предусмотрена ответственность за изготовление или приобретение аппаратов «для подделки и фальсификации металлической монеты, бумажных денег, банкнот или служебных знаков оплаты...», которая в отечественном уголовном законе понимается как приготовление или пособничество. Интересно, что в этой же норме закреплен запрет на незаконное использование аппаратов, «с помощью которых производятся металлическая монета, бумажные деньги, банкноты...». В этой ситуации возникает вопрос о конкуренции норм, закрепленных в ст. 240 и 247, в случае если лицо подделывает деньги с использованием специальной аппаратуры.

В английском законодательстве примером второй разновидности статутной казуистики может служить техника регламентации уголовной ответственности за незаконную инсайдерскую деятельность в части V Акта об уголовном правосудии 1993 года [7] (Criminal Justice Act 1993). В этом случае описание признаков одного состава преступления «разлито» в трех статьях данного Акта. Так, в ст. 52 законодатель описывает виды преступной инсайдерской деятельности и относит к ней: «... использование лицом, являющимся инсайдером, информации, которой он обладает: а) осуществление сделок с ценными бумагами, на стоимость которых влияет эта информация; б) для оказания помощи другому лицу при осуществлении сделок с ценными бумагами, на стоимость которых влияет эта информация (независимо от того, знает об этом другое лицо или нет); в) при раскрытии информации другому лицу иначе, чем способом, предусмотренным его функциями как служащего, его должностью или профессией».

В ст. 56 раскрывается понятие инсайдерской (внутренней) информации, как информации, «которая относится к определенным ценным бумагам, или к определенным эмитентам ценных бумаг; является конкретной и точной; не обнародована; и – если бы она стала доступной для общественности, – это, вероятно, существенно повлияло бы на цену каких-либо ценных бумаг». Признаки субъекта, раскрытые в ст. 57 Акта об уголовном правосудии, предусматривают, что «лицо, имеющее внутреннюю информацию, признается инсайдером только тогда, когда: а) имеет доступ к информации с использованием служебного положения, профессии или должности; б) получает информацию, будучи директором, служащим или акционером эмитента ценных бумаг». Таким образом, всего для описания признаков состава преступления было использовано 168 слов.

По итогам настоящего анализа можно сделать вывод, что многие нормы зарубежного уголовно-экономического законодательства сконструированы излишне казуистично. Законодатель использует абстрактный метод достаточно редко. Это обстоятельство не способствует экономии нормативного материала, делает многие уголовно-правовые предписания громоздкими и сложными для восприятия и толкования.

Ссылки

1. Иванчин А. В., Грибов А. С. О германском опыте конструирования составов экономических преступлений // Юридический мир. 2009. № 1. С. 63–67.
2. Раменский М. И. Развитие уголовного права стран Западной Европы в современных условиях // Следователь. 2006. № 3. С. 33–38.
3. Гешелин М. И. Законодательная техника и дифференциация ответственности за экономические преступления по уголовному законодательству России и Англии (сравнительно-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. 19 с.
4. Financial Services and Markets Act 2000. URL: <http://legislation.gov.uk> (дата обращения: 20.02.2017).
5. Forgery and Counterfeiting Act 1981. URL: <http://legislation.gov.uk> (дата обращения: 20.02.2017).
6. Гешелин М. И. Особенности техники конструирования норм об экономических преступлениях и средств дифференциации в уголовном праве Англии // Наука и современность. 2010. № 4-2. С. 314–318.
7. Criminal Justice Act 1993. URL: <http://legislation.gov.uk> (дата обращения: 20.02.2017).

О. Е. Спиридонова

(Ярославский госуниверситет)

E-mail: oe_spiridonova@mail.ru

**О четкости признаков
реабилитации нацизма (ч. 3 ст. 354¹ УК РФ)
в контексте практики их применения**

В статье рассматривается вопрос о влиянии неопределенности признаков реабилитации нацизма в конструкции уголовно-правовой нормы (ч. 3 ст. 354¹ УК РФ) на практику применения последней.

Ключевые слова: четкость, определенность, символ воинской славы России, Георгиевская лента, дни воинской славы России, публичность.

О. Е. Spiridonova

(Yaroslavl State University)

**The definition of the signs
of the rehabilitation of Nazism (part 3 of article 354¹
of the criminal code of Russia)
in the context of their practical application**

The article discusses the impact of the uncertainty of the signs of the rehabilitation of Nazism in the construction of criminal law (part 3 of article 354¹ of the criminal code of Russia) in the practice of its enforcement.

Keywords: clarity, certainty, the symbol of military glory of Russia, St. George ribbon, the days of military glory of Russia, publicity.

Только законодателю должно принадлежать право строить и закреплять в уголовно-правовой норме законодательную модель преступления, т. е. конструировать состав преступления. Знание, выяснение, установление наличия, толкование всех признаков состава преступления являются необходимой предпосылкой для производства квалификации преступления [1]. От того, насколько ювелирно будет проведена эта работа, зависит, с одной стороны,

качество уголовного закона, а с другой стороны, практика его применения. Так, в мае 2014 года в УК РФ введена ответственность за публичное распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, и осквернение символов воинской славы России (ч. 3 ст. 354¹). Такой шаг был «направлен на противодействие попыткам посягательства на историческую память в отношении событий, имевших место в период Второй мировой войны» [2].

Начала формироваться первая правоприменительная практика по данным фактам. Так, «приговором Красноярского краевого суда от 25.03.2016 г., вынесенным в особом порядке, осужден гр. Н. за совершение преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 354¹, ч.1 ст. 282 УК РФ. В частности, было доказано, что 08.05.2015 г. осужденный, используя персональный компьютер, на своей персональной общедоступной странице в социальной сети Интернет «ВКонтакте» разместил для публичного просмотра и копирования изображение телогрейки и изображение георгиевской ленты из чередующихся черных и оранжевых полос, сопроводив негативными выражениями. Текстовый комментарий содержал ненормативную лексику и выражения негативного отношения к георгиевской ленте как к символу воинской славы России (символу Победы в Великой Отечественной войне). По совокупности преступлений Н. назначено наказание в виде 10 месяцев исправительных работ с удержанием в доход государства 10 %» [3].

Попробуем разобраться на этом примере, какова степень определенности признаков, изложенных в ч. 3 ст. 354¹ УК, и как их законодательная обрисовка влияет на практику применения данной уголовно-правовой нормы и качество УК в целом. Ведь «уголовное законодательство является по своей природе крайним (исключительным) средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений...; в силу этого любое преступление, а равно наказание за его совершение должны быть четко определены в законе...» [4].

Вначале обратимся к формулировке предмета преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 354¹ УК – «символы воинской славы России». Он определен законодателем с использованием нескольких

слов: «символы» + «воинская» + «слава» + «Россия». С точки зрения языка закона такой подход допустим, и подобные словосочетания употребляются в нормативных актах для выражения сложных понятий, каждому из которых соответствует свой термин. И благодаря системной связи этих терминов в них содержится или в ходе анализа может быть выделена внутренняя информация, позволяющая объединить термины в группы по общему для них признаку [5]. В нашем случае объединяющий признак – прославление мужества воинов России, их боевой доблести, героизма; а с уголовно-правовой позиции – принадлежность к предмету преступления.

На первый взгляд все ясно: исследуемое словосочетание использовано в УК РФ в своем прямом значении, терминология проста и доступна в понимании. Но насколько понятен механизм такого уголовно-правового регулирования для субъектов соответствующих правоотношений? Почему правоприменитель усмотрел в георгиевской ленте: а) символ; б) воинской славы; в) России?

Как ранее было отмечено, ст. 354¹ УК принята в целях противодействия попыткам посягательства на историческую память в отношении событий, имевших место в период Второй мировой войны. Но тогда не совсем понятно, почему в указанной части статьи говорится о символах России? Мы допускаем мысль, что это сделано по причине того, что Россия – правопреемница СССР. Но системный анализ положений УК РФ (ст.186, 324, 327, 329), где дается описание предмета преступления с использованием термина «Российская Федерация» (что равнозначно наименованию «Россия» – п. 1 ст. 1 Конституции РФ), приводит нас к другому выводу: термин «Россия» имеет в них буквальный смысл.

Далее следует обратиться к роли георгиевской ленты в Российской империи и СССР. В Российской империи она имела наименование «Георгиевская лента», учреждена была вместе с орденом Святого Георгия Екатериной II в 1769 г. для поощрения верности, храбрости и благоразумия во благо Российской империи, проявленных в мужественных поступках или мудрых советах. Использовалась также как элемент Георгиевских знамен, ее носили матросы Гвардейского экипажа русской императорской гвардии и матросы кораблей, награжденных Георгиевским флагом [6]. В наградной системе СССР использовалась Гвардейская лента, украшавшая

колонки «Ордена Славы» – военного ордена СССР, учрежденного Указом Президиума Верховного Совета СССР в 1943 г. (им награждали за личный подвиг на поле боя), и медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», учрежденной Указом Президиума Верховного Совета СССР 9 мая 1945 г. (медалью награждались военнослужащие, принимавшие непосредственное участие на фронтах войны) [7]. А гвардейским частям СССР вручались боевые знамена с прикрепленной к ним гвардейской лентой. На гвардейском Военно-морском флаге СССР также была изображена гвардейская лента [8].

На основе приведенного материала мы можем заключить, что Георгиевская лента была включена в наградную систему Российской империи и СССР как часть боевых наград.

В том же качестве она используется и в современной России. Так, согласно п. 4 Положения о порядке вручения Боевого знамени воинской части, «при присвоении воинской части наименования «гвардейская» ей вручаются георгиевские знаменные ленты и наверхие. Боевое знамя с георгиевскими знаменными лентами и наверхием именуется «Георгиевское знамя» и является высшим знаком отличия воинской части». В свою очередь «Боевое знамя воинской части, вручаемое воинской части, является официальным символом и воинской реликвией воинской части, олицетворяет ее честь, доблесть, славу и боевые традиции...» (п. 2 Положения) [9].

Георгиевская лента является и частью государственной награды РФ как символа выдающихся заслуг перед Отечеством – ордена Святого Георгия, которым награждаются военнослужащие из числа высшего и старшего офицерского состава за проведение боевых и иных операций, ставшие образцом военного искусства, подвиги которых служат примером доблести и отваги... . Орденом Святого Георгия IV степени могут быть награждены и младшие офицеры, проявившие в ходе боевых действий по защите Отечества личную отвагу, мужество и храбрость, а также высокое воинское мастерство, обеспечившие победу в бою (см. подробнее п.1 статута ордена Святого Георгия) [10].

Отсюда получается, что по мысли правотворца георгиевская лента есть атрибут символов воинской славы России, которому

не придана роль самостоятельного правового символа, т. е. вне их она не имеет «окраски» правового символа.

Таким образом, сопоставляя анализируемый пример из судебной практики с положениями УК (ч. 3 ст. 354¹), мы фиксируем неопределенность уголовно-правового регулирования: предмет уголовно-правовой охраны обозначен четко в законе («символы воинской славы России»), а его смысловое содержание неясно. Вот и вынужден правоприменитель теряться в догадках: считать ли георгиевскую ленточку предметом рассматриваемого преступления или нет?

В то же время идея, заложенная в цветовой гамме георгиевской ленты, позволяет, на наш взгляд, признать ее социальным символом, т. к. традиционно черный цвет ленты ассоциируют с дымом, порохом, а оранжевый – с огнем, пламенем. И с учетом того, что Георгиевская лента была учреждена во время русско-турецкой войны 1768–1774 годов [6] и в последующем использовалась как элемент государственных наград, вручаемых по случаю военных подвигов, и боевых знамен, можно утверждать, что она символизирует мужество и храбрость, проявленные в бою, а значит, и воинскую славу. Однако не сама по себе, а в контексте официальных символов воинской славы («Георгиевского знамени» и некоторых государственных наград), являясь их составной частью. Поскольку последние находятся в правовом поле, то и она приобретает правовую окраску. Это означает, что на нормативном уровне устанавливаются основания и порядок использования георгиевской ленты (официально она может быть расположена только на планках отдельных государственных наград или на боевом знамени воинской части, которой присвоено наименование «гвардейская», т. е. помимо награжденных ее никто не может использовать). Остальные случаи ее использования можно расценивать, с нашей точки зрения, как имитацию изображения данного атрибута. А имитация изображения не является, по нашему мнению, правовым символом или его частью.

Придать статус самостоятельного символа попытались в ходе проведения акции «Георгиевская ленточка», целью которой было создать символ праздника – Дня Победы. В соответствии с Кодексом «Георгиевской ленточки» она служит символом

памяти павшим на поле боя, выражает уважение к ветеранам, символизирует благодарность людям, отдавшим все для фронта, и всем тем, благодаря кому мы победили в 1945 году. «Георгиевская ленточка» не является геральдическим символом, это символическая лента, реплика традиционного биколора георгиевской ленты. Это символ, а не награда (п. 2–5 Кодекса) [11].

Исходя из сделанных ранее нами выводов следует, что *изображение* георгиевской ленты (но не сама георгиевская лента), «Георгиевская ленточка» могут претендовать лишь на статус социального символа. И каждый из этих символов может иметь свои значения. Но быть символом воинской славы в контексте ч. 3 ст. 354¹ УК – нет. Сказанное подтверждается и формулировками из заключения комиссионной психолого-лингвистической экспертизы по анализируемому уголовному делу, где оговаривается, что «... в *изображении* георгиевской ленты содержатся признаки унижения человеческого достоинства ветеранов Великой Отечественной войны, а также *иных лиц, использующих георгиевскую ленту как символ* (курсив наш. – О. С.) победы в Великой Отечественной войне ...» [12].

Поэтому полагаем, что квалификация деяния по ч. 3 ст. 354¹ УК произведена ошибочно. Причина этой ошибки, на наш взгляд, кроется в том, что содержание понятия «символы воинской славы России» нормативно не определено и имеет собирательный характер. И о символичности георгиевской ленты можно только догадываться, поэтому о конкретности, ясности уголовно-правового предписания сложно вести речь. А ведь «требование определенности соответствующего правового регулирования, заключающейся в конкретности, ясности и недвусмысленности нормативных установлений, ... призвано обеспечить лицу, на которое законом возлагается та или иная обязанность, реальную возможность предвидеть в разумных пределах последствия своего поведения в конкретных обстоятельствах» [13].

На этой основе логично бы изначально привлекать гр-на Н. к ответственности не по ч. 3 ст. 354¹ УК, а по п. «б» ч. 2 ст. 213 УК, поскольку здесь можно наблюдать явное неуважение Н. к обществу, «умышленное нарушение общепризнанных норм и правил поведения» [14], выразившееся в размещении в социальной сети

«Интернет» «ВКонтакте» изображения георгиевской ленты с комментариями, содержащими ненормативную лексику и выражения негативного отношения к этому символу. Да и уголовное наказание за такое деяние строже, чем за преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 354¹ УК. (Это еще один недостаток, но уже конструкции санкции нормы ч. 3 ст. 354¹ УК и самостоятельный предмет разговора).

Есть и еще один момент, касающийся оценки определенности предписаний, закрепленных в ч. 3 ст. 354¹ УК, на который бы хотелось обратить внимание. В частности, речь пойдет о способе распространения выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества (такие дни и даты, в отличие от символов воинской славы, зафиксированы в Федеральном законе от 13 марта 1995 г. N 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России») [15]. Как указано в уголовном законе, деяние должно быть совершено публично. Помня о том, что в «правоприменительной деятельности требование формальной определенности закона предполагает точность и ясность законодательных предписаний» [17], обратимся к анализу данных составляющих применительно к признаку «публичности» в контексте исследуемой нормы. При этом учтем, что «точность характеризует результат нормотворческой деятельности, а ясность определяет восприятие нормативного текста реципиентами» [16].

Начнем с того, что ч.1 ст. 354¹ УК «Реабилитация нацизма» содержит в своем составе также признак публичности, а в ч. 2 квалифицированный состав формулируется с использованием оборота «те же деяния, совершенные ... с использованием средств массовой информации» (далее – СМИ), т. е. совершенные публично с использованием СМИ. Отсюда следует, что один из вариантов публичности – это распространение соответствующих сведений в СМИ. Но дальше, основываясь на системном анализе рассматриваемого признака в других статьях УК, мы встречаем больше интересного и непонятного. Так, та же «публичность», но уже применительно к составу «Возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства» (ч. 1 ст. 282 УК) преподносится в альтернативе со СМИ и информационно-телекоммуникационными сетями, в т. ч. сетью «Интернет» (далее – ИТС),

т. е. последние два варианта не являются частью публичности по мысли законодателя («действия, направленные на возбуждение ..., совершенные *публично или с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»*)» (курсив наш. – О. С.). В составе преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 280 УК «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», – обратная ситуация. А в ч. 2 ст. 280¹ УК «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации» появляется расширенная версия признака «публичность» по сравнению с ранее изложенными, в т. ч. в ч. 2 ст. 354¹ УК: «с использованием СМИ либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»».

Несмотря на то что в Примечании 1 к ст. 205² УК устанавливается, что такое публичное оправдание терроризма, по-прежнему не дается расшифровки содержания «публичность». В итоге получается, что законодатель не до конца определился в соотношении понятий «публичность» и «распространение сведений в СМИ, в ИТС» и т. п. Следовательно, в этой части мы столкнулись с неточностью мысли законодателя, что порождает вопросы и при толковании публичности применительно к ч. 3 ст. 354¹ УК. А ... «недостаточная точность нередко порождает мнимую ясность» [16].

Для устранения данного недостатка мы обращаемся к разъяснениям исследуемого термина, данным судебной практикой. Так, согласно постановлению Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (в ред. от 03.11.2016 г.) [17] публичность характеризуется через, например, «распространение обращений путем массовой рассылки сообщений абонентам мобильной связи (п.4)»; «выступления на собраниях, митингах; распространение листовок, плакатов; размещение соответствующей информации в журналах, брошюрах, книгах, на сайтах, форумах или в блогах; массовую рассылку электронных сообщений» (п.7); и т. п. Аналогичные трактовки встречаются и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ

от 9 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (в ред. от 03.11.2016 г.) (п.19, 21.1) [17].

Из приведенных пояснений становится ясно, что правоприменитель считает распространение сведений в СМИ, ИТС, электронной сети проявлением публичности, а значит, не придает значения их законодательному противопоставлению в контексте признаков преступления, предусмотренного ст. 282 УК.

Наконец, нечеткость предписания, изложенного в ч. 3 ст. 354¹ УК, проявляется и в языковой обрисовке предмета преступления: имена существительные употреблены во множественном числе («дни воинской славы и памятные даты России», «символы воинской славы России»). Это создает трудности в их однозначном толковании. Отсюда могут возникнуть затруднения в квалификации преступления.

Таким образом, проанализировав отдельные моменты, связанные с законодательным описанием признаков преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 354¹ УК, и их возможной интерпретацией на практике, можно прийти к выводу, что уголовно-правовое регулирование в данном случае страдает неопределенностью. Причина тому – отсутствие достаточной точности, ясности нормативного предписания, изложенного в ч. 3 ст. 354¹ УК. Как результат, возможно неправильное восприятие уголовного запрета, неадекватная оценка общественной опасности содеянного правоприменителем, ошибки в квалификации преступного поведения и неэффективность мер уголовно-правовой защиты в целом.

Ссылки

1. Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1984. 290 с.

2. Справка Государственно-правового управления Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20912> (дата обращения: 05.05.2016).

3. Исправительные работы назначены жителю Минусинска за осквернение символов воинской славы России в сети Интернет. URL: genproc.gov.ru/smi/news/regionalnews/news-1068340/ (дата обращения: 02.04.2016).

4. Пункт 2 Постановления Конституционного Суда РФ № 18-П от 17 июня 2014 г. // Российская газета. 2014. 02 июля.

5. Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1990. 154 с.

6. Георгиевская лента. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 18.09.2016).

7. Что такое Георгиевская лента? URL: <http://www.za-lentu.ru> (дата обращения: 21.09.2016).

8. Гвардейская лента. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 18.09.2016).

9. Приложение № 3 к Уставу внутренней службы Вооруженных Сил РФ (к ст. 78), утвержденному Указом Президента РФ от 10.11.2007 г. (в ред. от 25.03.2015 г.) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил РФ» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 08.09.2016).

10. Указ Президента РФ от 07.09.2010 г. «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы РФ» (в ред. от 30.04.2015) URL: <http://base.garant.ru/199318/> (дата обращения 22.09.2016).

11. Кодекс «Георгиевской ленточки». URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ru_wiki/225934 (дата обращения: 20.09.2016).

12. 50-летнего минусинца подозревают в осквернении символа воинской славы URL: newslab.ru/news/693613 (дата обращения: 02.04.2016).

13. Пункт 3 Постановления Конституционного Суда РФ от 5 марта 2013 г. № 5-П // Российская газета. 2013. 15 марта.

14. Пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // Российская газета. 2007. 21 нояб.

15. Федеральный закон от 13.03.1995 № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» // СПС «Гарант» (дата обращения 17.01.2017).

16. Ситникова А. И. Законодательная текстология и ее применение в уголовном праве. М., 2010. 192 с.

17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.01.2017).

Е. Е. Язева

(Ярославский госуниверситет)

E-mail: e.yazeva@uniyar.ac.ru

**О некоторых недостатках законодательной техники
при конструировании норм
о дифференцированных производствах
по уголовным делам (гл. 32.1, 40.1 и 51.1 УПК РФ)**

В статье рассматривается соблюдение языковых правил законодательной техники при создании норм глав 32.1, 40.1 и 51.1 УПК РФ.

Ключевые слова: законодательная техника, дифференцированные производства, дефиниция, досудебное соглашение о сотрудничестве, дознание в сокращенной форме, судебный штраф.

Е. Е. Yazeva

(Yaroslavl State University)

**Some disadvantages of the legislative technique
when designing the rules of differentiated productions
in criminal cases (Ch. 32.1, 40.1 and 51.1 of the Criminal
Procedure Code of the Russian Federation)**

This article deals with the observance of the language rules of legislative technique when creating the rules of Chapter 32.1, 40.1 and 51.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation

Keywords: legal advice; differentiated production; definition; a pre-trial agreement of cooperation; inquiry in abbreviated form; judicial fine.

Низкое качество современных нормативных актов, созданных без соблюдения, вопреки правилам юридической техники, давно стало «притчей во языцех». Даже кодифицированные законы, которые, как правило, длительное время разрабатываются и обсуждаются, проходят множество экспертиз, не отвечают необходимым требованиям. Например, принятый в декабре 2001 года Уголов-

но-процессуальный кодекс РФ (далее по тексту – УПК РФ) за месяц до вступления в силу был существенно дополнен и исправлен Федеральным законом от 29 мая 2002 года № 58-ФЗ [1]. К сожалению, в последующие годы попытки усовершенствовать УПК РФ, привести его в соответствие с другими нормативными актами и требованиями практики не улучшили, а, напротив, усугубили ситуацию, т. к. привели к возникновению новых, подчас более серьезных противоречий. По нашему мнению, практически все новые институты, появление которых в УПК РФ было вызвано потребностями правоприменителей и времени (особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве – гл. 40.1 УПК, дознание в сокращенной форме – гл. 32.1 УПК и производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности – гл. 52. 1 УПК), являются примером того, как не надо писать законы.

В рамках данной работы мы решили рассмотреть положения трех вышеназванных глав на предмет соблюдения такого требования правотворческой техники, как ясность и точность текста закона. Вместе с тем мы не смогли обойти вниманием также вопросы о корректности дефиниции, содержащейся в п. 61 ст. 5 УПК, и месте гл. 40.1 в УПК РФ, т. к. они непосредственно связаны с содержанием анализируемых глав и техникой законотворчества.

Конституционный суд РФ в своих решениях неоднократно подчеркивал: «Чтобы исключить возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации, норма должна быть формально определенной, точной, четкой и ясной, не допускающей расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного их применения» [2].

Простота и ясность текста закона предполагает употребление простых и понятных терминов, легко воспринимаемых фраз, по возможности не перегруженных причастными и деепричастными оборотами, сложноподчиненными предложениями. В то же время стремление к простоте не должно наносить ущерб полноте, точности и глубине формулирования нормативных положений. Кроме того, в процессе создания нормативного акта необходимо стремиться к *максимальной точности* выражения языка закона, то есть

к достижению наибольшего соответствия между идеей, мыслью законодателя и воплощением этой мысли в законодательной формуле [3, с. 54; 4, с. 17].

Итак, глава 40.1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» появилась в уголовно-процессуальном законе в 2009 году [5], причем была включена в раздел X «Особый порядок судебного разбирательства» часть 3 «Судебное производство». Однако только три из девяти статей гл. 40.1 УПК посвящены особенностям производства в суде; остальные нормы регламентируют процедуру заключения указанного соглашения на стадии предварительного расследования и порядок применения мер безопасности в ходе всего производства по уголовному делу. М. В. Головизнин справедливо отмечает, что «особый порядок при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве не является упрощенным порядком только судебного разбирательства. Регламентированное гл. 40¹ УПК РФ производство фактически устанавливает *особый порядок уголовного судопроизводства* при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» [6, с. 10]. Поэтому ученый предложил включить гл. 40.1 УПК РФ «Особый порядок уголовного судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» в раздел XVI части 4 УПК РФ, предусматривающей «Особенности производства по отдельным категориям уголовных дел» [6, с. 10–11].

Согласившись с этим обоснованным предложением, логично поддержать и другое, высказанное тем же автором, а затем Е. Л. Федосеевой: назвать данную главу иначе – «Производство по уголовным делам при заключении соглашения о сотрудничестве» [6, с.10; 7, с. 9]. Такое наименование и расположение главы дают правильное и полное представление о процессуальном институте, а значит, соблюдается требование точности закона, которое в одинаковой степени предъявляется ко всем частям закона: и к тексту, и к структурному оформлению.

Уровень владения законотворческой техникой разработчиков проектов изменений УПК лишней раз можно оценить, если проанализировать содержащееся в п. 61 ст. 5 определение досудебного соглашения о сотрудничестве как «соглашения между сторонами

обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения». О недостатках этой дефиниции написано уже немало, поэтому попробуем систематизировать критические замечания и предложения по совершенствованию редакции п. 61 ст. 5 УПК.

Прежде всего сущность рассматриваемого института права определена через термин «соглашение», который чаще употребляется в гражданском, гражданско-процессуальном или трудовом праве. Например, в ст. 420 Гражданского кодекса РФ [8] договор определен как *соглашение* двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Т. В. Топчиева совершенно справедливо считает, что «соглашение (договор) в уголовно-процессуальном праве понимается иначе, чем в праве гражданском» [9], в частности потому, что договорные отношения субъектов гражданского права основаны на их взаимном юридическом равенстве, исключающем властное подчинение одной стороны другой. В свою очередь, заметим, что исходя из содержания досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 2 ст. 317.3 УПК) обязанности по этому индивидуальному акту возникают лишь у подозреваемого (обвиняемого), поэтому приравнивать рассматриваемое соглашение к договору в его гражданско-правовом понимании, конечно, нельзя. Таким образом, при формулировании определения досудебного соглашения о сотрудничестве необходимо учитывать его особенности: «ограниченность круга участников, дисбаланс в реализации прав и обязанностей сторон, возложение бремени ответственности лишь на сторону защиты» [9].

Наиболее точно, на наш взгляд, определяет сущность соглашения Е. Л. Федосеева: «Досудебное соглашение в части исполнения его сторонами обязательств носит односторонний характер и представляет собой не соглашение, а согласие подозреваемого (обвиняемого) на сотрудничество со следствием, которое он выражает прокурору» [7, с. 12]. Попробуем пойти дальше и сформулировать свою дефиницию: досудебное соглашение о сотрудничестве – это *согласие подозреваемого (обвиняемого) на оказание содействия в ходе предварительного следствия, принятое прокурором и оформ-*

ленное в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом. На наш взгляд, важно указать, что согласие было именно *принято* прокурором, так как он имеет право не только удовлетворить ходатайство обвиняемого (подозреваемого) о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, но и отказать в его удовлетворении (ч. 1 ст. 317.2 УПК). Кроме того, такое определение отражает наличие волеизъявления двух сторон на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве и собственно оформление этого волеизъявления в тексте процессуального документа – досудебного соглашения о сотрудничестве. Используемый нами термин «содействие» известен в УПК, употребляется в нормах главы 40.1 УПК, в частности в ч. 2 ст. 317.1, п. 1 ч. 1 ст. 317.5 и др., в которых уточняется, в чем состоит *содействие* обвиняемого следствию (в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления).

Предложенная дефиниция позволяет избежать еще одного недостатка легального определения: соглашение о досудебном сотрудничестве заключается не между сторонами обвинения и защиты вообще (такое словосочетание позволяет толковать перечень участников уголовного судопроизводства, наделенных правом на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, шире, нежели это предусмотрено в законе), а между прокурором и подозреваемым (обвиняемым), его защитником. Именно эти субъекты подписывают соглашение о сотрудничестве в соответствии с ч. 3 ст. 317.3 УПК РФ.

Наконец, сейчас в п. 61 ст. 5 УПК закреплено, что стороны согласовывают *условия уголовной ответственности* подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения. По мнению Т. В. Топчиевой, неверно говорить о том, что досудебное соглашение о сотрудничестве может повлиять на *условия уголовной ответственности* [9, с. 74]. В своих рассуждениях автор ссылается на аргументы Е. А. Редькиной: «Согласно уголовному закону основанием уголовной ответственности является деяние, содержащее все признаки состава преступления. Условиями уголовной ответственности ... будет являться наличие элементов данного состава,

т. е. субъекта, субъективной стороны, объекта и объективной стороны. Отсутствие хотя бы одного элемента состава... влечет отсутствие состава преступления, а значит – и отсутствие основания уголовной ответственности» [13]. Поэтому Т. В. Топчиева уточняет формулировку определения досудебного соглашения о сотрудничестве, указав, что это «соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия смягчения наказания подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения» [9, с. 74].

Существенное снижение наказания в соответствии с положениями ч. 2 и ч. 4 ст. 62 Уголовного кодекса РФ [11] является весьма важным последствием заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и, собственно, целью, ради которой обвиняемый (подозреваемый) соглашается содействовать предварительному расследованию, а потому, по нашему мнению, этот признак должен быть включен в дефиницию.

Таким образом, легальное определение досудебного соглашения о сотрудничестве можно сформулировать следующим образом: досудебное соглашение о сотрудничестве – это *принятое прокурором и оформленное в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, согласие подозреваемого (обвиняемого) на оказание содействия в ходе предварительного следствия в целях смягчения наказания подозреваемого (обвиняемого)*.

Тематика данной работы не позволяет рассмотреть недостатки в регламентации различных процедур, применяющихся при производстве по уголовному делу, по которому заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, так как эти погрешности связаны не с нарушениями языковых правил законодательной техники, а, скорее, с неудачным построением алгоритмов совершения процессуальных действий и принятия процессуальных решений. Эти проблемы могут стать предметом самостоятельных исследований.

Изучая положения о другом дифференцированном порядке производства по уголовному делу – дознании в сокращенной форме (гл. 32.1 УПК), – можно обратить внимание на несколько ошибок законодателя, которые связаны, на наш взгляд, с неточностью

формулирования мыслей (опять речь идет о несоответствии идеи ее выражению в тексте нормативного акта) и рассогласованностью положений, содержащихся в разных статьях главы. В одной из своих работ мы уже анализировали эти ошибки и предлагали варианты их исправления [12, с. 82–94], поэтому сейчас воспользуемся имеющимися наработками.

1) В ч. 3 ст. 226.3 УПК указано, что *в любое время до удаления суда* в совещательную комнату для постановления приговора подозреваемый, обвиняемый, потерпевший или его представитель вправе заявить ходатайство о прекращении производства дознания в сокращенной форме и о продолжении *производства дознания в общем порядке* (курсив наш. – Е. Я.). Но говорить о прекращении производства дознания в сокращенной форме и о продолжении производства дознания в общем порядке, если ходатайство заявлено во время судебного разбирательства, нельзя, так как предварительное расследование уже закончено. Значит, редакция данной нормы учитывает только случаи, когда соответствующее ходатайство и решение по нему выносятся в ходе досудебного производства, т. е. в период проведения дознания в сокращенной форме.

Для судебного разбирательства в ч. 4 ст. 226.9 УПК предусмотрено иное правило: при наличии возражений какой-либо из сторон против дальнейшего производства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме, судья выносит постановление о возвращении уголовного дела прокурору для передачи его по подследственности и производства дознания в общем порядке. Следовательно, необходимо согласовать с данной нормой положение, содержащееся в ч. 3 ст. 226.3 УПК. Более удачную формулировку мы уже предлагали в одной из своих публикаций и позволим себе ее повторить: «Подозреваемый, обвиняемый, потерпевший или его представитель вправе *до передачи прокурором уголовного дела в суд* заявить ходатайство о прекращении производства дознания в сокращенной форме и о производстве дознания в общем порядке. Такое ходатайство подлежит удовлетворению дознавателем или прокурором. *До удаления в совещательную комнату суда, рассматривающего уголовное дело, по которому производилось дознание в сокращенной форме, с применением особого порядка судебного разбирательства,*

подсудимый, потерпевший или его представитель вправе заявить возражения против дальнейшего производства по делу. При поступлении возражений судья принимает решение в порядке, установленном ч. 4 ст. 226.9 настоящего Кодекса» [12, с. 89].

2) Неточности в изложении мысли законодателя допущены и в другой статье. Согласно ч. 2 ст. 226.5 УПК дознаватель обязан произвести **только** те следственные и иные процессуальные действия, производство которых может повлечь за собой невосполнимую утрату следов преступления или иных доказательств. Данное правило, с нашей точки зрения, необходимо толковать вместе с положением, содержащимся в ч. 1 ст. 226.5 УПК: доказательства по уголовному делу собираются в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления, с учетом особенностей, предусмотренных настоящей статьей. Следовательно, дознаватель должен произвести те следственные действия, результаты которых достоверно устанавливают обстоятельства, входящие в предмет доказывания. Точнее было бы сформулировать ч. 2 ст. 226.5 УПК иначе, исключив из диспозиции нормы наречие «только»: «дознаватель обязан произвести те следственные и иные процессуальные действия, производство которых может повлечь за собой невосполнимую утрату следов преступления или иных доказательств» [12, с. 90]. Такая редакция нормы нацелит дознавателей на обязательное формирование доказательств, закрепляющих недолговечные следы преступления либо следы, которые могут быть утрачены по тем или иным причинам в ближайшее время.

К сожалению, законодатель до сих пор не внес исправления в редакции вышеуказанных статей, хотя, безусловно, это следовало бы сделать.

Наконец, одна из последних новелл уголовного и уголовно-процессуального закона, введенная Федеральным законом от 3 июля 2016 года [13], – институт судебного штрафа. Данная мера уголовно-правового характера предусмотрена гл. 15.2 и ст. 76.2 УК РФ, а порядок производства о назначении судебного штрафа урегулирован гл. 51.1 УПК. Новые нормы вступили в силу уже 15 июля 2016 года и достаточно быстро стало понятно, что

в очередной раз правовые положения оказались сформулированы неточно, неполно, противоречиво [14, с.103; 15, с. 114]. Мы рассмотрим лишь те неясности, которые касаются применения норм процессуального закона.

Например, согласно ч. 4 ст. 446.2 УПК РФ ходатайство о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого и назначении этому лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа подлежит рассмотрению единолично судьей с *обязательным участием* подозреваемого или обвиняемого, защитника, если последний участвует в уголовном деле, потерпевшего и (или) его законного представителя, представителя, прокурора. Но в следующем предложении этой же части говорится о том, что *неявка без уважительных причин сторон, своевременно извещенных о времени судебного заседания, не является препятствием для рассмотрения ходатайства*, за исключением случаев неявки лица, в отношении которого рассматривается вопрос о прекращении уголовного дела или уголовного преследования.

Такую рассогласованность в конце 2016 года пришлось исправлять с помощью разъяснений Пленума Верховного суда РФ, который сформулировал правило так, как, видимо, изначально хотел это сделать правотворец: «В силу положений ч. 4 ст. 446.2 УПК РФ судья *обязан обеспечить своевременное извещение* о месте, дате и времени судебного заседания подозреваемого или обвиняемого, защитника, если последний участвует в уголовном деле, потерпевшего и (или) его законного представителя, представителя, прокурора, участие которого по смыслу положений ст. 37 УПК РФ является обязательным. Неявка в судебное заседание надлежащим образом извещенных лиц не препятствует рассмотрению ходатайства» [16]. Очевидно, что мысль законодателя опять была искажена в процессуальной норме.

Н. Н. Апостолова верно замечает, что «о конкретной процедуре рассмотрения судом ходатайства следователя или дознавателя о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа также остается только догадываться» [17], так как в ст. 446.2 УПК этот вопрос не урегулирован. В нормах гл. 51.1

УПК не определено, какое решение должен вынести судья, если ходатайство следователя (дознавателя) составлено с нарушением требований уголовно-процессуального закона, например не было получено согласие обвиняемого на прекращение уголовного дела по нереабилитирующему основанию, которое требуется в силу ч. 2 ст. 27 УПК РФ. Конечно, и эти «бреши» вынужден был «залатать» Пленум Верховного Суда РФ (п. 25.4 и 25.1 постановления № 19 от 27.06.2013 г. в ред. 29.11.2016 г.).

О пробелах в регламентации порядка прекращения уголовного дела и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа можно говорить и дальше. Но мы акцентируем внимание на несоответствии между одной формулировкой закона и толкованием этой нормы, данным Верховным судом РФ.

Согласно п. 2 ч. 5 ст. 446.3 УПК судья принимает по результатам рассмотрения ходатайства одно из следующих решений:

– об удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по основаниям, предусмотренным ст. 25.1 УПК, и назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа

– либо об отказе в удовлетворении ходатайства ..., *если сведения об участии лица в совершенном преступлении, изложенные в постановлении о возбуждении ходатайства о применении к лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, не соответствуют фактическим обстоятельствам дела, установленным в ходе судебного рассмотрения ходатайства, либо уголовное дело или уголовное преследование должно быть прекращено по иным основаниям.*

Разъясняя эту норму, Пленум Верховного суда РФ указал: «Судья принимает решение об удовлетворении ходатайства *при отсутствии обстоятельств, препятствующих освобождению лица от уголовной ответственности и назначению ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.* К таковым могут быть отнесены, *в частности,* следующие обстоятельства: подозреваемый, обвиняемый не подтвердил в судебном заседании свое согласие на прекращение уголовного дела или уголовного преследования по данному основанию; сведения об участии подозреваемого, обвиняемого в совершенном преступлении, изложен-

ные в постановлении о возбуждении ходатайства о применении к нему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, не соответствуют фактическим обстоятельствам дела; уголовное дело или уголовное преследование должно быть прекращено по иным основаниям, например за отсутствием события или состава преступления, в связи с истечением срока давности уголовного преследования» (п. 25.5 постановления № 19 от 27.06.2013 г. в ред. 29.11.2016 г.). Все перечисленные Пленумом препятствующие обстоятельства, действительно, названы в УПК в ч. 2 ст. 27 и ч. 5 ст. 446.2, но из толкования Верховного суда РФ следует, что могут быть и иные препятствующие обстоятельства, хотя их перечень в ч. 5 ст. 446.2 УПК сформулирован как закрытый.

На наш взгляд, такое расширительное толкование было дано не случайно и позволяет судам принять необходимое решение об отказе в удовлетворении ходатайства в тех случаях, которые не названы в п. 2 ч. 5 ст. 446.2 УПК. Но не свидетельство ли это очередного «промаха» законодателя, который необходимо исправлять?

Наконец, обратимся к «визитной карточке» главы – ее наименованию, которое должно ясно и точно отражать содержание института, урегулированного в данной единице закона. Глава 51.1 названа «Производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности». В уголовном законе нормы о судебном штрафе (гл. 15.2 УК) содержатся в разделе VI УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера», в котором также помещены главы о принудительных мерах медицинского характера (гл. 15 УК) и конфискации имущества (гл. 15.1 УК). Таким образом, можно сделать вывод, что иные меры уголовно-правового характера являются родовым понятием по отношению к судебному штрафу и принудительным мерам медицинского характера.

Однако порядок производства о применении принудительных мер медицинского характера уже определен в гл. 51 УПК, а в гл. 51.1 речь идет только о процедурах назначения судебного штрафа. Следовательно, и глава 51.1 УПК должна иметь более узкое по смыслу наименование, например «Производство о назначении судебного штрафа при освобождении от уголовной ответственности» либо даже еще более лаконичное – «Производство о назначении судебного штрафа».

Завершая рассмотрение заявленных вопросов, можно согласиться с неутешительным выводом, сделанным В. О. Белоносовым, что в УПК РФ «имеются разнообразные недостатки законодательной техники – некорректность обозначения уголовно-процессуальных действий, субъектов уголовно-процессуальных отношений, неразделение или слияние понятий и категорий, непоследовательность лексико-грамматического построения норм, дисбаланс в отражении свойств абстрактности и конкретности в условиях многогранности и многоаспектности уголовно-процессуальных отношений» [18]. Избежать таких ошибок возможно только путем изучения требований правотворческой техники и тщательной и длительной (!) подготовки законопроектов, к которой необходимо привлекать практических работников и ученых.

Ссылки

1. Федеральный закон от 29.05.2002 № 58-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 22, ст. 2027.

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С. А. Бунтмана, К. А. Катаняна и К. С. Рожкова» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 44, ст. 4358.

3. Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1990. 200 с.

4. Власенко Н. А. Язык права. Иркутск, 1997. 173 с.

5. Федеральный закон от 29.06.2009 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 26, ст. 3139.

6. Головизнин М. В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 29 с.

7. Федосеева Е. Л. Особый порядок уголовного судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2014. 30 с.

8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

9. Топчиева Т. В. Понятие и сущность досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2011. № 4 (26). С. 74–80. URL: http://vuzirossii.Ru/publ/vestnik_4_26_2011/ponjatie_i_sushhnost_dosudebnogo_soglashenija_o_sotrudnichestve/4-1-0-149 (дата обращения: 1 марта 2017 г.).

10. Редькина Е. А. Некоторые проблемы уголовно-процессуальной регламентации института досудебного соглашения о сотрудничестве // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. № 1. С. 70–75. URL: <http://cj.isea.ru/pdf.asp?id=5364> (дата обращения: 1 марта 2017 г.).

11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.02.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

12. Язева Е. Е., Ласточкина Р. Н. О дифференциации процедуры производства дознания и ее влиянии на доказывание по уголовному делу // Процессуальные и криминалистические проблемы доказывания: сб. науч. ст. / отв. ред. А. Ф. Соколов. Ярославль, 2013. Вып. 3. С. 82–94.

13. Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. 2016. 8 июля.

14. Кудрявцева А., Сутягин К. Судебный штраф // Уголовное право. 2016. № 6. С. 102–110.

15. Лобанова Л., Мкртчян С. Некоторые проблемы установления и реализации нового основания освобождения от уголовной ответственности // Уголовное право. 2016. № 6. С. 111–121.

16. Пункт 25.4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. 2013. 5 июля.

17. Апостолова Н. Н. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Российская юстиция. 2016. № 10. СПС «КонсультантПлюс».

18. Зайцева Е. А. Дефекты юридической техники при разработке и модернизации УПК РФ как отражение уровня правовой культуры субъектов законодательной инициативы // Юридическая техника. 2016. № 10. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/defekty-yuridicheskoy-tehniki-pri-razrabotke-i-modernizatsii-upk-rf-kak-otrazhenie-urovnya-pravovoy-kultury-subektov-zakonodatelnoy> (дата обращения: 01 марта 2017 г.).

Л. Ю. Чернышкова

*(Ярославский филиал Московского финансово-юридического
университета МФЮА)
E-mail: Deli_111@mail.ru*

Половая принадлежность как средство дифференциации уголовной ответственности: историко-правовой аспект

В статье раскрывается понятие половой принадлежности лица как средство, используемое законодателем при дифференциации уголовной ответственности, приведен исторический опыт дифференциации с помощью данного средства.

Ключевые слова: уголовная ответственность, средства дифференциации уголовной ответственности, женский пол как средство дифференциации уголовной ответственности.

L. U. Chernyshkova

(The Yaroslavl branch of the Moscow Finance and Law University MFUA)

Sex as a means of differentiation of criminal responsibility: a historical-legal aspect

Abstract: the article reveals the concept of gender of a person as a means used by the legislator in the differentiation of the criminal liability, given the historical experience of differentiation responsibility with the means.

Keywords: criminal liability, means of differentiation of criminal responsibility, female, as a means of differentiation of criminal responsibility.

В общем смысле под средствами дифференциации ответственности понимают все то, что служит разделению, расслоению, градации последней. А “поскольку дифференциация – это сфера действия законодателя, то ее средства должны быть обозначены непосредственно в уголовном законе” [6, с. 63]. Так, ряд авторов

предлагают выделять средства дифференциации в Общей и Особенной частях уголовного законодательства и к первой группе относить: категории преступлений, освобождение от уголовной ответственности и наказания по нереабилитирующим основаниям, обстоятельства, особо смягчающие и особо отягчающие наказание, и т. п. Во вторую группу включены: квалифицированные составы (квалифицирующие признаки) и соответствующие им новые рамки наказуемости, использование специальных видов освобождения от уголовной ответственности, относительно-определенные, альтернативные и кумулятивные санкции, допущение возможности применения дополнительных видов наказаний [6, с. 63–64]. Данная классификация воспринимается исследователями по-разному. Так, Е. Е. Пухтий, например, сочла такое деление «удобным и разумным» [9, с. 136], а Т. А. Лесниевски-Костарева раскритиковала, предложив выделять иные виды дифференциации, исходя не из места ее осуществления, а из сущностных свойств, особенностей последней [7, с. 174–176].

Возможно ли отнести биологический пол человека, в частности женский пол, к средствам дифференциации уголовной ответственности?

Определив дифференциацию уголовной ответственности в общем смысле как разделение, расслоение последней, необходимо представить категорию «женский пол» как обстоятельство, оказывающее влияние на ответственность, изменяющее ее объем.

Конвенция МОТ № 103 «Относительно охраны материнства» закрепляет определение термина «женщина», который означает всякое лицо женского пола независимо от возраста, гражданства, расы или религиозных исповеданий и независимо от того, состоит она в браке или нет.

Основной особенностью женщины является осуществление ею репродуктивной функции. Именно с этой функцией связаны предоставляемые уголовным законом дополнительные права.

Так, М. Н. Каплин среди норм, оказывающих влияние на уголовную ответственность, отмечает нормы института наказания, «где средством ее дифференциации являются некоторые признаки субъекта преступления» [4, с. 45]. К таким признакам он относит, в частности, женский пол, беременность, наличие у женщины ма-

лолетних детей. Например, женщинам не назначаются такие виды наказания, как пожизненное лишение свободы (ч. 2 ст. 57 УК) и смертная казнь (ч. 2 ст. 59). Женщинам, находящимся в состоянии беременности или имеющим малолетних детей, не назначаются такие виды наказаний, как обязательные работы (ч. 4 ст. 49), исправительные работы (ч. 5 ст. 50), арест (ч. 2 ст. 54).

Отметим, что определенная дифференциация норм ответственности, обоснованная принадлежностью лица, преступившего закон, к женскому полу, характерна для законодательства различной исторической давности. Кроме того, в последующих исторических примерах нетрудно проследить связь между существующими в обществе настроениями относительно социальной роли женщины и нормами законодательства.

Начиная с Русской Правды, мы видим закрепление патриархального устоя семьи на Руси. Так, Краткая редакция Русской Правды перечисляет среди лиц, имеющих право мести за смерть, именно мужской состав семьи – отца, сына, братьев, племянников [10, с. 50]. Кроме того, Пространная редакция Русской Правды в ст. 88 устанавливает только половинную ставку уголовного штрафа за убийство женщины по сравнению со ставкой штрафа за жизнь мужчины [10, с. 113].

Период средневековой Руси, охарактеризованный появлением «Домостроя» – книги, закрепившей господствующее положение мужчины в семье и общественной жизни, упрочил бесправное положение женщины.

Такие настроения отражались и в законодательстве того времени. Соборное Уложение 1649 г. устанавливало убийство женой своего мужа как квалифицированное, влекущее за собой смертную казнь: *“А будет жена учинит мужу своему смертное убийство... а сыщется про то допряма, и ея за то казнити, живу окопати в землю, и казнити ея такою казнею безо всякия пощады...и держати ея в земле до тех мест, покамест она умрет”* [11, с. 249]. Казнь осуществлялась путем закапывания женщины в землю по плечи, на ночь к ней приставлялась стража для наблюдения, чтобы ее никто не кормил и чтобы собаки не отъели ей голову, а днем перед ней священник читал молитвы. Смерть наступала обычно на второй или третий день, но были случаи, когда закопанные жили 20 и даже

31 день. Статья запрещала освобождение убийцы даже в том случае, если об этом просили дети или близкие родственники убитого. Позднее данное наказание *de jure* было заменено на отсечение головы, но *de facto* встречалось до 1740 года. Правда, статья 15 Уложения устанавливала отсрочку смертной казни беременной женщине, до тех пор пока не истечет 6-недельный срок после рождения ребенка [11, с. 433–437].

В советский период российское общество наделило мужчину и женщину равными политическими и гражданскими правами.

УК РСФСР 1922 г. упоминает женщину только применительно к «половым преступлениям», а именно наказывались сводничество, содержание притонов, вербовка женщин для проституции, понуждение к занятию проституцией. Интересно, что под изнасилованием УК 1922 г. понимал «...половое сношение...с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица» [3, с. 30–31], т. е. из текста закона прямо не следует положение о том, что потерпевшей от данного преступления может быть только женщина. А совершение с согласия матери изгнания плода или искусственное прерывание беременности лицами, не имеющими для этого надлежаще удостоверенной медицинской подготовки или в ненадлежащих условиях [3, с.27], приравнивается к убийству.

УК РСФСР 1926 г. запретил приговаривать к расстрелу женщин, находившихся на момент совершения преступления в состоянии беременности. В качестве смягчающего обстоятельства предусматривалось совершение преступления женщиной в состоянии беременности. Аналогично УК РСФСР 1922 г. наказывалось и проведение с согласия матери искусственного прерывания беременности. В качестве квалифицирующего признака данного деяния предусматривалось возведение его в промысел и отсутствие согласия матери. В отношении изнасилования опять же применялся термин «потерпевшее лицо», не позволяющий сделать однозначный вывод о том, что состав был рассчитан только на женщину. А вот состав ст. 154² предусматривал ответственность за понуждение именно женщины «...к вступлению в половую связь или к удовлетворению половой страсти в иной форме...» с использованием материальной или служебной зависимости. Равно как ст. 155 содержала запрет на принуждение женщин

заниматься проституцией, вербовку женщин для этой же цели, сводничество и содержание притонов разврата [3, с. 52–53, 76, 78].

Наконец, в 1936 г. Конституция СССР торжественно провозгласила, что вопрос об обеспечении подлинного равноправия женщины решен [1, с. 30]. Этот шаг нашел отражение и в последующем законодательстве. Состав ст. 134 УК РСФСР 1960 г. предусматривал ответственность за воспрепятствование осуществлению равноправия женщин, а именно запрещал препятствовать женщине в принятии участия в государственной, общественной или культурной деятельности. Правда, нарушение равноправия женщины привлекало внимание УК только в случае, если оно было соединено с насилием или угрозой применения насилия. Кроме этого, УК 1960 г. предусматривал ряд статей, устанавливающих ответственность за деяния, составляющие пережитки местных обычаев. Например, наказанию подлежали уплата или принятие выкупа за невесту, принуждение женщины к вступлению в брак или воспрепятствование вступлению в брак, двоеженство или многоженство [3].

В уголовном законодательстве того времени содержались также и нормы, определяющие особый статус беременных женщин:

- запрещалось назначать смертную казнь женщинам, находившимся в состоянии беременности на момент совершения преступления или вынесения приговора, а равно на момент исполнения приговора;

- женщине не назначалась в качестве исправительного учреждения колония усиленного режима;

- наказание в виде условного осуждения с обязательным привлечением осужденного к труду не назначалось беременным женщинам, женщинам, имеющим на иждивении детей в возрасте до двух лет, а равно женщинам в возрасте свыше 55 лет;

- ссылка (ст. 25) и высылка (ст. 26) не применялись к беременным женщинам и женщинам, имеющим на иждивении детей в возрасте до восьми лет;

- в качестве смягчающего обстоятельства УК РСФСР 1960 г. признавал совершение преступления женщиной, находящейся в состоянии беременности;

- убийство женщины, заведомо для виновного находившейся в состоянии беременности, являлось отягчающим обстоятельством;

– тяжким телесным повреждением признавалось повреждение, повлекшее наравне с иными обстоятельствами прерывание беременности;

– каралось незаконное производство аборта врачом, лицом, не имеющим высшего медицинского образования, а также предусматривался квалифицированный состав – данное деяние, совершенное неоднократно или повлекшее за собой смерть потерпевшей или иные тяжкие последствия;

Кроме этого, УК 1960 г. содержал составы, где в качестве потерпевшего лица могла выступать только женщина: изнасилование (в отличие от предыдущих редакций), понуждение женщины к вступлению в половую связь, отказ в приеме на работу или увольнение беременной женщины или кормящей матери.

Появление такого количества норм, оберегающих беременную женщину, связывалось, по-видимому, с позицией государственного руководства. «Еще со времен Сталина, когда экономическое значение женщины присовокупили к ее традиционным семейным обязанностям и к прославлению ее материнской функции, общество призвало женщин быть производителями и воспроизводителями одновременно» [2, с. 128].

С принятием в декабре 1993 г. Конституции РФ целый ряд общеправовых принципов и установлений, прежде всего в связи с правами и свободами человека и гражданина, нашел свое отражение в законодательстве, в том числе и уголовном [8, с.188].

Первоначальная редакция УК РФ 1996 г. закрепляла конституционный принцип равенства граждан перед законом в качестве одного из основных принципов уголовного права. Вместе с тем закон сохранял ряд норм, содержащих привилегии для женщин:

– арест не назначался беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до 8 лет, равно как и обязательные работы и ограничение свободы. Последние два вида наказания не назначались также и женщинам, достигшим возраста 55 лет.

– пожизненное лишение свободы и смертная казнь женщинам не назначаются вообще;

– при выборе вида исправительного учреждения осужденным к лишению свободы женщинам исправительное учреждение строгого режима назначается только в случае особо опасного рецидива;

– к смягчающим обстоятельствам УК РФ 1996 г. относит беременность, а также наличие малолетних детей, но второе обстоятельство в равной степени может смягчать наказание и мужчинам;

– к обстоятельствам, отягчающим наказание, Кодекс относит совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, равно как и устанавливает эту ситуацию в качестве квалифицирующего признака в составах ряда статей (например, ст. 105, 117, 126, 127 УК).

– впервые для беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до 8 лет, предусматривалась отсрочка отбывания наказания;

– появляется новый состав, где субъектом преступления может выступать только женщина (ст. 106);

– наказывается незаконное производство аборта. Причинение смерти или тяжкого вреда здоровью потерпевшей в результате указанных действий признается квалифицирующим обстоятельством;

– ст. 131 УК РФ 1996 г. также дифференцирует ответственность за предусмотренный статьей состав. Более того, появляется ст. 132 УК, устанавливающая ответственность за совершение насильственных сексуальных действий в отношении лиц обоего пола;

– предусмотрена ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до 3 лет;

– наказываются вовлечение в занятие проституцией (с. 240) и организация или содержание притонов для занятия проституцией (ст. 241) [3].

Таким образом, женский пол можно отнести к средствам дифференциации уголовной ответственности.

Вместе с тем совокупность социальных характеристик, принадлежащих чаще всего индивидам женского пола и связанных с выполнением ими воспитательной функции, согласно высказанной в литературе точке зрения не может являться средством дифференциации уголовной ответственности, так как эти особенности подлежат учету в процессе индивидуализации наказания. Так, Л. Л. Кругликов в ходе проведенного им исследования

выборки уголовных дел приходит к выводу, что на практике достаточно широко используются обстоятельства дела, учитываемые по сугубо гуманным соображениям для смягчения наказания. Среди таких обстоятельств, в частности, он называет наличие на иждивении осужденного близких родственников, особо тяжкие последствия для семьи, складывающиеся в случае осуждения виновного к лишению свободы [5, с.125]. Кроме этого, им подчеркивается направление движения законодателя в сторону еще большей гуманизации, которое подтверждается закреплением в ст. 61 УК РФ в качестве одного из смягчающих обстоятельств наличие малолетних детей у виновного (п. “г”) [5, с.125].

Согласимся с тем фактом, что любые обстоятельства, связанные с воспитанием или заботой о детях, заслуживают учета независимо от того, лицом какого пола эти функции выполняются.

Ссылки

1. Айвазова С. Г. Идеиные истоки женского движения в России // Женщина в обществе: мифы и реалии // Общественные науки и современность. 1991. № 4. С. 125–133.

2. Гоцило Е. Перестройка или «домостройка»? Становление женской культуры в условиях гласности // Общественные науки и современность. 1991. № 4. С. 134–145.

3. Источники права. Серия “Юриспруденция”: учеб. пособие / сост. Р. Л. Хачатуров. Тольятти, 2000. Вып. 13. 90 с. (Серия «Юриспруденция»).

4. Каплин М. Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2002. 201 с.

5. Кругликов Л. Л. Обстоятельства, характеризующие личность виновного, в сфере дифференциации ответственности в уголовном праве // Юридические записки ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Вып. 13: Юридические факты. Ярославль, 2009. С. 3– 20.

6. Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2002. 222 с.

7. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 1998. 231 с.

8. Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. I: Преступление и наказание / под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2008. 1168 с.

9. Пухтий Е. Е. Преступления против семьи и несовершеннолетних: вопросы техники конструирования составов и дифференциации ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2004. 201 с.

10. Российское законодательство X– XX веков / под ред. В. Л. Янина. М., 1984. Т. 1. 1000 с.

11. Российское законодательство X – XX веков / под ред. А. Г. Манькова. М., 1985. Т. 3. 900 с.

С. В. Шиловский

(САФУ им. М. В. Ломоносова)

E-mail: shill777@rambler.ru

Отдельные вопросы законодательной техники при использовании указания на способ совершения преступления в уголовно-правовой норме

В статье рассматриваются вопросы юридической техники при использовании законодателем в составе преступления указания на способ совершения преступления.

Ключевые слова: преступление, состав преступления, способ совершения преступления, объективная сторона преступления.

S. V. Shilovsky

(SAFU named after M.V. Lomonosov)

Single issues of legislative technique using the instructions on the way to commit crime in the criminal law

The article deals with questions of legal technique using a part of the legislator guidance on the way to the crime of committing a crime.

Keywords: offense constitutes a crime, modus operandi, the objective side of the crime.

При рассмотрении вопросов законодательной техники представляется интересным обратить внимание на конструкции уголовно-правовых норм, содержащих указание на способ совершения преступления. Способ совершения преступления, являясь факультативным признаком объективной стороны с точки зрения общего состава преступления, будучи введенным законодателем в конкретный состав, становится для него обязательным признаком. Указанный признак состава преступления является важным инструментом, с помощью которого законодатель криминализирует деяние, «возво-

дя его в ранг преступления» [6, с. 53], ограничивая таким образом дозволенное поведение индивида. Однако, что представляет собой способ совершения преступления с точки зрения законодательной техники? Большинство определений даваемых современными авторами описывают уголовно-правовое значение способа совершения преступления как определенную качественную сторону преступного деяния при его выражении вовне. Если исходить из данных определений, логичным представляется положение о том, что преступное деяние не существует в отрыве от способа совершения преступления, отдельно от него, что соответствует пониманию способа совершения преступления как элемента объективной стороны преступления, но не соответствует законодательной конструкции способа совершения преступления как факультативного признака объективной стороны состава преступления.

При ближайшем рассмотрении определений способа совершения преступления, даваемых различными авторами, остается неясным, чем способ совершения преступления отличается от деяния, почему он выделяется в качестве самостоятельного элемента состава преступления, почему считается не обязательным, а факультативным признаком.

Понимание способа совершения преступления как совокупности приемов и методов, применяемых при совершении общественно опасного деяния, справедливо, когда речь идет о категории преступления как явления действительности¹. На самом деле, в преступлении как акте человеческого поведения способ совершения преступления сливается с преступным деянием и выступает единым актом поведения. Однако, когда речь заходит о категории состава преступления, способ совершения преступления получает более узкое звучание, поскольку он искусственно отделяется законодателем от иных приемов и методов, которыми осуществляется деяние (действие, бездействие), и получает самостоятельный статус в качестве факультативного признака объективной стороны

---

¹ В данном случае, по нашему мнению, уместно вести речь о способе совершения преступления как «междисциплинарном» («межотраслевым») понятию в значении, которое данному понятию придает Н. И. Панов (см.: Панов Н. И. Об изучении способа совершения преступления // Проблемы социалистической законности. Харьков, 1982. № 9. С. 112).

состава преступления². Подобным «препарированием» единого акта преступного поведения законодатель искусственно разделяет его на составные части для решения на их основе уголовно-правовых вопросов, касающихся критериев криминализации деяния, квалификации преступлений, дифференциации ответственности и т. д. Способ совершения преступления включается в уголовно-правовую норму только тогда, когда «заряд» общественной опасности, который он привносит в деяние, существенно влияет на деяние, а следом и на общественную опасность всего преступления. В *составе преступления* способ, отделенный от деяния, – это особый прием законодательной техники, искусственное расчленение внешне единого деяния на две составляющие, которые находятся в определенной взаимосвязи. Ее суть, на наш взгляд, удачно раскрывает подход, согласно которому способ совершения преступления как **признак состава преступления** имеет вид преступного деяния и «в законе мыслим только в пределах этого общественно опасного поведения (за исключением случаев, когда он имеет вид внешней формы – «тайно, открыто») и только *наряду* с другим явлением, составляющим обязательный элемент объективной стороны всякого состава преступления и именуемым в теории преступным действием (бездействием), которое для недопущения смешения его со способом целесообразно именовать *основным деянием*» [1, с. 223] При этом автор отмечает, что «способ посягательства не охватывает преступного деяния в целом... то, что скрывается за выражением “способ совершения преступления”, может быть охарактеризовано как деяние вспомогательного, служебного характера по отношению к основному деянию» [2, с. 6], «более или менее существенно влияющее на общественную опасность данного вида поведения виновного» [2, с. 11]. Согласно данной концепции, названные деяния состоят между собой в связи, выражаемой формулой: одно деяние (способ) – для, ради другого (основного деяния). При отсутствии такого рода связи наличествуют самостоятельные явления [4, с. 189–190], то есть следует помнить, что данные деяния (основное преступное деяние и способ совершения преступления) не стоят отдельно друг от друга, а тесно связаны между собой и своим сочетанием образуют единый акт преступного поведения.

---

² В данном случае способ совершения преступления выступает уже в более узком – уголовно-правовом значении.

Другими словами, законодатель при описании способа совершения преступления в отдельной уголовно-правовой норме, в которой тот закреплен как обязательный признак объективной стороны состава преступления, **описывает его как вид деяния**, наделяя способ совершения преступления свойствами дополнительного действия (бездействия), применяемого преступником для достижения (либо облегчения достижения) преступного результата, на который направлено его основное деяние. При этом примененный способ существенно повышает общественную опасность содеянного в связи с тем, что виновный использовал дополнительные факторы, способствующие наступлению общественно опасных последствий и делающие это наступление более вероятным.

Способ совершения преступления в качестве признака состава преступления, как и сам состав преступления в целом, является фикцией, то есть «выдумкой» законодателя, поскольку он искусственно отчленен от деяния, выделен в качестве отдельного признака состава преступления, хотя в преступлении, происходящем в объективной действительности, он слит с деянием, выступает в формах конкретных действий, тех приемов и методов, которыми преступник воздействует на предмет посягательства. «Преступное деяние совершается в определенном месте, обстановке и времени, иногда с применением определенных средств и орудий..., “оторвать” их от деяния можно только в ходе мысленного анализа. Точно так же действие совершается определенным способом. И точно так же оторвать способ от действия в физическом смысле невозможно..., в объективной реальности они неотделимы» [5, с. 210].

Таким образом, искусственно выделяя способ совершения преступления из деяния, законодатель наделяет его свойствами, не существующими в действительности, например факультативностью (необязательностью) его наличия в отдельных составах преступлений, хотя несомненным является положение о том, что любое реально совершенное преступление обладает своим способом совершения. Здесь мы сталкиваемся с двумя понятиями термина способа совершения преступления – широким (общеупотребительным, межотраслевым), определяющим его в качестве элемента преступления, и узким (уголовно-правовым), обозначающим способ совершения преступления как признак состава преступления.

«В уголовном праве под способом совершения преступления следует понимать предусмотренное законом и существенно повышающее характер общественной опасности основного деяния умышленное использование виновным дополнительных сил, факторов, облегчающих совершение преступного деяния» [2, с. 11].

При рассмотрении отдельно взятого преступного деяния, не состоящего в подчинительной связи «для», «ради» с другим преступным деянием, следует сделать вывод о том, что способом совершения преступления ни одно из таких деяний не является, а «налицо два самостоятельных правовых явления, каждое из которых общественно опасно либо же лишено такого свойства» [4, с. 189–190].

В литературе отмечаются существенные различия между основным преступным деянием и способом его совершения: в то время как основное деяние является обязательным элементом объективной стороны, без которого немислим ни один состав преступления, способ совершения преступления характерен лишь для их части, хотя и довольно значительной (при обязательном наличии основного деяния). В случае, когда оба эти вида деятельности «соседействуют» в преступлении, их положение неравноценно: основное деяние отражает в законе непосредственную направленность посягательства против определенной группы общественных отношений, ради охраны которых издана данная норма. Оно поэтому занимает доминирующее положение по отношению к способу, а последний выполняет специфическую служебную функцию по отношению к основному деянию: он призван способствовать осуществлению основного деяния, облегчать достижение преступного результата [2, с. 7].

Способы совершения преступления в рассматриваемом нами аспекте могут представлять собой единое либо составное деяние, которое состоит из ряда дополнительных деяний, объединенных подчинительной связью с основным преступным деянием. «Поскольку способ совершения преступления является не только структурной частью преступного поведения, его элементом, но и самостоятельным правовым явлением, он также имеет определенную структуру, включающую основное деяние второго порядка и способ осуществления этого деяния (например, насилие с применением оружия при разбое)» [2, с. 8]. Из сказанного видно, что в подобном составном деянии не исключена соподчиненность слагающих его

деяний. Так, преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 170.1 УК РФ, включает в себя основное преступное деяние – внесение в реестр владельцев ценных бумаг, в систему депозитарного учета заведомо недостоверных сведений, совершаемое определенным способом, а именно путем неправомерного доступа к реестру владельцев ценных бумаг, к системе депозитарного учета, который, в свою, очередь может быть сопряжен с дополнительным деянием второго порядка – насилием или угрозой его применения.

Говоря о сущности преступного деяния, В. Н. Кудрявцев указывает, что его важнейшими социальными свойствами являются «общественная опасность и вытекающая из нее противоправность» [4, с. 69]. Именно с данными свойствами основного деяния, на наш взгляд, теснее всего и связан способ совершения преступления как действие (бездействие), существенно повышающее общественную опасность основного деяния. Именно повышение степени общественной опасности основного деяния при использовании определенного способа совершения преступления, на наш взгляд, и служит основанием для законодателя выделять такой способ из числа других способов совершения конкретного противоправного посягательства и закреплять его в уголовно-правовой норме. При этом сам по себе способ совершения преступления может и не нести в себе какой-либо противоправности, но, будучи соединенным с основным деянием подчинительной связью «для», «ради», он увеличивает «заряд» противоправности и общественной опасности такого деяния.

Таким образом, в нашем понимании способ совершения преступления как признак состава преступления – это ***предусмотренное законом деяние дополнительного, служебного характера по отношению к основному преступному деянию, совершаемое для содействия последнему и существенно влияющее на его общественную опасность либо придающее ему данное свойство.***

При совершении преступления путем бездействия (так же как и действия) способ совершения преступления как признак состава преступления наличествует при прямом указании об этом в законе. В данном случае нет никакой разницы между тем, совершено ли основное преступное деяние в форме действия либо бездействия; если законодателем способ совершения преступления включен в диспозицию уголовно-правовой нормы, значит, он имеется

в данном составе преступления (при этом сам способ совершения преступления, также будучи *деянием*, может выражаться как в форме действия, так и бездействия)³. На наш взгляд, рассматривать наличие способа совершения преступления как компонента состава преступления иначе означает подвергать сомнению авторитет законодателя в деле конструирования конкретных составов преступления.

Ссылки

1. Кругликов Л. Л. Способ совершения преступления в уголовном праве: вопросы понятия, законодательной техники и дифференциации ответственности // Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи (2000–2009 г.). Ярославль, 2010. С. 215–231.

2. Кругликов Л. Л. Способ совершения преступления (вопросы теории): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. 18 с.

3. Кругликов Л. Л. Использование философских категорий «содержание» и «форма» в процессе анализа понятия «способ совершения преступления» // Сборник аспирантских работ Свердл. юрид. ин-та. Свердловск, 1970. Вып. 12. С. 187–193.

4. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. 244 с.

5. Малинин В. Б., Парфенов А. Ф. Объективная сторона преступления. СПб., 2004. 301 с.

6. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. 363 с.

---

³ Верно и обратное утверждение о том, что в случае, если в определенном составе преступления законодателем не криминализован способ совершения преступления, выраженный в бездействии, то недопустимо осуществлять квалификацию согласно данному составу, если лицо совершило основное преступное деяние путем бездействия. Так, по делу № 22-3306 был оставлен в силе приговор Мирнинского городского суда от 22.08.2005 г., согласно которому Б. был оправдан по ч. 1 ст. 150 УК РФ, поскольку обвинялся в том, что вовлек несовершеннолетнего В. в кражу автомобильных колес тем, что не отговорил, а поддержал предложение В. совершить данную кражу (см.: Кассационное определение Архангельского областного суда от 04.10.2005 г. № 22-3306 // Архангельский областной суд. URL: <http://www.arhcourt.ru/?Documents/Crm/Cas/1/1/2/200409210910>).

М. В. Кукушкина

(Ярославский госуниверситет)

E-mail: *marina_kukushkina_92@mail.ru*

К вопросу о понятии, видах и значении рецидива преступлений в уголовном праве России

В статье анализируется понятие рецидива преступлений по УК РФ, раскрываются его признаки, производится деление на виды, показывается уголовно-правовое значение в сфере квалификации преступлений и назначения наказания. Автор доказывает, что немаловажную роль в сфере правоприменения играет деление рецидива на общий и специальный.

Ключевые слова: рецидив преступлений, УК РФ, умысел, судимость, квалифицирующий признак,отягчающее обстоятельство, простой, опасный и особо опасный рецидив, общий и специальный рецидив, рецидивист.

M. V. Kukushkina

(Yaroslavl State University)

To the question about concept, types and value of recidivism in Russian criminal law

In the article the author analyzes the concept of recidivism according to the Russian Criminal Code, reveals its signs, makes the division into species, shows legal criminal significance of recidivism for crime qualification and imposition of punishment. The author argues that the division of recidivism into general and special is important for law enforcement.

Keywords: recidivism; Criminal code of Russian Federation; intent; criminal record; aggravating circumstance; an aggravating circumstance; simple, dangerous and especially dangerous recidivism; general and special relapse; recidivist.

По данным официальной статистики за январь–сентябрь 2016 г. из 791,8 тыс. лиц, совершивших преступления, удельный вес ранее судимых лиц составил 27,0 % (т. е. более ¼). В процентном соотношении это меньше, чем за тот же период прошло-

го года (28,7 %), однако следует учитывать, что и количество лиц, совершивших преступления за соответствующий период, уменьшилось на 10,7 тыс. лиц. За 2015 г. из 1 063 030 лиц, совершивших преступления, ранее судимы 28,2 % (299 850 чел.) [1]. Таким образом, в настоящее время, как и в прежние годы, уровень рецидивной преступности продолжает оставаться высоким. Этот факт обуславливает актуальность исследования вопросов трактовки и реформирования института рецидива преступлений.

Согласно ч. 1 ст. 18 УК РФ рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление. На основе данного законодательного определения представляется возможным выделить следующие признаки рецидива преступлений.

1. Лицо должно совершить два или более умышленных преступления. Исключения составляют случаи, указанные в ч. 4 ст. 18 УК РФ.

Указание законодателя именно на умышленную форму вины в данном случае свидетельствует о повышенной общественной опасности рецидива по сравнению с таким видом множественности преступлений, как совокупность. Для последней такое условие не является обязательным: преступления могут быть как умышленными, так и неосторожными. В п. 44 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения наказания» подчеркивается: при решении вопроса о наличии рецидива преступлений судам следует иметь в виду, что основанием для признания рецидива преступлений является судимость только за умышленное преступление.

В литературе высказана точка зрения о том, что понятие рецидива должно быть шире и включать в себя сочетание не только умышленных, но и неосторожных преступлений [2, с. 45–55; 3, с. 28–30]. По мнению Ю. В. Голика и И. Я. Мирончика, эти случаи имеют самостоятельное правовое значение, а повторение неосторожных преступлений должно именоваться неосторожным рецидивом. Авторы отмечают: неосторожный рецидив свидетельствует, что лицо, его совершившее, склонно легко относиться к правонарушениям, у него имеется стойкое отрицательное отношение к соблюдению общественных правил [4, с. 60–65].

На наш взгляд, необходимость введения законодательного понятия «неосторожный рецидив» отсутствует. Данное понятие не согласуется с пониманием самого явления, его введение внесет лишь путаницу в практику судов. В то же время считаем, что возможно разграничение понятий законного и реального (фактического) рецидива. Последний как раз и должен включать подобные случаи.

В то же время законодатель в Особенной части УК пошел по другому пути, введя в УК РФ ст. 264.1, в которой фактически идет речь о неосторожном рецидиве преступлений: предусмотрена уголовная ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, в том числе имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ. С одной стороны, указанная ситуация не является рецидивом в смысле ст. 18 УК, с другой – сам законодатель призывает учитывать судимость за ранее совершенное по неосторожности преступление, что диссонирует с п. «а» ч. 4 ст. 18.

В итоге непродуманность данной нормы приводит к судебным ошибкам. Возникают случаи, когда суды, помимо квалификации деяния по ст. 264.1 УК РФ, в описательно-мотивировочной части приговора указывают на наличие отягчающего обстоятельства – рецидива преступлений. Так, постановлением Центрального районного суда г. Твери от 21.03.2016 изменен приговор мирового судьи, которым Р. С. С. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 в части указания в противоречие требованиям Общей части УК на наличие в действиях осужденного рецидива преступлений, поскольку ранее он был судим по ч. 4 ст. 264. Суд апелляционной инстанции указал: поскольку Р. С. С. ранее был осужден за преступление, совершенное по неосторожности, в его действиях отсутствует рецидив преступлений и указание на наличие данного отягчающего наказания обстоятельства подлежит исключению из приговора [5].

На наш взгляд, справедливее учитывать совершение ранее неосторожного преступления в качестве характеристики личности виновного.

2. Хотя бы за одно из совершенных преступлений лицо должно быть осуждено и иметь неснятую и непогашенную судимость, которая согласно ч. 1 ст. 86 УК РФ возникает со дня всту-

пления в силу обвинительного приговора суда. Согласно ч. 6 ст. 86 погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, предусмотренные настоящим Кодексом, связанные с судимостью. Речь идет в том числе и о рецидиве преступлений.

Еще раз отметим значимость данного признака Пленум Верховного Суда РФ в указанном выше постановлении «О практике назначения наказания», а именно в абз. 4 п. 44: снятая, в том числе в порядке, установленном ч. 1 ст. 74 УК РФ, или погашенная до совершения нового преступления судимость не образует рецидива преступлений.

Однако наличие судимости (за исключением судимостей, перечисленных в части 4 ст. 18 УК РФ), снятой или погашенной после совершения нового преступления в порядке, установленном статьей 86, образует рецидив преступлений, поскольку наличие рецидива преступлений устанавливается на момент совершения преступления.

Расположение нормы о рецидиве преступлений в главе «Понятие преступления и виды преступлений» после нормы о совокупности преступлений позволяет прийти к выводу, что законодатель рассматривает *рецидив как один из видов множественности преступлений*.

П. Н. Кобец отмечает: «Повторное совершение преступления лицом, ранее судимым за противоправное деяние, является особым криминологическим и социальным явлением. Выделяют его в первую очередь потому, что именно оно несет повышенную опасность для общества и государства и предопределяется устойчивым нежеланием лица жить по закону и соблюдать этические и другие нормы поведения. Одно это обстоятельство уже оправдывает выделение в уголовном законодательстве из всех видов повторности именно рецидив» [6, с. 22].

Некоторые ученые, по нашему мнению, не вполне обоснованно добавляют, что одним из признаков рецидива является отбытие лицом наказания или хотя бы его части [7, с. 75; 8, с. 18]. Однако практика складывается таким образом, что зачастую, можно даже сказать в большинстве случаев, исполнение приговора начинается не непосредственно после вступления его в законную силу, а позже. При этом в случае совершения лицом нового преступления в указанный промежуток времени наличие в его действиях рецидива отрицать нельзя.

Законодателем понятие рецидива используется и в п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ *в качествеотягчающего обстоятельства*. Однако не все ученые согласны с данной характеристикой. Так, например, Е. В. Благов отмечает: «Указание на рецидив преступлений напрасно включено в п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Влияние последнего на наказание полностью урегулировано в других местах уголовного законодательства» [9, с. 101]. В обоснование своей позиции автор приводит следующее утверждение: «Принятие во внимание рецидива преступлений явно нельзя относить к содержанию общих начал, в которых должны находиться, судя по наименованию, лишь типовые правила назначения наказания, рассчитанные на любую категорию дел. Рецидив же характеризует только одну из них – ту, которая обозначена в ст. 18» [10, с. 12].

На наш взгляд, в настоящее время сохранение данного отягчающего обстоятельства необходимо, поскольку конструкции иных норм УК РФ о рецидиве преступлений не позволяют учесть всех обстоятельств при назначении наказания, связанных с рецидивом преступлений, например таких, как вид рецидива: простой, опасный, особо опасный; общий, специальный.

Говоря об уголовно-правовой характеристике рецидива преступлений, необходимо остановиться на вопросе о его видах.

В УК РФ предусмотрено три вида рецидива: простой (ч. 1 ст. 18), опасный (ч. 2 ст. 18) и особо опасный (ч. 3 ст. 18). Определения опасного и особо опасного рецидивов даются путем перечисления конкретных возможных вариантов таких рецидивов. При определении вида рецидива законодатель учитывает категории преступлений, их количество, а также реальное либо условное отбывание наказания в виде лишения свободы.

Значение данной классификации состоит в том, что вид рецидива отражается в приговоре суда и, следовательно, может влиять на назначаемое судом наказание. В п. 46 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения наказания» прямо указано: в описательно-мотивировочной части приговора необходимо указывать вид рецидива преступлений. Так, например, приговором Рыбинского городского суда от 23.09.2014 по делу № 1-512/2014 С. Р. С. признан виновным в совершении ряда преступлений. При назначении наказания суд учел следующее: в соответствии

с п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ обстоятельством, отягчающим наказание подсудимого С. Р. С., является рецидив преступлений. Кроме того, суд отметил, что в соответствии с п. «а» ч. 3 ст. 18 УК РФ в действиях С. Р. С. по всем эпизодам обвинения усматривается особо опасный рецидив преступлений, поскольку ранее он дважды был осужден за тяжкие преступления к реальному лишению свободы и вновь совершил тяжкие преступления [11].

Помимо классификации рецидива, предложенной законодателем, науке уголовного права известно также его деление на общий и специальный. «Общий рецидив имеет место в случаях совершения нескольких разнородных преступлений (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и кража). Специальный характеризуется совершением однородных или одноименных преступлений (кража и грабеж)» [12, с. 48].

Подобное деление, по мнению некоторых авторов, не имеет смысла, поскольку противоречит социальной сущности рецидива, для которого является важной степень устойчивости антисоциальной направленности сознания лица, а также степень готовности его к совершению новых преступлений. При этом не имеет значения тождественность, однородность или разнородность совершенных преступлений [13, с. 214]. Мы с данным утверждением не согласны. Повторное совершение лицом умышленного однородного либо тождественного преступления свидетельствует не только о его повышенной общественной опасности, но и о направленности лица на совершение преступлений именно в данной конкретной сфере общественных отношений, что может говорить даже о каких-либо его психических отклонениях. На наш взгляд, наличие в действиях лица специального рецидива свидетельствует о еще большей общественной опасности личности по сравнению с рецидивом общим, поскольку указывает не только на наличие у лица криминального опыта, но и на его «профессиональную» специализацию.

Фактически данной точки зрения придерживается и законодатель, который с недавних пор в целях борьбы с преступлениями, посягающими на половую неприкосновенность и половую свободу несовершеннолетних, в целях усиления ответственности ввел в качестве квалифицирующего обстоятельства специальный рецидив в ч. 5 ст. 131 УК РФ: изнасилование потерпевшей, не достигшей

четырнадцатилетнего возраста, совершенное лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. Кроме того, специальный рецидив введен в ст. 132, 134, 135, ч. 2 ст. 291.2 УК. В теории круг составов с признаками специального рецидива обоснованно предлагается расширить [14, с. 59–60].

Мы согласны с утверждением С. В. Кондратьева, что «чем более тяжким является преступление при рецидиве, тем меньшее влияние на назначаемое за него наказание оказывают правила ст. 68 УК» [15, с. 123], поэтому считаем верной уголовную политику, направленную на ужесточение законодательства путем введения специального рецидива в статьи Особенной части УК РФ, предусматривающие ответственность за наиболее тяжкие преступления. Однако считаем необходимым более глубокое исследование вопроса о конструировании специального рецидива в нормах Особенной части УК в целях выработки единой концепции, критериев введения ответственности за специальный рецидив в те или иные составы преступления.

Кроме того, специальный рецидив известен уголовному праву еще с древних времен. Ю. И. Бытко пишет: «Понятие рецидива преступлений было известно уже в римском праве. В русском законодательстве данное понятие впервые было закреплено в «Русской правде». В качестве повторных и рецидивных выделялись лишь тождественные преступления – воровство, под которым понималась не только кража, но и целая группа других имущественных преступлений» [16, с. 13]. Большое количество норм Особенной части УК РФ предусматривало специальный рецидив в качестве квалифицирующего обстоятельства и до реформирования уголовного законодательства в 2003 г.

Следовательно, нельзя говорить об отсутствии практического значения деления рецидива на общий и специальный. Кроме того, в случаях, прямо не предусмотренных УК РФ, специальный рецидив может учитываться судом при назначении наказания.

Помимо изложенного, уголовно-правовое значение рецидива состоит в том, что он: а) *влияет на назначение судом наказания* (в ст. 68 УК РФ установлены специальные правила назначения наказания при рецидиве преступлений); б) *влияет на выбор вида*

исправительного учреждения (в соответствии с ч. 1, 2 ст. 58 УК РФ в зависимости от вида рецидива преступлений суд может назначить отбывание наказания в виде лишения свободы в колонии-поселении, исправительных поселениях общего, строгого или особого режимов либо в тюрьме); в) *препятствует условному осуждению* (согласно ч. 1 ст. 73 УК РФ условное осуждение не назначается в том числе при опасном или особо опасном рецидиве).

Таким образом, понятие рецидив преступлений включает два основных признака: 1) лицо должно совершить два и более умышленных преступления; 2) хотя бы за одно из совершенных преступлений лицо должно быть осуждено и иметь неснятую и непогашенную судимость. По мнению законодателя, указанный институт следует рассматривать как один из видов множественности преступлений. Однако уголовно-правовое значение рецидива преступлений не ограничивается содержанием данной статьи. Он используется в качестве квалифицирующего признака в ряде статей Особенной части УК РФ, влияет на назначение судом наказания, выбор исправительного учреждения, а также препятствует условному осуждению лица.

Ссылки

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-сентябрь 2016 года. URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/7445977/> (дата обращения: 14.11.2016).

2. Агаев И. Б. Рецидив в системе множественности преступлений: монография. М., 2002. 108 с.

3. Кафаров Т. М. Проблемы рецидива в советском уголовном праве. Баку, 1972. 347 с.

4. Голик Ю. В., Мирончик И. Я. Неосторожный рецидив: уголовно-правовой и криминологический аспекты // Уголовно-правовые меры борьбы с преступностью в условиях перестройки. Свердловск, 1990. С. 60–65.

5. Апелляционное постановление Центрального районного суда г. Твери от 21.03.2016 по делу № 10-5/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Кобец П. Н. Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения рецидива тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья. М., 2009. 118 с.

7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Бойко. Ростов н/Д, 1996. 572 с.

8. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Р. Р. Галиакбарова. Саратов, 1997. 425 с.

9. Благов Е. В. Назначение наказания: (теория и практика). Ярославль, 2002. 176 с.

10. Благов Е. В. О дифференциации наказания при рецидиве преступлений // Законодательная техника и дифференциация ответственности в современном уголовном праве и процессе России: сб. науч. ст. / под ред. Л. Л. Кругликова. Ярославль, 2005. С. 10–20.

11. Приговор Рыбинского городского суда Ярославской области по делу № 1-512/2014 // Архив Рыбинского городского суда Ярославской области за 2014 г.

12. Шнитенков А. В. Множественность преступлений в уголовном праве: учебное пособие. Оренбург, 2014. 49 с.

13. Козлов А. П., Севастьянов А. П. Единичные и множественные преступления. СПб., 2011. 915 с.

14. Иванчин А. В. Факторы, учитываемые в процессе конструирования состава преступления // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 56–61.

15. Кондратьев С. В. Об усилении ответственности при специальном рецидиве преступлений // Экономика и право. 2012. № 4. С. 122–127.

16. Бытко Ю. И. Понятие рецидива преступлений: Исторический очерк / под ред. И. С. Ноя. Саратов, 1978. 76 с.

А. А. Степанов

(Ярославский госуниверситет)

E-mail: yaroslavlstepanovartem@mail.ru

Сущность конфискации имущества в уголовном праве России

В статье анализируется сущность российской модели конфискации имущества, закрепленной в УК РФ, выявляются ее цели и признаки. Автором рассмотрены наиболее распространенные теоретические концепции о сущности и месте норм о принудительном изъятии имущества лиц, причастных к преступлению, предложено собственное видение данной проблемы.

Ключевые слова: конфискация имущества, правовая (юридическая) природа, сущность конфискации, отраслевая принадлежность, иные меры уголовно-правового характера.

A. A. Stepanov

(Yaroslavl State University)

The nature of forfeiture of property in Russian Criminal Law

The article describes a nature of Russian Criminal model of forfeiture of assets. Author regards the most common theoretical concepts about the nature and place of the rules on compulsory seizure of the property of persons involved in the crime, suggests own vision of this problem.

Keywords: forfeiture of property, law nature, branch affiliations, measures of criminal treatment.

В юридической литературе «выражения «правовая природа», «юридическая природа», «природа» находят довольно широкое применение, однако содержание их не раскрывается, не конкретизируется»¹ [1, с. 63]. Несмотря на дискуссионность содержания термина

---

¹ Понятия «сущность» и «правовая природа» в данной статье используются как синонимичные.

---

* Статья выполнена в рамках проекта РГНФ № 17-03-00682.

© Степанов А. А., 2017

«юридическая природа», при определении сущности специальной конфискации имущества, указанного в ст. 104.1, 104.2 УК РФ, мы будем придерживаться ориентиров, обозначенных Л. Л. Кругликовым [1, с. 63–64].

Сравнительный уровень исследования не позволяет сделать однозначный вывод о природе конфискации имущества. В истории российского уголовного законодательства конфискация имущества выступала в качестве как дополнительного наказания, так и факультативного последствия применения уголовных и исправительных наказаний, меры социальной защиты.

Международные правовые акты не раскрывают сущность конфискации имущества, так как содержат дискреционные нормы, позволяющие государствам самостоятельно определить способ регламентации данной меры; а используемые в международных источниках термины «наказание», «санкция», «иные меры» используются как взаимозаменяемые и синонимичные.

Опыт зарубежных стран также не вносит ясность: даже в странах постсоветского пространства конфискация имущества подчас относится к дополнительному наказанию, иным мерам уголовно-правового характера, мерам карательного воздействия, мерам безопасности и т. д. Аналогичный «плюрализм» характерен и для стран «дальнего» зарубежья.

Большинство суждений о правовой природе конфискации имущества, указанного в ст. 104.1, 104.2 УК РФ, возможно свести к следующим группам: конфискация имущества является наказанием [2, с. 163–164; 3, с. 14; 4, с. 298; 5, с. 176–177; 6, с. 179; 7, с. 265; 8, с. 123]; конфискация имущества обладает признаками «иной меры» (необязательно «иной меры уголовно-правового характера») [9; 10, с. 11; 11, с. 60; 12, с. 27; 13, с. 22; 14, с. 20; 15]; конфискация имеет процессуальную природу и должна быть исключена из УК [16, с. 24].

Для того чтобы понять, какая из существующих в литературе позиций ближе к истине, считаем необходимым выделить признаки

---

² Однако в литературе существуют и иные мнения. Например, А. А. Пропостин указывает, что конфискацию имущества необходимо предусмотреть в отдельном федеральном законе в качестве административной меры (см.: Пропостин А. А. Конфискация как имущественная мера криминологической безопасности // Вестник Томского университета. 2010. № 331. С. 122).

наказания, иных мер уголовно-правового характера, уголовно-процессуального института распоряжения вещественными доказательствами и соотносить указанные признаки с отличительными чертами конфискации каждой категории имущества, указанного в ст. 104.1–104.2 УК РФ.

Несмотря на то что в теории предлагаются различные трактовки понятия, содержания и целей уголовного наказания, мы будем исходить из понятия и целей данного института, указанных в ст. 43 УК РФ.

Иные меры уголовно-правового характера, так же как и наказание, являются мерами государственного принуждения, назначаются от имени государства лицу, совершившему общественно опасное деяние. Они могут быть применимы как в сфере уголовной ответственности, так и за ее границами [17, с. 155–156, автор темы 15 – С. А. Боровиков], иметь цели, отличительные от целей наказания [18, с. 127–128], и правоограничительное, но не карающее значение [19, с. 21; 19, с. 61].

Исходя из положений УПК, считаем, что уголовно-процессуальный институт распоряжения вещественными доказательствами является комплексом мер, направленных на определение судьбы имущества, признанного вещественным доказательством. Определение дальнейшей судьбы имущества основано на принципах защиты интереса законного владельца, обеспечения здорового функционирования общества, а также процессуальной экономии³. В ходе определения судьбы вещественного доказательства могут быть ограничены права (имущественные интересы) фактического собственника (или владельца) вещественного доказательства.

С нашей точки зрения, конфискация *преступно нажитого имущества и доходов* от него («а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ) не обладает правоограничительными⁴ свойствами, так как приобретение имущества незаконным путем не может стать основанием возникновения какого-либо права. Изъятие и обращение такого имущества в первую очередь преследует цель исключить «экономический» эффект

---

³ Также отдельно можно выделить функцию формирования и пополнения криминалистических коллекций.

⁴ На страницах работы термины «лишение права» и «ограничение права» будут использоваться как синонимичные.

от совершения преступления, что в последующем приводит к частной и общей превенции, восстановлению социальной справедливости.

Аналогично не может влечь ограничение прав конфискация предметов контрабанды («а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ), которыми осужденный не мог обладать ни при каких обстоятельствах (предметы, запрещенные к обороту, например оружие массового поражения) либо которыми он обладал в нарушение установленного порядка (предметы, ограниченные в обороте, например инструменты или оборудование, находящиеся под специальным контролем и используемые для изготовления наркотических средств)⁵. Конфискация указанных предметов контрабанды преследует целью обеспечение общественной и государственной безопасности, носит пресекательный характер.

Также считаем, что любая форма «легализации» преступно нажитого имущества не может повлечь возникновение каких-либо прав у осужденного (третьего лица) в силу *порочности* сделкоподобных действий. Следовательно, конфискация имущества по п. «б» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, ч. 2 и 3 ст. 104.1 УК РФ не может влечь ограничение прав и свобод обвиняемого и третьих лиц (цели совпадают с конфискацией по п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК).

Пресекательной функцией, с нашей точки зрения, обладает конфискация имущества по п. «в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Изъятие такого имущества направлено на недопущение опасных последствий, которые могут наступить в случае, если денежные средства, ценности либо иное имущество будут реализованы субъектом финансирования «по назначению».

Конфискация орудий и средств совершения преступления (п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ) имеет целью обеспечение безопасности общественных отношений и заключается в изъятии потенциально опасного имущества из «сферы принадлежности обвиняемого», например в случае конфискации орудий взлома, орудий убийства, бензопилы, выступающей средством незаконной рубки лесных насаждений и т. д.

Невозможно в случаях, предусмотренных п. «а» (в части не запрещенных и не ограниченных в обороте предметов контра-

---

⁵ О классификации запрещенных к обороту предметов на «условно запрещенные и безусловно запрещенные к обращению» см.: [25, с. 41].

банды, например в случае контрабанды законно нажитых денежных средств), «в» (в части денег, ценностей и имущества, принадлежащего обвиняемому на законных основаниях⁶), «г» ч. 1 ст. 104.1, ч. 1 и 2 ст. 104.2 УК РФ отрицать *наличие последствия в виде лишения права*, так как перечисленные основания предусматривают конфискацию имущества, принадлежащего осужденному, однако лишение прав и свобод в указанных случаях не преследует всех или части целей, характерных для института наказания, а направлено на реализацию иных задач.

Отдельно оговоримся о характере правоограничительных мер, характерных для п. «г» ч. 1 ст. 104.1, ч. 1 и 2 ст. 104.2 УК РФ.

Конфискация орудий и средств совершения преступления, как правило, выполняет функцию по обеспечению безопасности. Исключением из данного правила становится конфискация транспортных средств, используемых *исключительно для транспортировки* предметов преступной деятельности (например, незаконно добытой древесины). Изучение практики показывает, что данная мера судами воспринимается *как* наказание [21, 22, 23]: суды распространяют нормы о назначении наказания (ст. 60 УК) на институт конфискации имущества и допускают учет конкретных обстоятельств содеянного, личности виновного, отягчающих и смягчающих обстоятельств при определении вопроса об избрании *обязательной* меры в виде конфискации имущества⁷.

Лишение права в случае конфискации *законно нажитого* имущества, указанного в ч. 1 и 2 ст. 104.2 УК РФ, выполняет обеспечительную [25, с. 77], а также компенсационную функцию, которая в силу ст. 104.3 УК присуща любому виду конфискации, установленной гл. 15.1 УК РФ.

---

⁶ Мыслится, что п. «в» ч. 1 ст. 104.1 охватывает случаи финансирования терроризма и т. д. как за счет законно нажитых средств, принадлежащих либо не принадлежащих обвиняемому, так и за счет преступно нажитого имущества.

⁷ Уместным считаем мнение А. А. Пропостина: «Размер этой меры зависит исключительно от количества выявленного имущества, подлежащего изъятию. Поскольку рассматриваемая мера ... предназначена прежде всего для лишения выгоды от преступления..., то и ее индивидуализация не требуется» [24, с. 178]..

Бесспорным является факт, что конфискация имущества не может быть реализована за пределами уголовной ответственности, однако в соответствии с ч. 1 ст. 104.1 УК РФ и ст. 302 УПК РФ конфискация может быть назначена «автономно» от наказания. Об этом же свидетельствует проанализированная практика [26, 27, 28, 29].

Отличительной чертой конфискации имущества, указанного в ч. 1, 2, 3 ст. 104.1 УК РФ, с нашей точки зрения, является то, что указанное имущество, как правило, может быть конфисковано, если на стадии предварительного расследования оно было признано вещественным доказательством. Но стоит иметь в виду, что объектом конфискации не всегда являются *овеществленные* имущественные блага. Например, в качестве такого могут выступать денежные средства, хранящиеся на банковских счетах, которые в силу ст. 81 УПК РФ невозможно признать имущественным доказательством [24, 171; 25, с. 51].

Если обобщить признаки конфискации имущества, указанного в ст. 104.1–104.2 УК РФ, то можно сделать вывод, что институт конфискации имущества, указанного в ст. 104.1–104.2 УК, имеет *признаки*, характерные:

- для наказания (носит признак государственного принуждения; назначается в случае совершения преступления; может влечь последствие в виде лишения права; может быть направлено на реализацию целей по восстановлению социальной справедливости, общей и частной превенции);

- иных мер уголовно-правового характера (признак государственного принуждения; возможность назначения отдельно от наказания; лишение права не является обязательным признаком и может обеспечивать цели, отличные от целей наказания);

- распоряжения вещественными доказательствами (конфискация имущества, как правило, определяет дальнейшую судьбу вещественных доказательств, может преследовать в качестве цели обеспечение общественной и государственной безопасности).

Резюмируя, отметим, что специальная конфискация имущества имеет *межотраслевую природу*, а вопрос о ее месте в структуре отечественного УК является предметом законодательной техники и уголовной политики.

Ссылки

1. Кругликов Л. Л. Генезис правовой природы обстоятельств дела, смягчающих и отягчающих ответственность // Проблемы теории уголовного права. Избранные статьи (1982–1999 г.). Ярославль, 1999. С. 63–71.

2. Анощенкова С. В., Чибулаева С. А. Конфискация имущества как мера уголовного наказания // Уголовно-правовая политика и проблемы противодействия современной преступности. Саратов, 2006. С. 163–166.

3. Голубев И. И. Конфискация имущества как вид уголовного наказания: дис...канд. юрид. наук. М., 1999. 181 с.

4. Звечаровский И. Э., Цепелев В. Ф. Конфискация имущества: новое пришествие // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 4-й Международной научно-практической конференции, 25–26 января 2007. М., 2007. С. 294–298.

5. Каплин М. Н. О правовой природе конфискации имущества (гл. 151 УК РФ) // Проблемы совершенствования юридической техники и дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе. Ярославль, 2008. С. 171–178.

6. Кругликов Л. Л. К вопросу о правовой природе специальной конфискации // Проблемы совершенствования юридической техники и дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе. Ярославль, 2008. С. 178–186.

7. Непомнящая Т. В. Меры уголовно-правового характера // Вестник Омского университета. 2008. № 3. С. 261–267.

8. Буркина О. А., Устинов А. А. Конфискация имущества как мера противодействия коррупции // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2. С. 119–124.

9. Волженкин Б. В. Загадки конфискации // Известия вузов. Правоведение. 2008. № 2. СПС «КонсультантПлюс».

10. Калинина Т. М., Палий В. В. Иные меры уголовно-правового характера: научно-практический комментарий. М., 2011. 152 с.

11. Курганов С. И. Меры уголовно-правового характера // Уголовное право. 2007. № 2. С. 59–63.

12. Матвеева А. А. Конфискация имущества в современном законодательстве Российской Федерации // Вестник Московского университета. 2007. № 4. С. 14–31.

13. Набиуллин Ф. К. Некарательные меры уголовно-правового характера: природа, система и социально-правовое назначение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008. 24 с.

14. Ревин В. Я. Особенности конфискации имущества в уголовном законе // Российский следователь. 2007. № 24. С. 18–20.

15. Уголовно-правовое воздействие: монография / под ред. А. И. Рарога. М., 2012. СПС «КонсультантПлюс».

16. Звечаровский И. Э. Некоторые вопросы внутриотраслевой рассогласованности норм уголовного законодательства (в аспекте задач Уголовного кодекса Российской Федерации) // Уголовное право. 2007. № 1. С. 20–24.

17. Практикум по уголовному праву. Части Общая и Особенная: учебное пособие / под ред. Л. Л. Кругликова. М., 2011. 348 с.

18. Гребенкин Ф. Б. Понятие, признаки и виды иных мер уголовно-правового характера // Системность в уголовном праве: материалы II Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая –1 июня 2007. М., 2007. С. 127–128.

19. Карпов К. Н. Иные меры уголовно-правового характера: системы, виды. монография. М., 2012. 208 с.

20. Скобелин С. Ю. Сущность и содержание мер уголовно-правового характера, альтернативных наказанию // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. № 4. С. 57–62.

21. Постановление Президиума Забайкальского краевого суда от 16.01.2014 № 44-у-210/к // Sudact.ru: интернет-ресурс. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/oVbH9mUwRsZn> (дата обращения: 15.12.2016).

22. Апелляционное определение судебной коллегии суда Еврейской автономной области от 26.03.2013 по делу № 22-126/2013 // Sudact.ru: интернет-ресурс. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/otX5Qw9r77VT> (дата обращения: 15.12.2016).

23. Приговор Московского районного суда города Санкт-Петербурга от 17.07.2015 по делу № 1-693/2015 // Sudact.ru: интернет-ресурс. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/GYpJKGQGOtYr/> (дата обращения: 15.12.2016).

24. Пропостин А. А. Конфискация имущества: прошлое, настоящее, будущее: монография. М., 2011. 264 с.

25. Висков Н. В. Специальная конфискация: юридическая природа, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные средства обеспечения исполнения: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 222 с.

26. Приговор Южно-Сахалинского городского суда Сахалинской области от 02.07.2015 по делу № 1-656/2015 // Sudact.ru: интернет-ресурс. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Njibmlp9POdb/> (дата обращения: 15.12.2016).

27. Приговор Новоалтайского городского суда Алтайского края от 26.08.2016 по делу №1-438/2015 // Sudact.ru: интернет-ресурс. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/irA8oh8NhgdC> (дата обращения: 15.12.2016).

28. Приговор Ивановского районного суда Ивановской области от 21.07.2015 по делу № 1-119/2015 // Sudact.ru: интернет-ресурс. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/O9tALGNWuuLn> (дата обращения: 15.12.2016)

Сведения об авторах*

- Кругликов Лев Леонидович* – доктор юридических наук,
заслуженный деятель науки РФ
- Иванчин Артём Владимирович* – доктор юридических наук
- Лапшин Валерий Федорович* – кандидат юридических наук
- Благов Евгений Владимирович* – доктор юридических наук
- Калмыков Дмитрий Александрович* – кандидат юридических наук
- Каплин Михаил Николаевич* – кандидат юридических наук
- Князьков Александр Александрович* – кандидат юридических наук
- Комарова Ольга Юрьевна* – кандидат социологических наук
- Кулев Александр Геннадьевич* – кандидат юридических наук
- Некрасов Василий Николаевич* – кандидат юридических наук
- Похлеба Татьяна Игоревна* – кандидат юридических наук
- Румянцев Михаил Сергеевич* – прокуратура Ярославской области
- Санташов Андрей Леонидович* – кандидат юридических наук
- Зиновьев Иван Леонидович* – прокуратура Вологодской области
- Смирнов Роман Юрьевич* – кандидат юридических наук
- Соловьёв Олег Геннадьевич* – кандидат юридических наук
- Спиридонова Ольга Евгеньевна* – кандидат юридических наук
- Язева Екатерина Евгеньевна* – кандидат юридических наук
- Чернышкова Лидия Юрьевна* – кандидат юридических наук
- Шиловский Сергей Васильевич* – кандидат юридических наук
- Кукушкина Марина Вячеславовна* – аспирант
- Степанов Артем Андреевич* – аспирант

---

⁵ В выпуске представлены научные статьи по материалам национальной конференции «Современные тенденции совершенствования российского законодательства» (Ярославль, 21 июня 2017 г.)

Содержание

Кругликов Л. Л. Отягчающие обстоятельства как ограничительное средство в российском уголовном праве	3
Иванчин А. В. Формальные, материальные и формально-материальные составы преступлений (спорные вопросы трактовки)	13
Лапшин В. Ф. Специальные условия освобождения от ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности	23
Благов Е. В. Об освобождении от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности	32
Калмыков Д. А. Взаимосвязь реформ процессуального статуса защитника в уголовном процессе России – и итогов применения Российского уголовного права: 1864–2014 годы	44
Каплин М. Н. Уголовно-правовой статус имущества, связанного с преступлением	57
Князьков А. А. Некоторые вопросы регламентации позитивного посткриминального поведения субъектов экономической деятельности на примере уголовного законодательства России и Республики Казахстан	66
Комарова О. Ю. Проблемы эффективности уголовной политики в контексте законодательной регламентации основ профилактики правонарушений (отдельные аспекты)	74
Кулев А. Г. Несообщение о преступлении: вопросы законодательной регламентации	84
Некрасов В. Н. К вопросу о дифференциации ответственности за неоконченное преступление	94
Похлеба Т. И. Субъективная сторона преступления как конструктивный признак составов нарушения правил безопасности при ведении работ	101
Румянцев М. С. Специальное освобождение от уголовной ответственности за преступления против порядка корпоративного управления в УК РФ	117

Санташов А. Л., Зиновьев И. Л. Принудительные работы: некоторые вопросы совершенствования уголовного законодательства и практики его применения	123
Смирнов Р. Ю. О законодательном выражении некоторых признаков тяжкого вреда здоровью	130
Соловьев О. Г. Особенности построения диспозиций норм об имущественных и экономических преступлениях в законодательстве некоторых зарубежных стран	137
Спридонова О. Е. О четкости признаков реабилитации нацизма (ч. 3 ст. 354 ¹ УК РФ) в контексте практики их применения	145
Язева Е. Е. О некоторых недостатках законодательной техники при конструировании норм о дифференцированных производствах по уголовным делам (гл. 32.1, 40.1 и 51.1 УПК РФ)	155
Чернышкова Л. Ю. Половая принадлежность как средство дифференциации уголовной ответственности: историко-правовой аспект	169
Шиловский С. В. Отдельные вопросы законодательной техники при использовании указания на способ совершения преступления в уголовно-правовой норме	178
Кукушкина М. В. К вопросу о понятии, видах и значении рецидива преступлений в уголовном праве России	185
Степанов А. А. Сущность конфискации имущества в уголовном праве России	194
Сведения об авторах	203

Научное издание

**Актуальные проблемы
уголовного права
на современном этапе**
(вопросы дифференциации ответственности
и законодательной техники)

Научный журнал

Выпуск 6

Редактор, корректор Л. Н. Селиванова
Верстка М. В. Бакаевой

Подписано в печать 10.10.2017.

Дата выхода в свет 17.10.2017. Формат 60×90 1/16. Кол-во с. – 206.

Усл. печ. л. 12,88. Уч.-изд. л. 10,1.

Тираж 80 экз. Заказ № 17178. Свободная цена.

Адрес издателя:

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14